

**Юрий
Ключников**

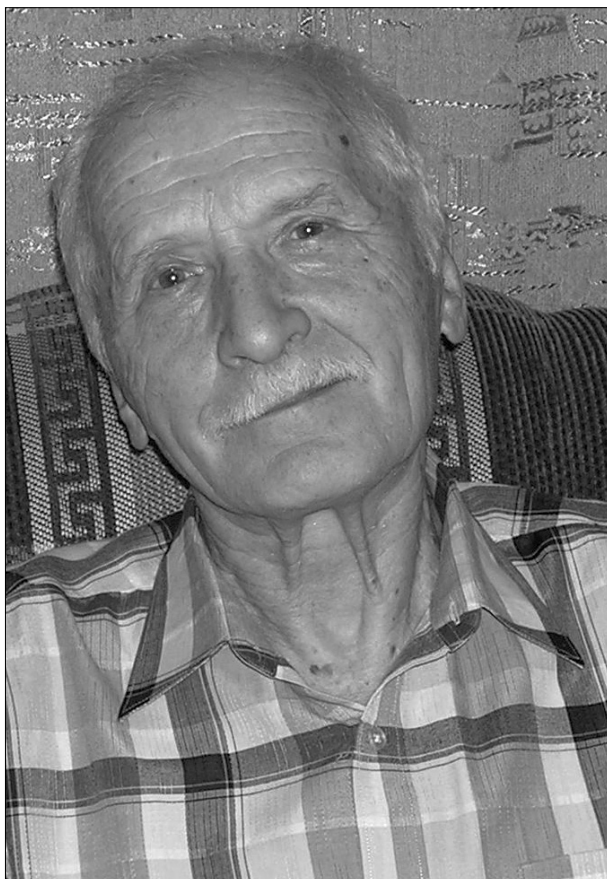
Переводы поэтов
Франции XII–XXI веков

*Откуда
ты приходишь,
красота?*

Юрий Ключников
ОТКУДА
ТЫ ПРИХОДИШЬ,
КРАСОТА?

*Вольные переводы
французской поэзии
XII—XX веков*

Союз писателей России

Юрий Ключников

ОТКУДА
ТЫ ПРИХОДИШЬ,
КРАСОТА?

*Вольные переводы
французской поэзии
XII—XX веков*

Беловодье

МОСКВА
2015

УДК 821.133.1-1(082)

ББК 84(4фра)-5я44

К52

Литературный редактор —
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы РАН, почетный профессор
Шанхайского университета иностранных исследований,
член правления Союза писателей России

С. А. НЕБОЛЬСИН

Ключников Юрий Михайлович.

К52

Откуда ты приходишь, красота?: Вольные переводы французской поэзии XII—XX вв. / Юрий Ключников. — М.: Беловодье, 2015, издание второе, исправленное и дополненное. — 452 с.

ISBN 978-5-93454-191-1

Сборник переводов французской поэзии известного русского поэта, эссеиста, философа, переводчика, автора 17 книг стихов, прозы и публицистики Ю. М. Ключникова «Откуда ты приходишь, красота?» (название — известная строка Бодлера) — самая большая в России поэтическая антология, выполненная одним человеком. Она включает в себя более 250 стихотворений 57 лучших поэтов Франции от XII до конца XX века, предисловие профессора Литинститута С. Б. Джимбинова, отметившего высокую стихотворную культуру переводчика, статью С. Ю. Ключникова, посвященную истории духовных исканий во французской поэзии, эссе переводчика «Пушкин и поэтическая Франция» и стихи-посвящения французским поэтам. Большая часть книги — классические и вольные переводы, а также подражания. Темы французской поэзии разнообразны: любовь к женщине, родине и Богу, радость осуществленной мечты и горечь жизненных утрат, свобода и власть, молитва и земной труд, гармония природы и дисгармония общества, красота земного и небесного мира, искания истины.

Книга «Откуда ты приходишь, красота?» будет очень интересна широкому кругу читателей, сохранивших любовь к Франции и чарующей красоте французской поэзии.

ISBN 978-5-93454-191-1

УДК 821.133.1-1(082)

ББК 84(4фра)-5я44

© Ю. М. Ключников, 2015

© ООО «НПЦТ «Беловодье», 2015

Содержание

НОВАЯ АНТОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ	
<i>С. Б. Джимбинов. Предисловие</i>	8
ИСТОРИЯ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ФРАНЦИИ, РАССКАЗАННАЯ В СТИХАХ	
<i>С. Ю. Ключников. От издательства</i>	13
ЗАМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	
<i>Ю. М. Ключников</i>	44

ПЕРЕВОДЫ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

ХII—ХХ веков

Кретьен де Труа (53), Бернар де Вентадорн (57), Бертран де Борн (62), Гираут де Борнейль (68), Арнаут Даниэль (71), Гийом де Машо (75), Франсуа Вийон (78), Карл (Шарль) Орлеанский (93), Маргарита Наваррская (96), Клеман Маро (99), Жоашен Дю Белле (104), Пьер де Ронсар (109), Пьер Корнель (114), Жан де Лафонтен (117), Жан Расин (121), Граф Сен-Жермен (124), Франсуа-Мари Аруэ Вольтер (126), Андре Шенье (132), Франсуа Шатобриан (138), Пьер Беранже (143), Марселина Деборд-Вальмор (156), Альфонс де Ламартин (160), Альфред де Виньи (164), Виктор Гюго (169), Альфред де Мюссе (180), Теофиль Готье (185), Жерар де Нерваль (191), Леконт де Лиль (195), Шарль Бодлер (200), Теодор Банвиль (209), Вилье де Лиль Адан (212), Сюлли Прюдом (217), Жозе Мария

де Эредиа (222), Стефан Малларме (226), Поль Верлен (235), Тристан Корбьер (251), Артюр Рембо (258), Анри Ренье (276), Франсис Жамм (281), Поль Клодель (287), Поль Валери (298), Гийом Аполлинер (304), Жюль Сюпервьель (314), Жан Кокто (318), Поль Элюар (324), Антуан де Сент-Экзюпери (330), Робер Деснос (334), Рене-Ги Каду (340)

ПОДРАЖАНИЯ

Пьер Жув (347), Сен-Жон Перс (352), Луи Арагон (355), Жак Превер (360), Раймонд Кено (365), Эжен Гильвик (370), Рене Шар (373), Андре Френо (376), Жак Брель (379)

ЭССЕ

ПУШКИН И ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАНЦИЯ

Ю. М. Ключников 389

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. Ю. Ключников. Биография Ю. М. Ключникова 428

Известные литераторы о Ю. М. Ключникове 432

La biographie de Yuriy Kluchnikov en francais

Перевод Томаса Портангуэна 435

Sommaire. *Перевод Томаса Портангуэна* 437

Указатель стихотворений 443

*Пусть не услышу от французов слова,
Как их стихи на русском хороши.
Мне важно из безмолвного былого
Извлечь живую суть живой души:
— Мир не был и не будет совершенен,
Грядущий рай — несбыточная бредь.
Но не прими, о, правнук, тех решений,
В которых души могут умереть.
Где вместо птиц и голоса поэта
Повсюду зазвучит бездушный звук
Симфонии по имени «Монета».
Да не произойдет такое вдруг!*

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

НОВАЯ АНТОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Сборник переводов из французской поэзии Юрия Ключникова «Откуда ты приходишь, красота?» — явление по-своему уникальное. Пожалуй, это самый большой и представительный сборник французских стихов, выполненный одним переводчиком.

Хронологически книга охватывает всю историю французской поэзии — с XII по XX век — целых восемь веков, представленных более чем пятьюдесятью поэтами и более чем двумястами пятьюдесятью стихотворениями! При этом даже такие исключительно трудные для перевода поэты, как Стефан Малларме и Поль Валери (мастера темной герметической поэзии), не обойдены вниманием переводчика.

И вот что я еще заметил: в переводах Ю. Ключникова эти мастера сложной, зашифрованной поэзии звучат по-русски гораздо прозрачнее, чем в оригинале. То есть переводчик невольно производит расшифровку малопонятных даже для читателя-француза текстов, давая свою интерпретацию их смысла. Правда, оба стихотворения Поля Валери принадлежат к числу его ранних произведений, вошедших в первый сборник этого автора «Альбом старых стихов». Но относительно стихотворений Малларме такое не скажешь: он представлен главным образом поздними стихами.

Несколько слов об особенностях французской поэзии. Прежде всего в отличие от силлабо-тонической (немецкой, английской или русской) она лишь силлабическая. Иначе говоря, француз считает количество слогов в стихе, не обращая внимания на соразмерность слогов ударных и безударных. Это связано с особенностью французского языка, где ударение фиксировано строго на последнем слоге. Так, французы говорят «Пушк^ин», «Гог^оль», «Достоевск^ий». Странно, причудливо, но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Отсюда проистекает еще одна особенность французских стихов: нельзя судить по одной строке даже самого большого поэта данной страны, стихи у него — проза. Вот когда произнесут вторую строчку и в ней будет точно такое же количество слогов, тогда можно понять, что дело имеешь с поэзией. Какая разница с русскими или немецкими стихами...

В 20-е и 30-е годы XX века чуть ли не все французские поэты были сюрреалистами (исключения можно пересчитать по пальцам: П. Клодель, П. Вальери, Сен-Жон Перс). А после Второй мировой войны почти все стихотворцы так же дружно перешли на верлибр, отказавшись от рифмы и соблюдения числа слогов. Кстати, давно было замечено, что число рифм во французском языке ограничено, и переход на верлибр в какой-то мере был неизбежным.

Но обратимся к переводам Юрия Ключникова. В русской поэтической традиции сложились уже в первой половине XX века две совершенно различные школы перевода. Первую мы назовем условно

«буквалистской», она стремится по возможности передать все оттенки смысла оригинала, приближаясь иногда по точности к подстрочнику. Главные представители этой школы — Валерий Брюсов, Георгий Шенгели и прежде всего, конечно, Михаил Лозинский, перевод которого «Божественной комедии» Данте, написанной терцинами, отличается феноменальной точностью.

Другая школа восходит в своих истоках к крупнейшему русскому переводчику XIX века Василию Андреевичу Жуковскому, и ее можно назвать школой вольного перевода. Основной принцип этой школы ясно выразил Вильгельм Левик: «Главное — чтобы при переводе возникли хорошие русские стихи». То есть точность передачи всех оттенков смысла явно отходит на второй план. Эта школа представлена именами Бориса Пастернака, Самуила Маршака, уже упоминавшегося Вильгельма Левика и многих, многих других.

К какой же из этих двух школ принадлежит Юрий Ключников? Разумеется, ко второй. Положив рядом французские оригиналы переведенных им стихов, мы во многих случаях напрасно будем искать точное соответствие смысловых оттенков. Но ведь такого соответствия не было и у великого Жуковского, который позволял себе сокращать даже классические стихи Шиллера. Здесь стоит другая задача: дать общий, целостный абрис источника, передать дух стихотворения, пропущенный через душу и мировосприятие переводчика.

Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются

легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке «темных» мест поэт взял на себя, о чем он говорит сам. Хотя, конечно, некоторые утверждения переводчика кажутся мне спорными. Например, «Осеннюю песнь» П. Верлена будто бы никто из русских символистов не смог перевести адекватно. Сравнительно недавно в серии «Мастера поэтического перевода» (Москва, издательство «Прогресс», 2008) впервые вышел сборник переводов Федора Сологуба, где многие стихотворения Верлена даны в нескольких вариантах, ранних и поздних. И мы увидели чудо: то, чего не сумели сделать Брюсов и Бальмонт, смог совершить чародей слова Федор Сологуб.

Особо отмечу вступительные зарисовки данной антологии о каждом французском поэте, которые тоже написаны переводчиком. Они, как правило, содержат не сухие биографические сведения об авторах, но свежие, неординарные замечания о месте того или иного поэта на «облучке французской поэтической кареты». Завершает книгу этюд «Пушкин и поэтическая Франция», написанный так же свободно, как и другие очерки. В этом заключительном эссе высказана мысль, что «наше все» — Пушкин сумел сконцентрировать в себе многовековой духовный опыт поэтической Франции. И пошел еще дальше...

В заключение несколько слов о самом Юрии Ключникове. Он уже далеко не молодой человек — родился в декабре 1930 года на Восточной Украине, которая в эти дни пылает в огне междоусобной войны, двенадцатилетним мальчиком был перевезен в Сибирь и остался там навсегда. Закончил филоло-

гический факультет старейшего в Сибири Томского университета. По-видимому, в университете пришлось изучать другие языки, так как французский Юрий Ключников избрал уже после университета и изучил самостоятельно. Сейчас он живет и работает в Новосибирске.

Данное издание сборника Юрия Ключникова «Откуда ты приходишь, красота?» уже второе по счету. В настоящем издании многие из стихотворений серьезно переработаны и дают по-своему целостную картину развития французской поэзии на всем протяжении ее исторического пути. Ни одно из больших имен при этом не забыто: Вийон, Ронсар, Дю Белле, Вольтер, Шатобриан, Шенье, Ламартин, Гюго, Бодлер, Верлен, Эредиа, Рембо, Аполлинер, Кокто, Превьер, Элюар и десятки других поэтов.

Помнится, в свое время мой товарищ по Литературному институту Геннадий Айги составил и перевел на чувашский язык антологию французской поэзии. Это вскоре было замечено во Франции, и на переводчика посыпались награды и приглашения посетить столь близкую его сердцу страну. Хотелось бы, чтобы большой труд Юрия Ключникова был также замечен не только в России, но и во Франции.

Повторюсь: такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас еще не было ни до, ни после революции.

СТАНИСЛАВ ДЖИМБИНОВ,

*профессор кафедры зарубежной литературы
Литературного института имени А. М. Горького*

ИСТОРИЯ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ФРАНЦИИ, РАССКАЗАННАЯ В СТИХАХ

1

Мы держим в руках антологию французской поэзии, подготовленную моим отцом, поэтом Юрием Ключниковым. В ней помимо стихов помещен ряд статей. Это предисловие профессора Литературного института С. Б. Джимбинова, посвященное литературной стороне дела, данная статья, в которой сделана попытка проследить движение национального духа Франции в поэзии, эссе переводчика «Пушкин и поэтическая Франция». Кроме того, книга содержит биографические статьи к каждому из 57 поэтов и, наконец, собственные стихи поэта-переводчика, как отклики на творения самых выдающихся французских мастеров. Это уже второе издание книги, исправленное, расширенное и дополненное рядом новых стихотворений.

Работа над книгой началась еще в 1960-е годы, когда автор, самостоятельно изучивший французский язык, начал переводить французских символистов. Тогда он ограничился переводом всего полутора десятка стихотворений, так нигде и не опубликованных. Затем последовал большой временной перерыв, и уже в весьма преклонном возрасте Юрий Ключников вернулся к теме Франции и перевел более

250 стихотворений разных авторов. Тем, кто знаком с творчеством Ключникова (а в последние годы его стихи, эссе и публицистика получили известность в России), сама эта попытка может показаться довольно неожиданной, ведь по своим взглядам и тяготениям Ключников — прежде всего патриот, певец русской традиции и в немалой степени восточник. Об этом говорят совершенные им шесть путешествий по Индии, встречи с мудрецами этой страны в ашрамах, описанные в его книге «Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте», наконец, многие стихотворения. Но, как оказалось, восточник, хорошо знающий и понимающий Запад и западную культуру, которому удалось по-новому осмыслить диалог поэтической России и поэтической Европы.

2

Что же побудило Юрия Ключникова вернуться к переводам, значительно увеличить число авторов и количество стихов и сделать целую книгу? В первую очередь — горячее желание приблизить к русскому читателю изящество слога и духовную глубину музыки Франции. Также сегодня, в эпоху напряженных поисков русского пути, автор захотел осмыслить все стороны (плодотворные и горькие) влияния Запада на русскую культуру. Французы в силу своего исторического возраста и тесных с нами связей — наши учителя, ведь самые лучшие представители отечественной культуры, включая Пушкина, учились у них. Мы повторили (правда, с серьезными национальными вариациями) многие исторические зиг-

заги Франции, например, революции, где, правда, наши восставшие классы сражались больше не за идеалы индивидуальной свободы, а за народные, коллективистские ценности.

Все, что происходило во Франции, через какое-то время докатывалось и до России. В первую очередь это касалось искусства, литературы. Потому, как ни настаивай на российской художественной самобытности (что само по себе бесспорно), остается неоспоримым фактом: русская поэтическая культура, особенно на своем раннем этапе, развивалась под несомненным влиянием западной, и прежде всего французской. Несмотря на войны и временные раздоры, самым близким культурным союзником России в Западной Европе, оказывающим влияние на отечественную интеллигенцию, была, вне сомнения, страна, породившая Верлена, «Марсельезу» и Наполеона. Культурное и политическое союзничество между нашими странами сохраняется до сих пор. Не зря в современной глобальной политике именно Франция выступает как наиболее близкий и дружественный партнер России в Европе, как опытный посредник между нашей страной и остальным Западом на международных переговорах в случае возникновения серьезных разногласий.

Русские литераторы по-разному относились к Франции на протяжении истории, нередко критиковали французскую культуру и жизнь за отсутствие в ней, по их мнению, стремления к истине, за недостаток глубины и увлечение внешним блеском. Одновременно испытывали сильную тягу к

Франции, ездили или мечтали съездить туда, как тот же Пушкин. Даже высказывали, как Маяковский, готовность умереть в Париже, если б «не было такой земли — Москва». Именно об этом, глубоко русском, увлечении и даже очаровании Францией очень точно сказал поэт Юрий Кузнецов, отправивший «для того, кто по-прежнему молод» своих поэтических пегасов «во Францию-город на руины великих идей»:

Нам чужая душа — не потемки
И не блеск Елисейских полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.
Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.

И, конечно, русские поэты переводили французскую поэзию, отбирая при этом те стихи, которые были ближе каждому переводившему. Проблема отбора авторов и стихов встала и перед Юрием Ключниковым. По его человеческому и поэтическому темпераменту ему всегда были ближе цельные и сильные люди как в творчестве, так и в жизни. Поэтому вначале он ограничил свой выбор поэтами данного типа. Однако в поэзии сила измеряется прежде всего искренностью и талантом. Многие из поэтов жили бедно, бестолково, совершая дикие, с точки зрения обывателя, поступки, но в своих произведе-

ниях являли собой образцы цельности, силы, громадного жизнелюбия. Другие при внешне благополучной жизни обладали повышенной ранимостью, несли в стихах боль и трагизм.

В итоге переводчик выбрал у каждого французского поэта стихи, на глубинном уровне близкие русской традиции, где даже отчаяние и трагедийность рождают очистительные переживания. Как, например, у Андрея Шенье или Гийома Аполлинера. Хорошо обо всем этом сказал критик Валентин Курбатов в своем предисловии к сборнику Юрия Ключникова «Дом и дым», где была опубликована первая небольшая часть серии переводов французской поэзии, в этом издании значительно переработанных:

«Но прочитаешь переводы и с радостью увидишь, как они естественны в книге. Совсем вроде не наши озорство и беспечность, любовь и игра со смертью — Франция, что с нее возьмешь, — но и наши! Наши! Тут и видишь, как они держат лучшее в Ключникове, его свет и волю. Ведь перевод — это всегда немного исповедь и автопортрет в том, что ты переводишь и как».

В процессе работы над переводами Юрию Ключникову все более становилось понятно, что образ европейской музыки, иногда представляемый чуть ли не в виде вавилонской блудницы, столкнувшей русскую поэзию на опасную тропу любования пороком, далек от реальности. Во-первых, в наших душах и своих демонов хватает и хватало всегда, во-вторых, поэзия и литература Франции — сложнейшее явле-

ние, где было все: и свои соблазны, и свои высочайшие духовные имена и победы. Юрия Ключникова интересуют прежде всего те творцы, которые, пройдя через все искушения и соблазны, выбрались на свет и стали беззаветно служить истине и музе.

3

Переводы посвящены теме любви к женщине, родине и Богу. Тончайшее понимание природы чувственной любви именно французами не оспаривается никем и отражено даже в анекдотах. Любовь французов ко всему французскому во всех сферах жизни, включая товарные предпочтения, также известна всем. А вот тема любви французов ко Всевышнему, религиозная тема в поэзии Франции освещена в России куда слабее. И сборник в каком-то смысле восполняет этот пробел. Простудировав французскую поэзию, Юрий Ключников нашел в ней и открыл для нас пространство, где растут не только «цветы зла», порождающие порченную декадентскую любовь, но и куда более высокие чувства и устремления. Накал этой страстной любви слышен не только в музыке верленовских строчек, но и в мужестве героев Сопротивления и даже в недавнем выстреле Доминика Веннера в Нотр-Дам де Пари, отдавшего свою жизнь за дорогие его душе традиционные национальные ценности.

В этих переводах со всей полнотой проявился стихотворный дар поэта — ведь для того, чтобы конгениально перевести классика, требуется высокое поэтическое мастерство переводящего. А его может

продемонстрировать прежде всего настоящий поэт: профессиональные переводчики-непоэты иногда грешат буквализмом. Будучи сам одним из самых значительных поэтов современной России, со своей философией жизни и творчества, Юрий Ключников в силу своего темперамента просто не мог пойти по пути копирования переводимого им поэта. Он предпочел воспринять каждое французское стихотворение как некое растение, из корней которого набухает множество разнонаправленных побегов и которое надо пересаживать на другую почву, действуя мудро и понимая, что взойдут далеко не все эти побеги. Ключников видит свою задачу в том, чтобы, не насилуя авторский текст, все-таки помочь читателю разглядеть и усилить тот побег, который наиболее ярок и силен.

В процессе решения этой непростой задачи у переводчика родилась следующая творческая стратегия.

Во-первых, он стал переводить французские стихи ясным, современным языком, тяготеющим к слогу русской классической поэзии, стараясь максимально точно расшифровать «темные» герметические места. Потенциал классической поэзии, по мнению Ю. Ключникова, далеко не исчерпан!

Во-вторых, он практически во всех стихотворениях использовал рифму, избегая верлибра, за активным использованием которого в современной российской поэзии при переводах, по его глубокому убеждению, нередко скрывается простое неумение писать. Даже если стихотворение было написано

верлибром или оно представляет собой ритмизированную прозу (Шатобриан, Клодель, Сен-Жон Перс, Экзюпери), Юрий Ключников все равно превращает его в полноценный образец многоцветной рифмованной поэзии. Выигрыш по сравнению с одноцветными, белыми, переводами огромный.

Попытаемся вспомнить хоть один переведенный верлибром стих даже великого французского или англоязычного поэта. Много ли стихотворений мы сможем воспроизвести в памяти целиком? Иностранная поэзия является для нас, как это ни парадоксально, одной из самых закрытых областей чужой культуры как раз в силу того, что в ее случае мы имеем дело с необходимостью двойного по сути перевода — на другой язык и на язык рифм. Причем и то, и другое нужно уметь делать на очень высоком уровне. Не все переводчики способны не просто переводить, но заново на своем родном языке рождать подлинную поэзию. Юрий Ключников свободно владеет этими двумя видами мастерства. Он убежден, что рифма благодаря эффекту созвучия оживляет стихотворение и держит образ, не позволяя ему расплзтись по пространству тонких поэтических смыслов.

В-третьих, он старается заострить главную мысль стихотворения, сохраняя главный смысл стиха, его глубинную эмоцию, основной образ, внутреннюю музыку, допуская внесение дополнительных образов. Так, в переводе стихотворения Шарля Орлеанского «Сбросило время камзол» переводчик полностью сохранил главный образ пробуждающейся весенней

земли, но в то же время в отдельных строчках допускает новации, отличающиеся от оригинала.

В-четвертых, он варьирует размер стиха там, где можно, стараясь сохранять авторский выбор (так происходит с сонетами), но в других случаях меняя размер. Это позволяет лучше сохранить интонацию стихотворения и в то же время углубить его смысл.

Такая гибкая стратегия делает каждое стихотворение ясным, актуальным для человека нашего столетия, живым и по-настоящему красивым.

Круг имен, вошедших в сборник, расширялся постепенно. Переводчик не включил в него только несколько известных имен, которые скорее были теоретиками и лидерами литературных направлений, нежели творцами яркой и глубокой поэзии: Франсуа Малерб, Никола Буало, Андре Бретон. По мере углубления в стихию французской поэзии Юрий Ключников постепенно пришел к убеждению, что необходимо хотя бы в общих чертах дать панораму французской лирики, охватывающую период в восемь веков*, от XII до XX, от трубадуров и так называемой осени Средневековья до современного ультрамодерна, или, если переходить на имена, от трубадура Кретьена де Труа до поэтов конца двадцатого столетия. И он это сделал, единолично создав самую крупную за всю историю России авторскую антологию французской поэзии. По крайней мере, именно так назвал книгу «Откуда ты приходишь,

* Вспомним замечательную статью переводчика французской поэзии Е. Витковского с похожим названием «Семь веков французской поэзии».

красота?» профессор Литературного института Станислав Джимбинов, один из наиболее авторитетных в России знатоков французской литературы.

4

Действительно, перед нами не просто книга переводов, но целая история духовных исканий Европы и французов, осмысленная Юрием Ключниковым через магический кристалл французской поэзии. За восемь веков произошло огромное количество событий французской и мировой истории. Первые переводы относятся к XII веку — так называемой «осени Средневековья», времени крестовых походов, великого кипения страстей и мощных духовных исканий европейского человека. Согласно Гумилеву, период «золотой осени» той или иной цивилизации несет в себе множество культурных плодов. Формально французская история началась в 843 году с Верденского договора, зафиксировавшего появление молодого государства, которым правила династия Капетингов. Но в IX веке во Франции было еще не до поэзии. Чтобы в государстве появились сильные национальные поэты, нужно было время для осмысления происходящего. Понадобилось несколько веков, пока в стране не появились поэты, перешагнувшие тысячелетие и уверенно вписавшие свои имена в анналы литературной Франции.

О чем писали Кретьен де Труа, Бернар де Вентадорн, Бертран де Борн, Ги раут де Борнейль — поэты, взявшиеся за перо на заре французской литературы? В первую очередь надо понимать, что все

эти авторы — по роду своих занятий трубадуры, а по духу — рыцари, защитники слабых. Темы, поднимавшиеся ими в поэзии, относятся к категории вечных: любовь во всех ее проявлениях, доблесть в бою, честь, верность сюзерену (власти), благородство духа, поклонение Прекрасной даме. Кто-то из этих поэтов оставляет стихи о том, что главная человеческая добродетель — это доблесть в сражениях, которая гораздо важнее всех видов любовных чувств, а кто-то из них ставит любовь на абсолютно первое место, утверждая ее превосходство над долгом. Если попытаться дать формулу, что за человек воспевается трубадурами, то, наверное, это человек героический и любящий. Не герой-любовник позднего времени, играющий в театре жизни свою по большей части разрушительную роль, а рыцарь, готовый защищать свою родину и Прекрасную даму всеми силами своей души и способный ради любви пренебречь многими условностями.

Стихи свидетельствуют: ради истинной любви человек может пойти на очень многое, даже на то, чтобы завести роман с замужней дамой и отбить ее у законного мужа. И поэты скорее на стороне любящего, чем на стороне обманутого мужа, несмотря на иную точку зрения церкви и официальной морали. Национальный характер — вещь таинственная и почти не меняющаяся в веках. Переводы показывают, что уже тогда, в XII—XIII веках, французы на любовном фронте были столь же страстными, хотя форма признания в любви, несомненно, выглядела возвышенной.

В XIV—XV веках и первой половине XVI века картина меняется. На дворе эпоха Возрождения. Сильно влияние Италии и Испании. Возникновение французского Возрождения связывают обычно с двором Маргариты Наваррской, которая сама писала стихи на любовные и философские темы. Тогда образованные люди начали активно интересоваться античностью, ездить в Италию, создавать стихи. Клеман Маро, входивший в круг Наваррской и находившийся под большим подозрением католической церкви за гуманизм и сочувствие к Реформации, писал свою жизнелюбивую любовную лирику. В центре внимания этой поэзии уже не героический рыцарь и возвышенный трубадур, а образованный городской житель, в меру богобоязненный, тяготеющий к вольнодумству, ищущий утешения в жизненных удовольствиях и вместе с тем задумывающийся о быстротечности жизни. Это человек, ищущий себя, скорее, размышляющий и чувствующий, но не умеющий действовать во имя идеи, не герой, не воин.

В это время появляется некий разрыв между искусством и жизнью. Удивительно, что пятнадцатый век, породивший одну из самых героических фигур нашей планеты — Жанну д'Арк, не смог воспеть ее личность в поэзии. Это было сделано много позже не только французами, но и литераторами из разных стран, в том числе и моим отцом, который написал об Орлеанской деве свое стихотворение:

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС ЖАННЫ

*Вам я рассказала все, сеньоры,
Ваше дело — жечь,
Мое — гореть.
Ваша правда — божеские споры,
А моя — за Бога умереть.
Я благодарю за милосердьё,
За огонь, что разгоняет тьму.
За вердикт ваш,
За мое бессмертьё,
За костер. Спасибо и ему.*

Еще одну линию французской поэзии пятнадцатого столетия представляли Карл Орлеанский и гениальный Франсуа Вийон, выразившие иные грани формировавшегося французского духа. Едва ли не первыми в Европе они, прежде всего, конечно, Вийон, проникли в глубину человека и открыли его двойственную природу. Мастер понимания душевных противоречий Шекспир жил позднее больше чем на век. Вийоновские прозрения звучат до сих пор очень современно, а его формула «я знаю все, но только не себя» удивительно точно отражает духовное состояние современного человека и человечества. Человек двойственный, несущий в себе бездну или даже «две бездны» (выражение Достоевского), поэтически исследован именно этим полураскаявшимся поэтом-разбойником.

6

В конце XV века и в XVI веке возникает новая ситуация. Поэтическая Франция поворачивается к поискам своей национальной идентичности. Во Франции набирает силу движение гуманизма, утверждающее целостность человека и стремление улучшить его природу с помощью изучения античной философии. Гуманисты, стоящие на позиции антропоцентризма, ведут полемику со схоластами, которые исповедуют идею теоцентризма. Стремясь освободиться от церковной цензуры Сорбонны — цитадели схоластов, они создают свою организацию — Коллеж трех языков. Для французской литературы XVI века характерны стремление к новизне формы и соединение элементов Средневековья и Ренессанса. Гуманисты говорили о близости французского языка не только к латинскому, но даже к греческому и боролись против латыни, предлагая изучать родной французский язык.

К гуманизму примыкает и движение «Плеяды», возглавляемой дю Белле и Ронсаром. Это движение воспевало духовный аристократизм, утверждало, что поэзия — это серьезный труд, а не праздное времяпровождение, предлагало отказаться от средневековых форм поэзии. Поэзия греков и римлян переосмысливается заново, из нее заимствуются другие жанры (оды, трагедии, эпопеи, гимны). Дю Белле подталкивал Ронсара к написанию «длинных поэм». Реформа французского языка, осуществленная ими, была призвана повернуть его к народной стихии.

В поэзии этих двух веков начинают более отчетливо звучать общественные, патриотические ноты.

Героем поэзии становится человек гражданственный, думающий о стране, ее значении, военных победах, а также о языке, на котором говорят его соотечественники. Конечно, в реальности людей, вышедших на такой уровень ответственности за страну, было немного. Но Ронсар, дю Белле и другие поэты «Плеяды» формировали мир вокруг себя образцами своей высокой поэзии и прививали читателю высокие чувства и хороший вкус. Переводы, представленные в книге, хорошо иллюстрируют именно эти процессы в жизни Франции эпохи Возрождения.

7

В XVII веке происходят новые серьезные перемены. Тридцатилетняя война, конфликт католиков и гугенотов, возросшее давление абсолютизма меняют атмосферу в обществе на всех уровнях. Стихия обстоятельств, увеличение страданий и растущая смертность заставляют человека задуматься об упорядочении жизни. В философии начинает доминировать рационализм. Декарт культивирует примат мысли над чувством, причем мысли, проникнутой сомнением, которое объявляется одним из главных инструментов познания. А разумное в культуре и обществе отождествляется с нравственным. Стиль классицизма, утвердившийся в ту пору в литературе и искусстве и связанный с такими именами, как Расин, Корнель, Мольер, был художественным спутником рационализма. Появляется афористическая проза Ларош-

фуко, Паскаля, Лабрюйера. Литературные эксперименты возрожденческого гуманизма завершились возвратом к чисто французской форме классицизма, теоретиком которого стал Малерб. Он заявил о ненужности художественных излишеств и преувеличений. Именно в этот момент в литературе начали формироваться установка на ясность, суховатость и логичность повествования, которые в большей степени проявились в прозе и драматургии и которые считаются одними из самых ярких свойств французского ума. Рационализм тогда пронизывал всю духовную жизнь Франции, но самым глубоким людям того времени удалось сохранить в своем творчестве искренность и сердечность. Одному из них Юрий Ключников посвятил свое стихотворение:

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

*Не страхами посеянную дрожь,
Не муки и упрямство страстотернца —
Ты на ладони бережно берешь
Кристалл огня —
Пылающее сердце.
Рубин любви и мужества, зажатый
В оправу монастырского литья, —
Единственный надежный провожатый
В безжалостных болотах бытия.*

Но в поэзии стиль рационалистической ясности, сковывающей творческую свободу, продержался чуть более века и был полностью опровергнут поэта-

ми конца XVIII — первой половины XIX столетия, которые начали писать совсем по-другому.

Сделанные Юрием Ключниковым переводы стихотворений Корнеля, Лафонтена, Расина, в большей степени прославившихся как драматурги и баснописцы, очень четко выражают сам дух классицизма. Это поэзия мысли, в которой преобладает морализаторство (искреннее и высокое), утверждаются христианские ценности, осмысливается бренность земного бытия. Герой поэзии — это человек, пытающийся с помощью своего разума преодолеть хаос жизни, раздвоенность и вернуться к гармонии, основанной на христианских ценностях и верности государству.

8

XVIII век продолжил и развил рационализм, превратив его в эпоху Просвещения с ее культом науки, представлением о человеке как творце истории, борьбой с католической церковью и желанием перестроить общество и государство, во главе которого должен находиться образованный и свободолюбивый монарх-философ. Если Италия была культурным и духовным лидером Возрождения, то Франция, безусловно, стала центром эпохи Просвещения. Идеи Просвещения развивали Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро, Гольбах, Гельвеций. Стихи из этой когорты писал только Вольтер, творчеством которого увлекался молодой Пушкин. Три других поэта, которыми представлен данный век в сборнике «Откуда ты приходишь, красота?», — это таин-

ственный граф Сен-Жермен, от которого сохранился его единственный мистический сонет, гениальный Андре Шенье и молодой Шатобриан, основной расцвет творчества которого пришелся на первую половину XIX века.

Именно в это время интенсивно создаются академии, научные общества, масонские ложи, кружки, светские и художественные салоны. Героем поэзии XVIII века становится мощная творческая индивидуальность, человек, обладающий высоким гражданским темпераментом, самостоятельно строящий свою судьбу, опираясь на основы просвещенного разума. Наиболее ярким представителем такой поэзии был философ Вольтер, деист, оппонент католической церкви и активный сторонник ограничения абсолютистской власти короля. Несколько стихотворений Вольтера, приведенных в этом сборнике, отчетливо показывают, чем жил и дышал этот страстный человек, певец земных радостей и здравого смысла, идеолог эпохи разума, подготовивший умственную атмосферу общества для революции.

Среди историков литературы бытует мнение, что XVIII век не был веком лирической поэзии. Популярная в те годы сатира, или галантная поэзия, не дала выдающихся образцов литературы. Особняком стоит фигура великого поэта Андре Шенье, погибшего в якобинской мясорубке, но успевшего в своих предсмертных, написанных в тюрьме стихах осмыслить темный лик Великой французской революции. Эта революция, ставшая итогом эпохи Просвещения, отчетливо показала самой Франции и осталь-

ному миру, что культ разума, оторванного от глубинных духовных корней, может легко обернуться всплеском иррациональных страстей и явить миру разрушительный лик французского национального характера, «бунт бессмысленный и беспощадный».

9

В XIX веке история Франции, только что пережившей революцию, была еще более бурной и драматичной, нежели в веке XVIII. Первая республика, перешедшая в наполеоновскую Империю с ее ощущением могущества, сменилась временем крушения Бонапарта и появления русских казаков на улицах Парижа. Затем были сто дней возвращения Наполеона с его последующим поражением и окончательным изгнанием, реставрация Бурбонов и недолговечная монархия при Луи-Филиппе I, две революции, 1830 и 1848 годов, ожесточенная борьба за власть между представителями французской элиты. А после пошли другие времена и периоды: установление Второй республики, завершившееся почти двадцатилетним периодом Второй империи во главе с Наполеоном III, неудачная война Франции с Пруссией, Парижская коммуна, Третья республика, до конца века раздираемая политическими кризисами и противоречиями.

Если представить те колоссальные испытания, которые обрушились на плечи французов в течение всего нестабильного и драматического XIX века, то трудно даже помыслить о том, как литература и поэзия могли существовать и развиваться

в таких условиях. Но французы чем-то похожи на нас: чем труднее условия и драматичнее испытания, тем мощнее сила духа, который они проявляют. На протяжении всего столетия мы наблюдаем огромный поэтический подъем во Франции! Достаточно вспомнить имена великих поэтов этого труднейшего столетия, чтобы восхититься этим удивительным феноменом. Вдумаемся, какое соцветие перед нами: Франсуа Шатобриан, Пьер Беранже, Марселина Деборд-Вальмор, Альфонс де Ламартин, Альфред де Виньи, Виктор Гюго, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Жерар де Нерваль, Леконт де Лилль, Шарль Бодлер, Теодор Банвиль, Вилье де Лиль Адан, Сюлли Прюдом, Жозе Мария Эредиа, Стефан Малларме, Поль Верлен, Тристан Корбьер, Артюр Рембо... Целый отряд гениев! Каждый из этих поэтов представлен в книге Юрия Ключникова подборкой переводов. За всеми этими мастерами пера множество школ, художественных направлений, литературных манифестов — романтизм, поэзия чистого искусства, символизм, декадентство. Наверное, разнообразие исторических событий каким-то образом повлияло и на разнообразие поэтических форм.

Невозможно, как это было в прошлых веках, дать хотя бы в общих чертах художественную формулу века. У христианского поэта Ламартина лирический герой один, а у символиста Верлена — совсем другой. Но если все же попытаться сделать самое приблизительное обобщение, то это человек ищущий, творческий и постоянно открывающий новые внутренние миры, некое субъективное пространство

творческих возможностей. С известной натяжкой можно сказать, что поэты Франции в конце XIX столетия еще до Фрейда открыли в себе сферу бессознательного, о реальности которой им еще в XV веке впервые сказал Вийон («Я знаю все, но только не себя»), и попытались познать ее. Рембо говорил о ясновидении, помогающем постичь тайны мира и природу творчества. Тематически поэзия XIX века очень разнообразна. Мастера пера пытаются в своих стихах заново осмыслить извечные темы, волнующие человека и отчасти отраженные в прошлой поэзии: жизнь и смерть, разделенная и неразделенная любовь, радость осуществления мечты и горечь жизненных утрат, свобода и долг, молитва и земной труд, гармония природы и дисгармония человеческих отношений и, конечно, красота земного и небесного мира.

Красота, прекрасное — это вообще французская тема, любимая как литературными идеологами, так и поэтами. В сборнике переводов Юрия Ключникова она также доминирует. Наверное, Бодлер и Верлен писали об этом более других. И они знали, что красота неоднозначна, что она иногда несет в себе разрушительную программу жизни. О двойственной природе красоты предупредил поэтов Бодлер:

«В тебе и утро наше, и закат, и ясность, и дурное наважденье». И надо сказать, что поэты в своем подавляющем большинстве вняли этому предупреждению и не эстетизировали безобразия. Хотя критики не всегда это понимали и даже адресовали подобный упрек самому Бодлеру, почему-то решив, что

в стихотворении «Пададь» тот любит распадом. Переводчик выразил свое решительное несогласие с этой точкой зрения в краткой преамбуле к стихам Бодлера. По мнению Юрия Ключникова, у великого поэта речь идет не о любовании гниющим трупом лошади и не только о признании смерти частью мирового порядка вещей, но и о распаде общества, элиты, нравов.

Именно в XIX веке влияние французской поэзии на русскую достигло своего максимума. Юрий Ключников вывел интересную закономерность. В Золотой, пушкинский, век французские духовные ветры для того же Пушкина были в основном благоприятными (хотя «афеизмом» русского гения заразил Вольтер). В Серебряном веке наши поэты охотно усваивали из французских достижений, увы, не самые лучшие декадентские черты как в поэзии, так и в жизни. Причем французские поэты первой волны влияний были все-таки звездами второй величины, но вторая волна почти целиком состояла из самых выдающихся, первоклассных мастеров пера. Наверное, дело в том, что зрелый Пушкин стал настолько творчески устойчивой личностью, что он уже был недосягаем для любых влияний извне и сам мог повлиять на кого угодно, даже на царя.

Поэты же Серебряного века, особенно в молодые годы, оказались слишком некритичными к тому, что нес им Запад, не увидели под красивой формой разрушительного содержания. Иногда это влияние проявлялось не напрямую. Но очевидно, что образ той музыки, к которой призывал Верлен, парадок-

сальным образом перекликается с темой музыки в стихах Блока, трансформировавшейся в музыку революции. И это при том, что Блок не принял «разлагающей иронии декадентов», поэзия которых, с его точки зрения, нарушала «визгливым воем своей расстроенной души торжественность мирового оркестра».

Но интересно, что, пройдя через это очарование Францией и ее поэзией, почти каждый самобытный русский поэт и в XIX, и в XX веке оставлял его и начинал говорить своим голосом. Так происходило и с молодым Пушкиным, и с Лермонтовым, Блоком, Гумилевым, Мандельштамом. Что же это все-таки было — извечный русский соблазн Европой, подготовивший появление Серебряного века и в конце концов русскую революцию, или нормальный культурный обмен, когда одни великие гении справедливо восхищаются другими великими гениями? Ведь и культурная Франция зачитывалась Толстым, Достоевским, Маяковским, Буниным и многими именами из русской эмиграции!

10

XX век, особенно его первая половина, принес Франции еще больший груз испытаний, нежели XIX. Две изнурительные войны, гибель сотен тысяч людей, немецкая оккупация, движение Сопротивления, послевоенная разруха, потеря бывших колониальных территорий, студенческие бунты. Но и поэзия продолжала развиваться и, пройдя через многие формальные искусства, даже окрепла, закалила свой

классический чекан. Этот век представлен в сборнике наибольшим количеством самых разных ярких поэтов: Анри Ренье, Франсис Жамм, Поль Клодель, Поль Валери, Гийом Аполлинер, Жюль Сюпервьель, Пьер Жув, Сен-Жон Перс, Жан Кокто, Поль Элюар, Луи Арагон, Антуан де Сент-Экзюпери, Робер Деснос, Жак Превер, Раймон Кено, Эжен Гильвик, Рене Шар, Андре Френо, Рене-Ги Каду, Жак Брель. Многие из них родились еще в XIX веке, но как поэты состоялись в двадцатом. И они шли новыми путями, а не почивали на лаврах, добытых их великими предшественниками. Поэты активно искали новые формы для воплощения своих мыслей и чувств, практикуя авангардные формы стихосложения или уходя в дебри сюрреализма. А сколько литературно-художественных школ было во Франции в XX столетии: дадаизм, кубизм, сюрреализм, реализм, как «без берегов» (Роже Гароди), так и самыми фантастическими «берегами»!

И, конечно, поэты вслушивались не только в себя, но и в меняющийся мир. Художник не может не отражать свое время. Когда оно наполнено великими потрясениями, он испытывает чувство потепляемости и даже смятения, пытается уйти от своего времени в другие эпохи, подобно поэтам «Плеяды». Либо он увлекается мистикой, «автоматическим письмом» и погружается в мир иррационального. Наконец, он может уйти в традиционную религию и сосредоточиться на духовно-религиозных переживаниях, как Клодель. Но когда эпоха бросает человеку вызов и ставит его перед лицом смерти, то у поэта

возникает другая возможность — принять этот вызов и пойти на войну, как Аполлинер, или вступить в движение Сопротивления, как это сделала целая когорта французских литераторов. Стихи таких поэтов, написанные по горячим следам сражений, сугубо реалистичны: перед лицом смерти нет необходимости эпатировать публику формальной новизной.

Если попытаться определить, каким был литературный герой лучшей поэзии XX века, то можно сказать, что это человек, с одной стороны, продолжающий искать Истину и себя, а с другой — человек, сопротивляющийся как врагу, так и духу века. Элюар, Деснос, Экзюпери, Арагон, Френо, Ги Каду — это поэты-воины, которые противостояли не только нацистам, но и разрушительным идеалам пошлости и потребительства, проникшим и в умы сограждан, и в пространство высокой поэзии. Они отбросили темноту как принцип поэтической речи, отказались от герметических установок «чистого искусства», повернулись к гражданской, общественной тематике. Это, кстати, помогло таким художникам слова остаться на высоте и в чисто субъективной поэзии — в любовной, пейзажной, философской лирике.

11

Отбор французских авторов, сделанный переводчиком, позволяет проследить всю историю духовных исканий Европы на протяжении целого тысячелетия, в которой главный герой поэзии (а значит, и жизни) успел побывать:

- рыцарем и защитником Прекрасной дамы;
- человеком, осознавшим свою двойственную природу;
- гражданином, озабоченным судьбами формирующейся нации и развитием ее языка;
- рационалистом, опирающимся на разум в борьбе с хаосом мира, стремящимся к просвещению и гражданским свободам;
- творческим искателем, открывающим новые грани своего внутреннего мира и субъективные пространства;
- патриотом своей страны, сопротивляющимся как внешнему врагу, так и духу времени с его прошлостью, коммерциализацией, потребительством и эстетическими уродствами.

Разумеется, перед нами грубая схема, упрощающая сложное и многоступенчатое историческое развитие французского национального характера, который весьма своеобразно преломляется в национальной поэзии. Но она позволяет хотя бы немного приблизиться к пониманию того, что происходило во французской истории на протяжении веков, как в национальной душе боролись между собой два ее лика — светлый и темный — и к чему пришла сегодня страна, давшая миру Вийона, Бодлера и Верлена.

Так что же представляет собой Франция сейчас, если взглянуть на нее глазами поэта? В какой степени она сохранила те достижения культуры и духовные ценности, которые вдохновляли ее поэтов на новые творческие поступки и свершения, а наших переводчиков — на то, чтобы познакомить отече-

ственного читателя с как можно большим количеством переводов? И какой поучительный урок мы можем извлечь из истории развития ее национального духа, преломленной через магический кристалл ее поэзии?

Мы знаем, что Франция, Пятая республика — это государство с отшлифованными демократическими процедурами, одна из самых передовых стран мира и тем более Европы, что она превосходно берегла материальную оболочку своей культуры (в отличие от нас), что французы сохранили свой неподражаемый юмор, что это территория неизбежного патриотизма, проявляющегося в том числе и в любви французов ко всему французскому, включая одежду, автомобили, законы и фильмы. Любая европейская страна завидует последовательности Франции в стремлении ограничивать доступ иностранных киностудий на свой кинорынок. Мы знаем также, что она страдает сегодня, с одной стороны, от нашествия мигрантов, с другой стороны — от экономических трудностей, всепущия бюрократии Европы и что в ней, к сожалению, как и в любой стране мира, уменьшилось число хороших поэтов, верных классической традиции национального стиха.

Можно ли сказать, как утверждают некоторые отечественные публицисты, специализирующиеся на теме Европы, что главными культурными тенденциями Франции на протяжении последних веков были ее последовательная дегероизация, коммерциализация, торжество потребительских и гедонистических идеалов? И что это можно проследить по ее литера-

туре? Во многом так — трудно надеяться на иной результат, если главной установкой европейской цивилизации не без влияния Америки стало стремление к индивидуальному комфорту и защите права человека вести расслабленную жизнь. Но надо сказать со всей определенностью, что во французской поэзии ее лирическим героем никогда не был сытый буржуа, думающий только о своем кошельке и наслаждении. (Кстати, в отличие от прозы, где негодяи, вроде мопассановского «Милого друга», иногда изображаются с симпатией. Воистину слова Пушкина «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» можно отнести к одухотворяющей природе поэзии как таковой). Но даже если обывательское начало на сегодняшний момент в Европе победило и автоматически сократило число людей, пишущих хорошие стихи, борьба не закончена и, думаю, закончится не скоро. Она сегодня перемещается в политическую плоскость, когда миллионы французов выходят на митинги против новых законов и когда в результате выборов к власти приходят экзотические, но искренние политики и движения, ратующие за возврат к традиционным ценностям.

Да, «священные камни Европы» сегодня затрещали во многих странах Старого Света, в том числе и во Франции. Раскол происходит сегодня по линии, что считать традиционными ценностями: духовность, коллективизм, героизм, борьбу за «самостоянье человека», вечный поиск истины или себялюбие, накопительство, идеалы комфорта, вседозволенность, эгоизм, откровенные пороки, выдаваемые за норму.

Борьбе этой не одна тысяча лет, и у нас она нередко воспринимается как борьба между Россией и Западом. Юрий Ключников когда-то написал стихотворение, где есть строчки: «Все напасти России — с Запада, так устроена роза ветров». Однако если быть исторически точным, то Запад неоднороден, и его лучшая, европейская, часть, имеющая христианские католические корни, сопротивляется другой силе — американской и протестантской в своей основе. Все напасти России, конечно, не от той части Запада, которая пытается отстоять свою национальную традицию. И если Америка с ее глубинным неприятием России и ее союзники — протестантские страны Европы готовы сегодня объявить крестовый поход против России, то католический Запад (при всей сложности сегодняшних отношений Московского патриархата и Ватикана) и народ Франции являются глубинными естественными союзниками нашей страны и все больше поворачиваются к России.

Потому глубоко неправы те, кто утверждает сегодня, что Европа для России не представляет никакого исторического, культурного и цивилизационного интереса, поскольку она выдохлась и превратилась в некое болото духа. И что весь европейский культурный багаж России, мол, не нужен, раз он в итоге завершился подобным финалом. Сакре Кер, священное пылающее сердце Франции, о котором вдохновенно писал замечательный французский мыслитель Рене Генон, до сих пор живо и бьется в унисон с пульсом русской поэзии. Можно не сомневаться, что в стране появятся новые поэты, которые напи-

шут стихи о смысле происходящей борьбы, величии французского духа и ее славной литературе, переводить которую в России будут новые переводчики.

12

Что касается антологии переводов Юрия Ключникова, то она наверняка найдет своего читателя и в России и, хочется верить, будет замечена там, во Франции, в стране, несмотря на все исторические коллизии, прошлые обиды и сегодняшний кризис, остающейся одной из самых дружественных нам европейских держав. Знать и понимать надо не только врагов, но и тех, кто настроен более дружественно. Хотя бы затем, чтобы предупредить появление новых врагов и недоброжелателей.

Считается, что если бы политики, принимающие решения, хорошо знали историю и культуру тех государств, с кем приходилось взаимодействовать, то совершили бы гораздо меньшее количество ошибок. История других стран и народов, их литература, несмотря на информационную открытость мира, все равно отчасти закрыты и недоступны для нас в силу языкового барьера. Особенно это касается поэзии. А изучать историю и проникать в менталитет и душу той или иной страны можно не только в результате изучения политической аналитики, но и по поэтическим источникам, содержащим более глубокие пласты информации о национальном характере. Тем более если речь идет о периоде почти в тысячу лет. Переводчик исходил из того, что современной России важно на своем родном языке зафиксировать

в чеканных поэтических формулах то, о чем думали люди дружественной для нас культуры, как они любили, о чем мечтали и к чему стремились, что происходило в их жизни. Такое понимание всегда ведет к дальнейшему сближению позиций. Потому он постарался дать максимально полную картину лучших поэтических исканий Франции на протяжении восьми веков, дополнив стихи развернутым эссе о связующей роли главного русского национального поэта — Пушкина в диалоге русской и французской культуры.

Сегодня, в наш коммерческий и англоязычный век, на полках книжных магазинов России все меньше появляется книг, содержащих переводы французской поэзии. Раньше пропагандой зарубежной поэзии в стране занималось государство, а сейчас — только энтузиасты-одиночки. Но потребность в таких изданиях есть, поскольку образованные люди России помнят о чарующей красоте стихов Вийона, Бодлера, Верлена, Рембо, Аполлинера и не хотели бы, чтобы молодое поколение выросло, не зная этой поэзии. Потому есть надежда, что эта книга переводов Юрия Ключникова внесет свой вклад в укрепление русско-французских поэтических и культурных связей, которые должны выдержать все исторические испытания.

СЕРГЕЙ КЛЮЧНИКОВ,

*кандидат философских наук, академик РАН,
член Союза писателей России,
главный редактор издательства «Беловодье»*

ЗАМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Большинство стихотворений в сборнике «Откуда ты приходишь, красота?» известно в иных переводах, сделанных до меня рядом литераторов. Не могу не назвать с чувством благодарности их имена. Это классики русской и советской литературы — поэты Василий Жуковский, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Боратынский, Василий Курочкин, Лев Мей, Александра Кублицкая-Пиоттух, Иннокентий Анненский, Валерий Брюсов, Федор Сологуб, Дмитрий Мережковский, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Константин Бальмонт, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Вадим Шершневич, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Георгий Иванов, Борис Пастернак, Владимир Набоков, Илья Эренбург, Павел Антокольский, Леонид Мартынов, Ариадна Эфрон, Иосиф Бродский. Их переводческий труд поистине великолепен!

Но основной русский корпус текстов французской поэзии сделан все-таки переводчиками-профессионалами. Среди них такие мастера, как Петр Якубович, Иван и Александра Хворжевские, Вильгельм Левик, Георгий Шенгели, Бенедикт Лившиц, Вадим Козовой, Михаил Кудинов, Морис Ваксмахер, Эльза Линецкая, Анатолий Гелескул, Николай

Балашов, Юрий Корнеев, Борис Дубин, Михаил Лозинский, Владимир Васильев, Юрий Стефанов, Евгений Головин, Сергей Петров, Евгений Витковский, Татьяна Гнедич, Геннадий Русаков, Владимир Микушевич, Алексей Парин, Михаил Яснов, Ольга Сedaкова, Ирина Кузнецова, Юрий Лукач, Елена Кассирова, Сергей Зенкин, Наталья Шаховская, Ярослав Старцев, Андрей Кротков, Дмитрий Манин, Александр Триандафилиди. Всем этим людям, каждый из которых по-своему воспринял и донес до русского читателя красоту французской музыки, мой поклон.

Я, прежде всего — поэт и уже потом переводчик, и у меня свое видение предмета, с которым работаю. Профессор Станислав Джимбинов, написавший предисловие к этой книге, выделил две школы перевода, сложившиеся в русской литературе к середине прошлого века. Первую он назвал «буквалистской», вторую — «вольной» (мой подход он справедливо отнес ко второй школе). Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки. К числу последних отношу тот факт, что точное следование «букве» неизбежно уменьшает духовную мощь французского первоисточника. Между тем лучшие поэты Франции, как и все классики мировой поэзии, писали так, что их стихи звучат сегодня даже более современно, чем в их эпоху. Как передать эту актуальность средствами русского языка, не впадая в модернизм, сохраняя «патину времени»? Задаваясь таким вопросом, я не находил иного ответа, как в ряде случаев на базе французского стихотворения писать собствен-

ные «вольные» стихотворные тексты, отталкиваться лишь от настроения первоисточника, но оставлять нетронутой «ветхость» бумажного листа, подражая стилю русской классики. Как мне это удалось, судить читателю.

Во втором издании книги «Откуда ты приходишь, красота?» введены переводы стихов замечательного поэта XIX века Вилье де Лиль Адана, новые стихи Беранже, Малларме, Корбьера, Аполлинера, поправлены некоторые неточности, допущенные в первом издании, и глубоко переработан целый ряд прежних моих переводческих работ.

Книга содержит четыре, условно говоря, группы переведенных стихов, о каждой из которых считаю необходимым сказать несколько слов.

Первая, небольшая по размеру и наиболее «буквалистская» группа, где почти каждая строфа и строка пронизана стремлением соответствовать оригиналу, хотя не всегда такое получалось. Это переводы большинства приведенных в сборнике стихотворений моих самых любимых поэтов-классиков: Франсуа Вийона, Пьера Беранже, Шарля Бодлера, Поля Верлена, Артюра Рембо.

Вторая группа стихов сборника — так называемые вольные переводы, составляющие самую большую часть книги. Российский переводчик Вильгельм Левик прекрасно выразил близкий мне принцип: главное при переводе — чтобы родились хорошие русские стихи. Следуя этому правилу, я порой далеко уходил от подстрочника, хотя связь с оригиналом все-таки оставалась, но более отдаленная и опо-

средованная, нежели в первом случае. «Вольный» подход я сохранял, и когда давал краткие характеристики некоторым французам, где, не посягая на литературоведческие каноны, порой отступал от них в пользу «корпоративного» кодекса стихотворцев, завещанного Сергеем Есениным: «поэт поэту есть кунак».

Третья группа — это мои стихи, созданные из прозаических отрывков французских литераторов, по духу поэтов (речь идет о письме Рене Шатобриана, лирической прозе Антуана де Сент-Экзюпери, верлибрах Поля Клоделя, Сен-Жон Перса и Рене Шара).

Наконец, *четвертая группа* приведенных в сборнике стихотворений — это творчество Пьера Жува, Сен-Жона Перса, Луи Арагона, Жака Превера, Раймонда Кено, Эжена Гильвика, Рене Шара, Андре Френо, Жака Бреля. Переводя этих авторов, я позволил себе очень сильно удалиться от первоначального текста, писал по существу стихи-импровизации «на заданную тему».

Почему поступил так?

Дело в массовой трансформации, даже унификации стихотворных форм во французской поэзии после Второй мировой войны. Многие поэты, не изменяя высокому духу классики, «изменили» традиционной форме, перешли на верлибры и ритмопрозу. Наверное, для французского читателя это нормально, но вот для русского становится большой проблемой. Может быть, я ошибаюсь, но считаю, что верлибр в переводе с иностранного языка не позволяет в полной мере передать дух поэтической Музы.

Поэтому, считая вышеназванных поэтов достоянием мировой классики, постарался их перевести приемами классики русской, где отсутствие рифмы не правило, а исключение, а ритмопроза практически отсутствует. Мне кажется, что в таком рифмованном виде эти стихи французов будут понятнее и ближе по духу русскому читателю.

Более того, переводы вышеуказанных поэтов, от Пьера Жува до Жака Бреля, я выделил в особый раздел, где каждое стихотворение можно с полным основанием назвать *«подражанием»*.

Между прочим, так делали при переводах зарубежной поэзии и наши классики, те же Пушкин и Лермонтов, которые отталкивались от мыслей и чувств первоисточника и создавали свои собственные творения, называя их *«подражаниями»*.

Я глубоко признателен знатокам поэтической Франции Станиславу Бемовичу Джимбинову и Сергею Андреевичу Небольсину за их важные для меня замечания, которые позволили сделать второе издание книги более отвечающим моему вкусу и, надеюсь, читателя.

Особая благодарность сыну Сергею. Без его самоотверженной работы по подбору первоисточников, монографий, статей и французской поэзии, без его редакторской и издательской деятельности выход данного издания был бы вообще невозможен.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

*ПЕРЕВОДЫ
ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ
XII—XX веков*

XII—XIV века

Кретьен де Труа (53)

Бернар де Вентадорн (57)

Бертран Де Борн (62)

Гираут де Борнейль (68)

Арнаут Даниэль (71)

Гийом де Машо (75)

Франсуа Вийон (78)

Карл (Шарль) Орлеанский (93)

XV—XVI века

Маргарита Наваррская (96)

Клеман Маро (99)

Жоашен дю Белле (104)

Пьер де Ронсар (109)

XVII век

Пьер Корнель (114)

Жан де Лафонтен (117)

Жан Расин (121)

Граф Сен-Жермен (124)

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер (126)

Андре Шенье (132)

XVIII—XIX века

Франсуа Шатобриан (138)

Пьер Беранже (143)

Марселина Деборд-Вальмор (156)

Альфонс де Ламартин (160)

Альфред де Виньи (164)

Виктор Гюго (169)

Альфред де Мюссе (180)

Теофил Готье (185)

Жерар де Нерваль (191)

Леконт де Лиль (195)

Шарль Бодлер (200)

Теодор Банвиль (209)

Вилье де Лиль Адан (212)

Сюлли Прюдом (217)

Жозе Мария де Эредиа (222)

Стефан Малларме (226)

Поль Верлен (235)

Тристан Корбьер (251)

Артюр Рембо (258)

XIX—XX века

Анри Ренье (276)

Франсис Жамм (281)

Поль Клодель (287)

Поль Валери (298)

Гийом Аполлинер (304)

Жюль Сюпервьель (314)

Жан Кокто (318)

Поль Элюар (324)

Антуан де Сент-Экзюпери (330)

Робер Деснос (334)

Рене-Ги Каду (340)

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА
(Chrétien de Troyes)
(около 1135 — около 1185)

Кретьен де Труа — самый знаменитый поэт древнего периода французской литературы. Он считается основоположником жанра рыцарского романа и куртуазной литературы. Всем, что знает современный мир о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, он обязан Кретьену де Труа, который ввел эти легенды в литературный обиход. Более того, кодекс чести, благородства, мужества, самоотверженности, защиты слабых, связанный с рыцарскими идеалами и поведением, впервые получил художественное выражение именно в романах Кретьена де Труа. После них все рыцари стремились соблюдать эти идеалы.

О жизни поэта достоверных данных крайне мало. Предполагают, что он родился в обеспеченной семье, поскольку литературную деятельность начал с того, что переложил стихи Овидия на французский язык. Это свидетельствует о знании латыни, которое в ту пору давали только школы для высших сословий, часто будущим служителям церкви. Историки литературы утверждают, что Кретьен де Труа был тесно связан с тогдашним высшим светом, в частности, со двором графини Марии Шампанской, которая инициировала написание романа о рыцаре Ланселоте, а также со двором графа Филиппа Фландрского, для которого написан роман о простеце Персевале (Кретьен де Труа не успел его закончить по причине смерти). В дошедших до нас многостраничных поэтических романах де Труа наряду с традиционным для средневековой поэзии культом Прекрасной дамы просматриваются реалистические краски и тонкий психологизм. Намечены линии сюжета о Дон Жуане, который позднее разрабатывался многими европейскими писателями.

Речь идет о превосходстве любви над такими понятиями, как долг, честь, супружеская верность.

Помимо темы легендарного короля Артура и рыцарей Круглого стола Кретьен де Труа ввел в литературу тему святого Грааля. Эта тема в дальнейшем активно прорабатывалась в эзотерических учениях, где она преобразовалась в географические и философские поиски священной страны Востока Шамбалы. О Граале много спорили богословы и философы. Роман поэта, стихотворный фрагмент которого «Ивэйн, или Рыцарь со львом» помещен в данном

сборнике, посвящен теме конфликта любви и рыцарской доблести. Это, возможно, самый ранний вариант «донжуанской темы».

ИВЭЙН, ИЛИ РЫЦАРЬ СО ЛЬВОМ

(фрагмент из стихотворного романа)

«Острее всякого меча
Любовь разит сердца с плеча.
И если ранит ваше сердце,
Вам никуда уже не деться.
Она в присутствии врача
Над ним смеется горяча.
Кто чарами ее пленен,
Навеки тот приговорен.
Любовь хозяйничает всюду, —
Я повторять об этом буду, —
Оказывает предпочтенье
Святым местам уединенья.
При этом, не стыдясь ничуть,
Умеет даже в грязь нырнуть.
И расточать усердно там
Свой аромат среди грязных ям.
Любовь пленяет бедных Ев
И венценосных королев.
Смиренно ей монахи служат,
И старцы мудрые с ней дружат.
Но та, которую люблю,

Захочет ли судьбу свою
Соединить с моей законно?
Читайте притчи Соломона...»
Так размышлял мессир Ивэйн
О жизни горестной своей,
Когда стоял он под окном
Прекрасной дамы. Этот дом
Врагу его принадлежал,
В кого Ивэйн вонзил кинжал.
Теперь дежурит и гадает,
И сам с собою рассуждает:
«Я, несомненно, сумасброд,
Такое в голову придет
Лишь в виде тяжкого недуга —
Ведь я убил ее супруга.
Мечтаю жить с его вдовой,
Рискуя грешной головой.
А дама ненависть питает,
Казнить обидчика мечтает.
Сегодня тем живет она.
Но завтра вся моя вина
Уступит место чувствам новым.
Совсем не злым и не суровым.
И может так случиться вдруг,
Что ярый враг ей станет друг.
И даме он шепнет на ушко:
— Зачем хранить пустой подушку?
Предать постам себя прилежным,
Напрасно сохнуть персям нежным,
Беречь нетронутую плоть?
Таковыми дам создал Господь.

БЕРНАР ДЕ ВЕНТАДОРН
(Bernart de Ventadorn)
(1140—1200)

Известный провансальский лирический поэт и трубадур XII века. Приставка «де» в его имени не является свидетельством дворянского происхождения: поэт был выходцем из низшего сословия. Его родители в замке Вентадорн пекли хлеб. По отрывочным сведениям, молодой поэт сумел получить хорошее образование, отличался красотой, красноречием, умением петь, хорошими манерами, «куртуазией», образованностью и пользовался успехом у особ женского пола. Имел долгий и счастливый роман с женой хозяина поместья виконта Вентадорнского. Когда тот узнал наконец о любовной связи жены, то изгнал поэта из замка. Бернар от-

правился ко двору герцогини Алиеноры Аквитанской, внучки знаменитого трубадура Гильома IX Аквитанского, будущей королевы Англии. Он восхитил ее своими балладами, влюбился в герцогиню, имел сердечный ответ.

Однако эта любовь оказалась недолгой — возлюбленную, как выше сказано, увез английский король. Поэту вновь пришлось сменить сеньора, им стал граф Раймон V Тулузский. По-видимому, желая находиться вблизи любимой женщины, Вентадорн едет в Англию, где посещает также дочь королевы от первого брака Марию Шампанскую, двор которой был крупным литературным центром того времени. Он продолжает писать свои баллады о любви. После смерти графа Раймона Бернар де Вентадорн удалился в Далонский монастырь, где прожил еще пять лет.

Для трубадуров более позднего периода поэт остался образцом единства творчества и жизненного поступка.

КАНЦОНА О ЛЮБВИ

Лишь та канцона хороша,
Где сердце может обогреться.
Не стоит, право, ни гроша
Певец, чьи песни не от сердца.
Мои канцоны таковы:

Ни слова в них из головы —
Одна любовь единовеца.
Да, верю я любви одной
И в том ручаюсь головой,
Избави, Боже, от сомнений,
От слез, от горестных томлений.
Пусть каждый день приносит зло,
В душе моей всегда тепло.
Любовь не терпит сожалений.
А кто в любви познал урон
И громко стонет, жалок он.
Бранит любовь слепец презренный
За нежелательные сцены.
В любви хотел удобно жить,
И я могу предположить,
Что заслужил глупец измены.
И та, что о любви поет,
А тело многим отдает,
Любви не даст, но лишь отравит
И сердце к дьяволу отправит.
В любви нельзя ни красть, ни лгать,
Ни выгоду себе искать.
В любви одна лишь честность правит.
Любовь такая хороша,
Где у двоих одна душа.
Вот он — совет необходимый,
Который нам дает Единый.
Ведь глупо же искать услад
У тех, чья жизнь — сплошной разврат,
Кого ждет ад неотвратимый.
С надеждой я гляжу вперед,

Жду деву, чья краса цветет
В саду цветком безгрешным, чудным,
Веселым и смиренномудрым.
Такую чтут и короли,
И ангелы от нас вдали
Поют ей в небе гимны утром.
Меня ни слава, ни почет —
Ничто так сильно не влечет,
Как та любовь, что даже в плаче,
Бывая зрячей и незрячей,
В грозу и в дождь, в мороз и в зной
Она нам кажется весной.
Любовь не знает неудачи.
Тот счастлив, кто меня поймет,
Таких сама любовь найдет.
И я, де Вентадорн Бернар,
Влюбленным шлю сердечный жар.

Как известно, к теме Прекрасной дамы обращались сто лет назад поэты Серебряного века русской поэзии, особенно Александр Блок. В свое время и я, вдохновленный стихами трубадуров и подвигами французских рыцарей, готовых защищать свою Прекрасную даму и свои рыцарские идеалы где угодно, хоть на краю света, написал стихотворение о любви крестоносца к женщине и Богу. Любви, требующей бесстрашия и живущей в сердце человека как тогда, девять веков назад, так и сегодня:

РОМАНС КРЕСТОНОСЦА

*Ты помнишь, много лет назад
У алтаря твой долгий взгляд
Благословил меня на подвиг,
В далекий путь,
К земле Господней.
Цеплялась за копьё луна,
Пугали совы скакуна,
Кусты туманами дымили,
Но слышал я:
— Вперед, мой милый!
Сегодня нет мечей и лат,
Обыденность нам застит взгляд,
Но зов услышан, и сегодня
Ждет смельчака земля Господня.
Во имя правды и любви
Петлю привычек разорви,
Презрев житейскую мороку,
Благослови меня в дорогу.*

БЕРТРАН ДЕ БОРН
(Bertran de Born)
(1145—1215)

Французский средневековый поэт, знаменитый трубадур из Прованса. Происходил из аристократической семьи, рано лишился матери, воспитывался и получил образование в среде родовитых феодалов, где культивировались рыцарская доблесть, верность сюзерену и одновременно складывавшаяся в то время «куртуазность» — в те времена синоним понятия «культура». Особенно ценилось умение сочинять стихи. Все это наложило отпечаток на характер де Борна, которому довелось участвовать в многочисленных войнах за личное наследство, а также за наследные права ряда королей Франции. Интересная деталь: в этих боях он противостоял одно время ан-

глийскому королю Ричарду Львиное Сердце, с которым позднее подружился. Историки литературы отмечают, что его отношения с Ричардом Львиное Сердце — сквозная тема песен де Борна. Отличался отвагой, великодушием, прямоотой — эти его качества воспеты в хрониках и стихах многих трубадуров. В конце жизни принял монашество и последние двадцать лет жизни провел в стенах монастыря.

Де Борн ставил рыцарскую доблесть выше всех наслаждений жизни, даже выше любовных утех. Поэт — вместе с тем пропагандист «домостроевских» идеалов, совершенно не характерных для подавляющего числа поэтов Франции, — славит в своих канцонах супружескую верность и домовитость дам. Оставил после себя четырех сыновей, один из которых, тоже Бертран де Борн, пошел по стопам отца, стал трубадуром.

Фигура Бертрана де Борна привлекала внимание литераторов разных эпох, начиная с Данте, жившего веком позже. Под влиянием довольно тенденциозного жизнеописания де Борна, сделанного в XIII веке, итальянский поэт, на мой взгляд, совершенно несправедливо поместил в своей «Божественной комедии» де Борна, «ссорившего короля-отца с сыном», в восьмой круг ада (*Inferno*, XXVIII). Признавая при этом все его благородные качества. Позднее к образу де Борна обращались литераторы XIX века, в частности, Генрих Гейне. Лион Фейхтвангер ввел его в качестве персонажа в «Испанскую балладу». Творчество средневекового поэта ценил Фет, переводивший его стихи, Александр Блок ввел де

Борна в качестве действующего лица в свою пьесу «Роза и крест».

Стихи Бертрана де Борна ярко представляют не только его характер, но и приметы времени, в котором жил средневековый поэт.

Я знаю все, что обо мне твердят,
Поссорить нас завистники хотят.
Терзает мое сердце злая рана —
Не верьте обо мне худой молве.
Держу одну молитву в голове:
«Не покидайте вашего Бертрана».
Спасите чувства праведной души.
Пусть улетит с позором коршун лжи,
Ведь это он меж нами ссоры сеет.
Пусть сокол правды сплетни обо мне,
Что я имею страсть на стороне,
Догонит, и накажет, и развеет.
Когда я еду на коне верхом,
О вас мечтаю, а еще о том,
Что встречу вас сегодня или завтра,
Что не погиб и не упал с коня.
Что в сердце у меня достаточно огня,
Все, что болтают обо мне, — неправда.
Пусть не везет мне в играх на костях,
Пускай я проиграюсь в пух и прах,
Как доказать вам правоту могу я?
Мой пыл сердечный вовсе не погас,

Я верен вам, я обожаю вас.
Поверите ли, что люблю другую?
Быть может, очень скоро я умру,
Не отомстив врагам за подлую игру.
Быть может, не найду удачу.
И пусть беда жестокая согнет
Или какой холоп меня побьет.
От вас греховных замыслов не прячу.

Сраженье мне — блаженство из блаженств,
В нем вижу благосклонный Неба жест
Явить уменье, мужество и честь
Во славу Божьей Матери и дам.
За битву я все радости отдам
И от любовных откажусь услад,
Как Господа слуга и как солдат.

О ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ

Люблю я дыханье лесов и полей
И яркие краски весны,
Люблю, когда в роще поет соловей
Под вечер среди тишины.
Приятен в саду мне звенящий ручей.
Милей же всего перезвоны мечей,
И песни сражений, и трубы войны,
Когда они всюду слышны.

Я весел, коль слышу вдруг топот коней,
То рыцарский едет отважный отряд,
Доспехи героев на солнце горят.
Я вижу, как бой начинается вдруг,
Мне кровь будоража и радуя взгляд.
Вот стадо бежит, и в смятенье пастух,
Вот замок в осаде. Вот стены трещат,
И крики, и стоны несутся вокруг.
И бьются вассалы, отваги полны,
Сражаются насмерть в проломе стены.
И вновь тишина и задумчивый луг.
На нем погребальные плиты встают,
А рядом ромашки густые цветут,
И мчится табун одичалых коней
По травам подросшим военных полей.
Героем умрет, кто героем рожден,
Отмечен печатью Всевышнего он.
Достойны покоя, любви, тишины
Лишь мужества дети, лишь чести сыны.
Кто, пав, себя воинской славой покрыл.
Кто кровью свою цветы обагрил.

О ТЕХ, КТО МОЛОД

Та дама хороша и молода,
Чей нрав лишен малейшего бесстыдства,
Чья совесть не страдает никогда,
Ни от излишеств, ни от любопытства.

Она всю жизнь хранит красивым тело,
Ведет себя с достоинством и смело,
Не позволяя ветреной толпе
Судить легко и низко о себе.
Того лишь рыцаря считаю молодым,
Кто на подарки дамам не скупится,
Кто деньги может вмиг развеять в дым,
Ввязаться в бой,
В турнир и в пир влюбиться.
Кто воевать как следует умеет,
Кто тела на турнирах не жалеет,
Кто научился управлять бедой —
Тот для меня по праву молодой.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ
(Guiraut de Bornelh)
(1165—1210)

Сведения о жизни этого трубадура крайне немногочисленны. Один из его биографов пишет: «Это был человек низкого происхождения, но знающий и умный. И был он самым лучшим из всех предшествовавших и последующих поэтов. За это его называли «магистром трубадуров». Да и теперь так называют тех, кто разбирается в искусных, хорошо сложенных речах, касающихся любви или мудрости». Зимой поэт «предавался своим занятиям, а летом посещал дворы своих покровителей в сопровождении двух жонглеров, исполнявших его песни. Он не был женат и все, что зарабатывал, отдавал своим бедным родственникам или церкви города, где родился...»

Гираут де Борнейль был очень популярен в свою эпоху, считался непревзойденным мастером альбы (жанр куртуазной поэзии). В его время трубадуры ожесточенно спорили между собой, по какому пути должна пойти поэзия: по пути чистого искусства, понятного лишь избранным («темная», или «закрытая», манера письма), или по пути литературы, доступной всем («ясная», «открытая» манера). Вначале Гираут де Борнейль предпочитал искусство для избранных, но позднее отошел от «темной» манеры и выработал свой, «ясный» стиль, понятный читателям.

ЛЮБВИ ВОСТОРГИ И ПЕЧАЛИ

1. Охваченный восторгом, я молил,
Чтобы Господь мгновение продлил,
Когда в саду я повстречал ее —
Блаженство долгожданное мое.
Итак, среди задумчивых аллей
Я встретил ту, что всех цветов милей.
Она моей душою завладела,
Как вечная мечта, как божество.
С тех пор не вижу словно ничего.
2. В мечтах брожу с ней вместе под луной.
С ней в грезах жребий связываю свой.
Не сплю ночами, провожаю день.

За нею всюду следую, как тень.
Ее благословенные черты
Мне стали идеалом красоты.
Затмила всех она красой лица и тела.
И славен род ее, и благороден пыл.
Везде бы хор похвал ей воздан был.

3. Я лик ее бы громче воспевал,
Да стала всем известной наша связь.
Роман наш болтунам на язычок попал,
И нашу честь повсюду топчут в грязь.
Чем чище девы благородный лик,
Тем беспощадней болтунов язык.
Поэтому я обнимаю смело
Свою любовь лишь в мыслях и мечтах —
Родителей ее — открыто на глазах.

4. Клеветникам предсказываю крах.
Им подозрения придется взять назад,
Никто из них не сможет доказать,
Где и в каких таинственных краях
Встречались мы с любимой моей.
Не посвящаю в тайны и друзей.
Иной проговорится неумело...
Молчу, терплю, час счастья не пробил
Для нас, кто истинно и пламенно любил.

АРНАУТ ДАНИЭЛЬ
(Arnaut Daniël)
(1180—1195 годы творчества)

Даты рождения и смерти неизвестны. Трубадур из Прованса, жил при дворах южных французских королей, а также при дворе Ричарда Львиное Сердце. Имел дворянскую родословную, получил хорошее образование, но «оставил науки ради пения». Может быть, по причине «чрезмерной образованности» лирика Арнаута казалась современникам лишенной простодушия, «темной» и рассудочной. По крайней мере, так утверждают хроники. Арнаут «избрал род сочинений в изысканных рифмах, так что песни его нелегко ни понять, ни запомнить». Тем не менее Данте назвал его в «Божественной комедии» «первым певцом любви» и «лучшим поэтом».

И был, конечно, прав, ибо манера Арнаута Даниэля прокладывала новые пути для самовыражения французской лирике. То, что современникам казалось малопонятным, последующие поколения поэтов оценили вполне.

БАЛЛАДА О СЕРДЦЕ

Слова на лету подхватив,
Из них я слагаю мотив,
Такой же чудесный и ясный,
Как голос у донны прекрасной.
Желанья в себе укротив,
Монаху в скиту уподобясь,
Лелею лишь донну и доблесть,
Слова на лету подхватив.

Чем больше гляжу на нее,
Пленительней сердце мое
Стучит, как у пойманной птицы,
Которая в небо стремится.
Но сердце и в клетке поет,
Плененное чарами донны,
Оно сочиняет канцоны.
Слова на лету подхватив.

В лампаде жгу масло олив.
Лелею все тот же мотив —
Хоть год простоять у иконы,
Молитвы творя и поклоны.

О том, чтобы все раздарив:
Имущество, деньги, поместье,
Мы с донною были бы вместе.
Слова на лету подхватив.

Нам нужен лишь домик простой.
На папский, на царский престол
Такой никогда не сменяю,
В нем вижу подобие рая.
Под тяжким любовным крестом
Я изнемогаю и горблюсь,
Молюсь на Божественный образ.
Слова на лету подхватив.

Желания все укротив,
Все тот же лелею мотив,
Друзей избегаю в печали,
Чтоб мне сочинять не мешали.
Лишь тот, кто мотыгой изрыв,
Засеет огромное поле,
Поймет мою чудную долю.
Слова на лету подхватив.

Темы вечны, меняются лишь способы выражения. Ушла из нашего поля зрения тема рыцаря, как воплощения всех мужских добродетелей и Певца Прекрасной дамы, вернулась в виде трагикомичного рыцаря «печального образа» у Сервантеса. Затем эта тема возвратилась в первоизданном виде к Пушкину, в его стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный», где Достоевский увидел кредо самого Пушкина. Сделал попытку воскресить образ рыцаря и автор этих строк.

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

*Я сутки на свидание спешил,
Чтоб выкроить минуту для прощанья,
Я все свои заботы отложил
И вот стою пред вашими очами.
В эфире ангел нежности парит,
В ушах труба архангела запела.
Прощай, преуспевающий Мадрид.
Я уезжаю, донна Изабелла.
Без вас и ваших глаз мне счастья нет,
Вы у меня последний свет в оконце.
Но этот свет не светит без монет,
Сегодня в моде бесы и торговцы.
Сегодня в моде толстая сума,
А на моих счетах одни пробелы...
Чтоб от любви к вам не сойти с ума,
Я уезжаю, донна Изабелла.
От всех мадридских сплетен и проблем,
От глянца королевского порога
Я нынче уезжаю в Вифлеем,
Чтоб защитить поруганного Бога.
Я вырою и вновь воздвигну крест
И, может быть, не вырою душу в тело.
Мне на земле не выжить без небес.
Я уезжаю, донна Изабелла.*

ГИЙОМ ДЕ МАШО
(Guillaume de Machaut)
(1300—1377)

Более известен сегодня как композитор, чем поэт, и даже как один из родоначальников новой европейской музыки. Хотя сам считал поэзию все-таки главным делом своей жизни. Написал 15 поэм и 240 лирических стихотворений, согласно собственному творческому каталогу. Последняя из поэм, «Правдивый рассказ», — об истории любви уже почтенного по возрасту Машо к некоей юной Перонне д`Армантьер — содержит 900 стихов (опять же, по подсчету автора). В них поэт по примеру труверов на все лады славит свою возлюбленную, называет ее *toute belle* — «всепрекрасная». Но ни многословие, ни пышные эпитеты не спасали средневековую

манеру письма от инфляции. Надвигалась эпоха Возрождения с новыми темами, с новой поэтикой. Каноник кафедрального собора в Реймсе, каковым работал Машо, чувствовал это и тоже вынужден был реагировать на вызовы времени.

Хотя должность каноника обеспечивала устойчивое и безбедное денежное содержание, рамки средневековой церковной морали уже всех стесняли. Поэтам и художникам мешала обязательная библейская тематика, ученым в их исследованиях ставила препоны церковная цензура. Всем хотелось больше денег. Помещенное ниже стихотворение — может быть, одно из первых поэтических свидетельств об аппетитах позднего Средневековья. Как тонко заметил Г. Ф. Лосев, наметившаяся эпоха Возрождения наряду с устранением устаревших норм жизни, с многочисленными творческими плюсами в жизни Европы стремительно заменяла героические и религиозные идеалы всеобщим культом сатанинской мамоны.

НЕТ ДЕНЕГ

Когда ты болен, о любви забудь,
Пришла пора болезней, милый друг.
И к лекарям прокладывай свой путь,
А не топчи пороги у подруг.
Но самый страшный на земле недуг —

Король ты, винодел, или бездельник —
Когда в кармане не осталось денег.
С судьбой своей полажу как-нибудь,
Я отбивал атаки всяких мух,
Телесных приходилось бед хлебнуть,
А также испытать душевных мук.
Но нет страшней несчастья, если вдруг
У беспросветной бедности ты пленник,
Когда в кармане не осталось денег.
Без них тебе и шагу не шагнуть.
Ты чувствуешь себя без ног, без рук.
И гаснет пыл, и замирает грудь.
И все темно становится вокруг.
И в землю взгляд свой опускает друг,
Тебя увидев, холоден священник,
Когда в кармане не осталось денег.

ФРАНСУА ВИЙОН
(François Villon)

(1431 или 1432 — умер не раньше 1491)

Знаменитый французский поэт, самый крупный лирик позднего Средневековья. О жизни поэта сложено множество легенд. В то же время сохранилось немало документов, главным образом судебного характера, поскольку Вийон не однажды привлекался к уголовной ответственности за драки, разбой, даже убийства. Когда в 1455 году на Вийона напал с ножом священник Филипп Сермуаз, то поэт в завязавшейся драке смертельно ранил противника и, скрываясь от суда, покинул Париж. Подобный акт самозащиты, дозволявшийся обычаями, не сыграл большой роли в его дальнейшей судьбе (тем более что сам Сермуаз перед смертью простил своего

убийцу, признав себя зачинщиком, и Королевский суд объявил поэта невиновным).

Но в дальнейшем Вийон, оказавшись без денег, занялся грабежами, несколько раз попадал в тюрьму. Деньги ему были нужны не для роскошной жизни, а для того, чтобы обеспечить себя необходимой суммой для путешествия в Анжер, попасть на прием к Рене Анжуйскому («королю Сицилии и Иерусалима») и добиться, чтобы тот взял его придворным поэтом. Поскольку Вийон получил отказ и не имел никаких средств, чтобы вернуться на родину, он постепенно сблизился с компанией разбойников.

Дважды приговаривался судом к повешению. Первый раз его спасло от виселицы заступничество герцога Карла Орлеанского, у которого Вийон участвовал в поэтических турнирах (см. «Балладу на поэтических состязаниях в Блуа»). Второй раз Вийона выпустили на свободу по амнистии короля Людовика XI, сына Карла Орлеанского. С тех пор судьба поэта неизвестна, за исключением какого-то упоминания в хрониках XV века, что позволило определить его кончину не раньше 1491 года. То есть прожил Вийон при его буйном характере все-таки достаточно долгий по тем временам срок.

Неординарна и творческая судьба великого поэта. При жизни он пользовался, видимо, достаточной известностью, раз был под покровительством августейших особ. Затем на три с лишним века погрузился в забвение, из которого Вийона вывел в XIX веке Теофил Готье.

У нас в России отношение к Вийону тоже менялось. Однажды французского поэта вспомнил молодой Пушкин, отметив в нем, правда, только грубость. У поэтов Серебряного века Франсуа Вийон не встретил приязни. Исключение — Эренбург. Есть эпатажные и одновременно сочувственные строки о гениальном «школяре» у Маяковского, обращенные к братьям по перу: «А знаете, если не писал, разбоем занимался Франсуа Вийон». Широкое признание советских читателей к Вийону пришло лишь после отличных переводов поэта, сделанных Ильей Эренбургом.

Тем не менее я позволил себе внести некоторые существенные, на мой взгляд, коррективы в его перевод стихотворения «От жажды умирая над ручьем», где Вийон выразил свое жизненное и творческое кредо. Строку Вийона, которая в подстрочнике выглядит так: «Моя родная земля не здесь, она далеко» — Эренбург передал словами: «Мне родина моя — моя чужбина».

Конечно, перевод одного поэта другим допускает вольную переключку, но в данном случае душевное созвучие мне показалось неадекватным. Эренбург пересказал, скорее, свое душевное состояние. Я перевел строку Вийона тоже вольно: «Моя отчизна — журавлиный клекот». Учитывая глубокую религиозность Франсуа Вийона, ясно, о какой отчизне грезил французский поэт... Его рефрен, завершающий каждую строфу, у Эренбурга выглядит так: «Я принят всеми, изгнан отовсюду». Подстрочник же Вийона иной:

«Я принят (неизвестно, кем. — Ю. К.) хорошо, но изгнан каждым». Поэтому, опять же имея в виду глубокую, хотя и своеобразную набожность «школяра» (он сам себя так называл), свой перевод данной строки я обозначил так: «Я принят Всем, за это изгнан всеми». Впрочем, любой переводчик неизбежно вносит личный отпечаток в переводимый поэтический текст, точный перевод стихов с одного языка на другой, в моем понимании, невозможен.

Этот столь подробный комментарий к Вийону объясняется масштабом поэта. В нем, как в зерне, содержатся все лучшие черты последующей французской поэзии: ее огромная искренность, жизнелюбие, глубокая религиозность, культ женщины, юмор, демократизм — комплименты можно продолжать долго. Исследователи творчества Вийона видят в нем и трагическую фигуру, поэта, способного к глубоким прозрениям, заглянувшего в тайны бытия, и в то же время мастера иронии, склонного к тонкой пародии, с помощью которой он спасается от страхов перед расплатой за собственные грехи.

Я бы сопоставил значение Вийона для французов со значением Петрарки для итальянцев. Но можно сравнить любовную лирику французского поэта и с поэтизацией Дульсинеи у Сервантеса. В самом деле, герой Сервантеса поклоняется Прекрасной даме в лице крестьянки. Предмет поклонения Франсуа Вийона — содержательница разбойничьего притона. При этом поэт не впадает в идеализацию героини, полностью отдает себе отчет, чем реально является предмет его обожания. Дон Кихот посмеивается над

собой, совершая воображаемые подвиги на свободе, Вийон это делает в тюрьме накануне казни. Поистине уникальный в мировой литературе образ, где гений, злодейство, пронзительная искренность, осмысление двойственной природы человека и юмор висельника соединились в очень большом поэте.

БАЛЛАДА О МАРГО

Вы думаете, я ее один
Возлюбленный, слуга и господин,
О нет, от слуг подобных оба стонем,
Кого она готова угостить
Вином и телом, долг ему простить,
Когда он убегает от погони,
Ни су не заплатив за ночь в притоне.
Прости, Господь, нам грешные дела —
Деремся мы.
— Зачем ему дала?! —
Кричу Марго.
Она же лишь смеется.
Клянется одного меня любить,
И честной быть, и деньги раздобыть...
Ложимся спать, она мне отдается.
А утром все по-новому начнется.
Теперь уже она меня берет.
Как ненасытен окаянный рот,
Какой пожар в ее мохнатом лоне!

Она то подо мною, то верхом,
То катимся в объятьях кувырком
За наслажденьем чувственным в погоне...
И мир царит тогда у нас в притоне.
Такой поэт имеет нынче дом,
Хозяева — блудница с босяком —
Гостеприимно делятся с прохожим
Теплом и кровом, сыром и собой.
Отчаянно сражаются с судьбой...
Не обрекай нас, милосердный Боже,
На адские страдания, если можешь.

По мне давно скучает ад,
Верёвка ждёт злодея.
И сколько весит бедный зад,
Узнает скоро шея.

БАЛЛАДА О ПОВЕШЕННЫХ

О, люди!
К вам, живым, взываю всем,
Не плача, не винясь, не упрекая.
Нас — пять ли, шесть висит здесь или семь...
И вас, быть может, ждет судьба такая.
Мы тоже знали беды и пиры,

Намучились, наелись, насладились.
И вот они, последние дары —
Мы в кукол страшных нынче превратились!
Жара нас мучит, градом бьет гроза,
Зима терзает, снегом одевая.
Нам выклевали вороны глаза.
Но мы-то живы, в страхе пребывая.
Вдруг и в аду у нас отнимут речь,
Молиться будет некому и нечем.
И душам тоже там ни встать, ни лечь.
Качаться лишь...
Порядок Божий вечен.
Мы в муках ждем Последнего суда.
А вы его, возможно, не боитесь,
Поскольку не грешили никогда.
Тогда за нас хотя бы помолитесь.
За падших нас
Тому, кто был зачат
Пречистой. Попросите Иисуса
Освободить Его несчастных чад
От страшного теперешнего груза.
О нас пошлите горестную весть...
Молчите. Боль висящих вас не гложет.
Душ безразличных под луною несть.
Тогда и вам Всевышний не поможет.
Для всех сияет солнце горемык,
Все обещает светлую дорогу.
О, люди!
Наш немой услышьте крик,
За висельников помолитесь Богу!

БАЛЛАДА НА ПОЭТИЧЕСКОМ СОСТЯЗАНИИ В БЛУА

От жажды умираю над ручьем.
У вас, мой принц, мне тоже одиноко,
Дрожу в тепле, мороз мне нипочем,
Моя отчизна — журавлиный клекот.
Не полагаюсь ни на чьи глаза,
Своим — не верю, верю в чудеса.
А ночевать предпочитаю в сене.
Порой застанет в нем меня гроза.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Богат, как царь, без дрожи над казной,
Которую усердно расточаю.
Для подданных я — государь смешной,
Лишь миражи им щедро обещаю.
Мне из людей всего понятен тот,
Кто коршуном голубку назовет,
Кто в очевидность лишь сомненья сеет,
А выдумке заглядывает в рот.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Добра мешок по кочкам зла влачу,
Траву ищу под слоем павших листьев,
От правды ложь никак не отличу
Среди высокочтимых полуистин.
И правда где, в раю или в аду?
У тех, кто счастлив?
Кто попал в беду?
Рассудят лишь Создатель наш и Время.
Школяр, не знаю сам, куда бреду.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.

От жажды умирая над ручьем,
Свои желанья ото всех скрываю.
Не потому, что чересчур учен.
Я знаю лишь, что ничего не знаю.
От вас же, принц, не смею скрыть того,
Что многого хочу, но жажду одного —
Понять всего единственное Семя,
И верю в Высшей Правды торжество.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Куда приятней запах сена
Травы, которая растет.
Милей земные перемены,
Чем неподвижность всех высот.
Любая жизнь опасней тлена,
Клочок земли важней вселенной.
Нам глупость знания несет.
И лишь влюбленный знает все.
Венера рождена из пены.
Цветок сухой сулит нам плод.
Огонь выходит из полена.
В морозы тело солнца ждет.
У верности сестра — измена.
Свобода зреет в муках плена.
Несчастье радости пасет.
И лишь влюбленный знает все.
Хмельному море по колено.
Хромой свой дом скорей найдет.
Нахальный молится смиренно,

Когда увидит смертный вход.
Разрушит жизнь любые стены,
Фома уверует мгновенно,
Его сомнение спасет.
И лишь влюбленный знает все.
Кто путь земной прошел без крена?
Наверно, полный идиот.
Жизнь — неизменная арена
Для истины наоборот.
Вращают спицы колесо.
И лишь влюбленный знает все.

**БАЛЛАДА
О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЁН**

Куда, богини красоты,
Исчезли вы из этой жизни?
Елены, Флоры и Таисьи —
Творенья Бога и мечты?
Где нимфа Эхо всех поэтов?
Она приходит лишь во сне.
Аспазия?
Короче, где ты,
Ушедший прошлогодний снег?
Где обладательница чар,
Затворница монастыря в Париже,
За чью любовь был так унижен
Многострадальный Абеляр?
Где скрылась «королева света»,
За ночь с которой человек
Лишался жизни?

Словом, где ты,
Ушедший прошлогодний снег?
Где те, о ком слагали притчи,
Стихи, романы и псалмы, —
Изольды, Берты, Беатриче...
Все, на кого молились мы?
Где Жанна д'Арк, что так воспета?
Где возвеличившие век?
Вопрос все тот же вечный — где ты,
Ушедший прошлогодний снег?

*Посылка**

Мой принц,
Не жди на вздох ответа,
Столетий беспощаден бег.
И на вопрос извечный «Где ты?»
Безмолвен прошлогодний снег.

Я ЗНАЮ ВСЁ, НО ТОЛЬКО НЕ СЕБЯ

Я знаю вкус несчастий и побед.
И слезы, и когда ресницы сухи,
Я знаю, адский мрак и райский свет
Надежней тех, кто носит крест на брюхе.

* *Посылка* (на фр. *envoi*) — обязательный элемент баллады, представляющий собой четырехстрочную строфу, где автор обращается к определенному лицу, которому посвящена данная баллада и которое часто начиналось со слова Prince. Вслед за Вийоном многие французские поэты пользовались этим приемом, опуская слово «принц».

Я знаю сплетни, что о нас старухи
Распространяют, на весь мир трубя,
И как опасны радостные слухи.
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю Ветхий и Христов Завет,
Как школяру не сгинуть с голодухи,
Как богачи бывают к бедным глухи
И что у них сегодня на обед.
Я знаю, как обидны оплеухи,
Как выжить без гроша и не скорбя,
Живым остаться в смертной заварухе.
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю ласки страстные любви
И как нас за нос водят потаскухи.
Как сердце обливается в крови,
Когда его терзают злые духи.
Я знаю стыд певца в смоле и в пухе
И счастье жить, на свете все любя.
Я знаю наслаждения и муки.
Я знаю все, но только не себя.

ИЗ МАЛОГО ЗАВЕЩАНИЯ

I
Под Рождество, среди зимы,
Когда в тепло стремимся мы,
Избавиться задумал я,
Жестокой мукой утомленный,

От своего жилья-былья,
От горестной любви своей,
Где среди мрака и цепей
Терзался я, в Марго влюбленный.

II

Я не забуду эту клеть,
Где столько мне пришлось терпеть
Измен, побоев — счету несть.
А что же получил в итоге?
Свою поруганную честь,
Пустой карман и прах в гробу,
Разбитую вконец судьбу
Разбойника с большой дороги.

III

И не забыл, из-за кого
Хлебнул я этого всего,
И сколько горьких слез пролил
И сил был вынужден отдать я.
Чтоб милым быть, кому не мил,
Любимым быть, кому не люб.
Зачем других не жаждал губ,
Иные не искал объятья?!

IV

Меня ее лукавый взор
Насквозь пронзает до сих пор,
И мучит, и грызет меня,
Но жалкий жребий не меняет.
Бегу от глаз ее огня,

От тела жаркого бегу.
Но отделиться не могу,
Воспоминанья догоняют.

V

Гоню воспоминанья прочь,
Они тревожат день и ночь,
Казнят и дразнят школяра
Юдолью сладкой и постылой.
Расстаться с ними мне пора,
Себя свожу в могилу сам,
Найдет Марго меня и там.
Спаси, Всевышний, и помилуй!

VI

Болван, какой же я болван,
Ношу я краденый кафтан*,
В кармане нож бандитский свой,
Душой моею страсти крутят,
И что мне делать с головой,
Где в мыслях я судьбу браню,
Священный Лик Творца храню
И женские ласкаю груди.

Противоречивая фигура великого французского поэта подвигла меня в свое время написать стихотворение, посвященное ему.

* Я счел возможным перевести эти строки Вийона цитатой из воровской русской песни как свидетельство великолепного владения Вийоном воровским жаргоном.

РОМАНС ФРАНСУА ВИЙОНА

*Я вновь бегу, как мышь, —
Судом грозит Париж
И бузиной — кладбищенская глина.
О, если бы я мог
Упасть у Ваших ног
И замереть у складок кринолина.
Покойный Ваш супруг
Своих не пачкал рук —
Поколотил меня руками ближних,
Не принял мой картель,
Но принял точно в цель
Из-за угла по темени булыжник.
В гробу и мсье Дежан,
Стращавший прихожан
Безумьем адским моего примера...
Я не люблю святош,
И рассудил мой нож,
Что лучше — безрассудство или вера?
У нищего меня
Ни денег, ни коня,
Ни сена, ни кормушки, ни сословья.
Сгорю в аду лишь сам.
Но что же мне, мадам,
Но что же делать мне с моей любовью?
Я вновь бегу, как мышь, —
Судом грозит Париж
И бузиной — кладбищенская глина.
О, если бы я мог
Упасть у Ваших ног...*

КАРЛ (ШАРЛЬ) ОРЛЕАНСКИЙ
(Charles d'Orléans)
(1394—1465)

Карл Орлеанский — тот самый «принц» (судья поэтического состязания), которому посвящены строки предыдущей баллады Франсуа Вийона. Член королевского дома Валуа, просвещенный французский феодал, военачальник, покровитель поэтов и сам поэт, он прожил нелегкую жизнь. Из-за династических споров провел двадцать лет в английском плену, о чем свидетельствуют многие сочиненные им стихи. По возвращении из плена становится главой герцогства Орлеанского, учреждает поэтические состязания в родовом замке Блуа. Самое знаменитое из них отмечено участием Ф. Вийона с его балладой «От жажды умираю над ручьем». Название сти-

хотворению дал факт пересохшего в замке колодца, который был предложен в качестве темы всем участникам состязания. На заданную тему писали многие, но история сохранила лишь балладу Франсуа Вийона.

Что касается Карла Орлеанского, то он считался мастером баллады (всего написал 131 балладу), а также рондо — песни (свыше 400). Несколько его стихотворений вошли в антологию лучших образцов поэтической Франции.

Сбросило Время камзол
Ветра, тумана, дождя.
Снег весь по лужам ушел,
Солнце смеется, шутя.
Бремя лихих холодов
Освобождает поля.
В платье из трав и цветов
Преобразилась земля.
Все задышало теплом.
Всюду зверушки снуют.
Речка звенит серебром.
Весело птицы поют.
В новых ливреях вода,
В новых камзолах поля.
Значит, ушли холода,
Переделась земля.

ЭЛЕГИЯ О ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ

О, годы, зачем вы меня
Помяли безжалостно так?
К началу закатного дня
Я стал, словно стертый пятак.
Устал от сплошных передряг.
Но старость — кто справится с ней?
Она ведь в порядке вещей.
В душе не осталось огня,
Смутить может каждый пустяк.
Покоем могильным маня,
Под землю зовет меня мрак.
Спасаться от бед не мастак,
Я корчусь под ношей своей.
Но это в порядке вещей.
Спокойная Мудрость — родня
Богам, а унынию враг —
Советует: «Жизнь, не кланя,
Душевный терпи кавардак.
Выдерживай натиск атак,
Всецело доверившись Ей».
И это в порядке вещей.

Посылка

Мой принц, я старею, все так,
Все реже стихи на устах
И слог все бедней и бедней.
Ах, это в порядке вещей.

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ
(Marguerite de Navarre)
(1492—1549)

Французская принцесса, известна также как Маргарита де Валуа, одна из первых женщин-писательниц во Франции. Управляла крохотным королевством, расположенным на границе между современной Францией и Испанией — в ту пору достаточно сильными цитаделями католицизма. Ее подозревали в отступничестве от официальной религии, склонности к протестантизму, и только высокое происхождение (она была родной сестрой короля Франциска I) спасло в свое время Маргариту Валуа от санкций инквизиции.

Подозрения имели все основания: королева пригревала при дворе многих вольнодумцев своего времени, таких, например, как Эразм Роттердамский и

Клеман Маро, имела встречу с Кальвином, находилась в переписке со знаменитым Пьером Ронсаром, у которого тоже были проблемы с папским Римом.

Из-под руки Маргариты вышел весьма далекий от церковной ортодоксии роман «Гептамерон», который иногда называют подражанием «Декамерону» Боккаччо. Но все подозрения, как считают историки, несправедливы. Маргарита Наваррская не была ни тайной протестанткой, ни обличительницей религиозной морали. Ее «Гептамерон» — скорее полемика с «Декамероном», чем подражание. В своем романе она проповедует любовь высокоморальную, продолжая средневековую традицию «Прекрасных дам», хотя и уходит от рыцарского платонизма.

Двор Маргариты был важным центром французского гуманизма, сама она была предшественницей хозяйек литературных салонов XVII—XVIII веков, покровительствовала таким известным литераторам, как Гийом Бюде, Бонавертюр Деперье, Клеман Маро.

Высокообразованная, знавшая латынь и греческий язык, очень умная, она сыграла немалую роль в развитии европейской культуры и французской поэзии, именно наследуя высокую моральную планку раннего Средневековья, хотя сонеты ее довольно однообразны.

ДВА СОНЕТА

Спаситель мой, отрада и опора!
Мои молитвы и стихи просты:
Сорви завесу с горестного взора.

Освободи меня от темноты.
Земную власть ценю не выше вздора.
Один лишь Ты с небесной высоты
Освобождаешь головы от сора.
И управляешь нами тоже Ты.
Невидимый, хранишь от наговора,
От адского спасаешь нас позора.
Приносишь радость и растишь цветы.
Являешь мощь небесного простора,
Щадишь и судишь, может быть, не скоро...
О, помоги мне, милосердный Ты!

Мутна похлебка смерти и остра.
Но разве лучше жизнь, ее сестра?
Что в ней еще могу я почерпнуть
И наконец-то выбраться на путь,
На путь преображенья и добра?
Как нелегко к добру нам повернуть,
Как долго длится грустная игра,
Чтобы в конце концов опять хлебнуть
Похлебки смерти.
Но дочь твоя, Спаситель, не вчера
И не теперь решила, что пора
Еще один, последний, шаг шагнуть
К Тебе, о, Господи, со смертного одра
Через похлебку смерти.

КЛЕМАН МАРО
(Clément Marot)
(1496 или 1497—1544)

Известный французский поэт и гуманист эпохи Возрождения, симпатизировавший Реформации. Принимал участие во многих военных сражениях, побывал в плену. Сын довольно известного поэта Жана Маро, Клеман унаследовал вольнодумные поэтические уроки отца, однако своим учителем считал все-таки Франсуа Вийона, открыто подражал ему в стихах и поведении. И хотя Буало в своем трактате «Поэтическое искусство» представляет Маро как преемника Вийона, по силе таланта, глубине мысли Клеман Маро, конечно, недотягивал до своего любимца. Тем не менее пользовался длительной (два века!) европейской известностью,

а при жизни находился в непрерывных конфликтах с церковными кругами, как протестантскими, так и католическими. Не однажды по этой причине попадал за решетку (один раз — за нарушение поста), откуда его выручали коронованные особы, с которыми, надо сказать, поэт умел отлично ладить. Помогали талантливые стихотворные «послания» монархам из тюремных камер, а также личное обаяние.

Маро был какое-то время пажом Маргариты Наваррской, чем дал повод для разного рода досужих предположений. Но, скорее всего, их отношения были платоническими. Во всяком случае, поэт, славившийся своими буйными нравами, боготворил королеву.

Одну из лирических эпиграмм Маро — «Уж я не тот любовник страстный» — перевел юный Пушкин. Сам переводил псалмы Давида, ставшие впоследствии боевыми песнями гугенотов, весьма популярными во Франции, несмотря на то, что они вошли в Индекс запрещенных церковью книг.

«ДА» И «НЕТ»

«Я вас люблю», и этого понятия
Для объяснения достаточно всегда.
Хочу, чтоб вы на все мои объятья
Шептали «нет», душой являя — да.

Любовь не терпит быстрого урона.
С ней часто не в ладу язык страстей.
И рыцаря волнует оборона
Куда сильней, чем сдача крепостей.

К АННЕ

Я был во сне тяжелом, беспробудном,
Не чуя в мир пришедшего огня.
Вы для меня, как смена ночи утром,
Как наступленье солнечного дня.
Когда в разлуке с вами — умираю.
Увидев, словно воскресая вновь.
Вы — дверь моя к неизвестному раю,
Чье имя — бесконечная любовь.

МАРГАРИТЕ НАВАРРСКОЙ

Я предан духу вашему — не телу,
Хотя оно прекрасно, как цветок.
Навстречу к вам лечу, как мотылек
В полночной тьме — к опасному пределу.
Вы — как огонь.
Из женщин ни одна
Сравниться с вами для меня не может.
Меня желанье робкое тревожит
Проникнуть в тайну вашего огня.
Вы — море и спасительная суша,
Обличье ангела и острый разум мужа.

О СОЧИНЕНИЯХ МАРГАРИТЫ НАВАРРСКОЙ

Дивлюсь, и восторгаюсь, и горжусь,
Что вы одарены так щедро Богом.
Я временами на себя сержусь
За слабость восхищенья вашим слогом.
Сержусь еще сильнее, когда смотрю
На вас или веду беседу с вами,
Тогда невеждам грубым говорю:
— Склонитесь перед Божьими дарами.

ПРОТИВ КОВАРНОЙ ПОДРУГИ

Однажды я поспорил с ней,
С последней пассией своей.
И что в итоге? Детка
Мне отомстила метко.
Недолго думая, она,
Злодейской ярости полна,
Куда-то написала,
Что в пост я кушал сало.
Церковники, само собой,
За то расправились со мной.
Не рассуждая даже,
Наряд прислали стражи.
И толстый пьяница-сержант
Кричал: «Вот он, Маро Клеман,
Вяжите святотатца,

Он оскверняет святцы!»
Всего за жизнь перевидал.
Но первый раз такой скандал
Со мною приключился —
В тюрьме я очутился
За очень скромные грехи.
И вот, увы, пишу стихи,
Как сунула подруга
Свинью в подарок другу.

Посылка

Мой принц, еще один урок
Каналья-жизнь послала:
Когда истек любовный срок,
Остерегайся сала.

Лежим в постели, мне подруга
Тихонько шепчет:
— Боже мой!
Ведь у тебя такая штука...
Боюсь, останусь ли живой.
Но не прислушивайся к детству
И продолжай свою игру.
Ты слышишь, милый, действуй, действуй.
Я не умру, я не умру!

ЖОАШЕН ДЮ БЕЛЛЕ
(Joachim Du Bellay)
(1522—1560)

Поэт, входивший в группу «Плеяды», друг и соратник Пьера Ронсара, после знакомства с которым он отказался от успешной церковной карьеры и посвятил себя творчеству. Долго жил в Италии, находясь под сильным влиянием Петрарки.

Большую известность получил его трактат «Защита и прославление французского языка», где наряду с панегириком родному языку он выступил против засилья в культуре Франции латыни. Также активно боролся со слащавым альбомным стилем придворной поэзии, проповедовал народность и демократизм поэтического слога. Правда, сам в молодые годы грешил вполне «куртуазными» сонетами.

Позднему Дю Белле свойственна трезвость, точность в литературных деталях. И... некоторая старикивская ворчливость.

Дю Белле много способствовал обогащению французского литературного языка, а также созданию таких новых жанров, как ода, элегия, эпопея.

В твоём плену я не зачах.
Завидую подобной доле.
Мне ничего не нужно боле,
Как душу греть в твоих лучах.

И, не желая перемен,
Не убегая утром в поле,
Томиться в сладостной неволе
Среди твоих вечерних стен.

Ты мой судья и избавитель,
И наважденье, и спаситель,
В моей темнице солнца свет.

Тебе, богине-адвокату,
За неимением дукатов
Шлю сей восторженный сонет.

ТРИУМФЫ И ТРОФЕИ

Триумфы в честь сражений частых
На протяжении веков
Справляя, пленников несчастных
Вели толпою, как быков.

Обычай был и нрав таков —
Развлечь зевак тупых и праздных,
Своих вояк прославить разных
За торжество их кулаков.

Постыдна мне такая участь —
Не сожалея и не мучась,
Тащить на привязи людей.

Сам добровольно, сладко, тяжко
Ташу любовную упряжку.
Вот мой триумф и мой трофей!

СОНЕТЫ ИЗ ЦИКЛА «СОЖАЛЕНИЯ»

Поэзии моей внимали короли
И щедро одаряли за сонеты.
Девицы благородные могли
Найти в стихах полезные советы.

Мой дух парил в сияющей дали,
В ней набирался сил и вдохновенья.
Я слушал в небе ангельское пенье
И этим жил потом в земной пыли.

Сегодня я почти что глух и нем,
Брожу с клюкою, не пишу поэм,
Подобно сторожу в ночном пустынном храме.

Ни публики вокруг, ни королей.
Всплакну порой, но слезы — лей, не лей —
Мне счастья не вернут беседовать с богами.

— Ты хочешь знать, мой друг, чем занят я? Служу,
Но вовсе не любви, а знатному вельможе.
Доволен он трудом моим, похоже.
И я в работе нечто нахожу.

— О, Боже! — скажешь ты, — доволен, что вожжу
Под старость получил, «согласно договору»,
Тебе поплакать бы — не радоваться впору,
Что творческую потерял межу.

— Но, милый друг, во мне не смолкла лира,
Звенит она всегда. Любым поступкам мира
Не заглушить ее волшебную игру.

— Помилуй, и коню, — ты скажешь, —
нужен отдых.

Отвечу: — Без труда я становлюсь пригодным
На то, чтоб провалиться в смертную дыру.

Почтенный граф, забудь во мне поэта.
Нет больше Дю Белле, остался старый сук,
Где дятел издает однообразный стук
Взамен поэмы прежней и сонета.
Пишу не о любви, мы с ней давно в расчете.
Пишу о том, что в душу входит вдруг,
И если лира исторгает новый звук,
В нем чувства невеселые в почете.
Завидую художнику, когда он без опаски
Кладет на холст чарующие краски.
Поклон тебе, неведомый артист!
Наброски же мои — слепая тень природы.
Они — как звук пилы на фоне звучной оды
Иль рядом с гением бездарный портретист.

**ПЬЕР ДЕ РОНСАР
(Pierre de Ronsard)
(1524—1585)**

Знаменитый французский поэт, живший в XVI веке, глава литературного объединения «Плеяда», которое призывало к изучению античной литературы.

Аристократ по рождению (был сыном придворного короля Франциска I), с детства слабый и болезненный, он по всем статьям не смог бы стать со временем генералом или царедворцем, к чему обязывало происхождение. Ко всему прочему присоединилась ранняя глухота. Пришлось искать иные формы самореализации. Ронсар засел за книги, преимущественно по античной истории и литературе, сделался великолепным знатоком классической ла-

тыни. Но не застрял на древней учености, захотел и родному языку, «грубому», «некрасивому», по его собственному признанию, сообщить классическое изящество. В чем преуспел.

Именно Ронсара называют первым реформатором старофранцузского языка в современный французский.

Продолжил в поэзии Франции традиционную тему культа женщины, утвердил новую литературную форму сонета, которым до самого последнего времени широко пользуются поэты-французы. Сонеты Ронсара (их насчитывают около 600) и поныне волнуют читателя свежестью и чистотой чувств. Тонкий лирик и сочинитель од, Ронсар при жизни получил большую известность, был придворным поэтом Генриха II, хотя в конце жизни впал в немилость. Посмертная судьба Ронсара также изменчива: после осуждения со стороны Буало в XVII веке он был надолго забыт и обрел признание через два века благодаря стараниям романтиков.

Две страсти мною смолоду владели
И вдохновить на подвиг сердце захотели.
Одна — понравиться красавице молодой,
Другая — с лирой породниться золотой.
Чтоб, встретившись с одной веселой, быстротечной,
Запечатлеть другой, возвышенной и вечной.
И тут увидел я, что мой язык родной

И груб, и некрасив, и не в ладу со мной.
Тогда трудиться стал усердно я и много,
И речь французская во мне нашла дорогу.
Над ней усердно потрудилась голова,
И о моих трудах пошла везде молва,
Что греков оживил, что римлян из забвенья
Я вывел на пути трудов и вдохновенья.
Что боги мне вручили дивный дар,
Так славным сделался Ронсар.

Когда сидишь одна и в забытьи,
Каким-то мыслям собственным внимая,
Мне кажется, тебя я понимаю
И верю: нашим душам по пути.

Но не спешу к тебе я подойти,
И как печаль развеять, я не знаю.
Мне в голову приходит мысль другая —
Окликнуть издали:
— Родная, не грусти.

Но вымолвить и это не могу я,
Лишь мысленно уста твои целуя,
Шепчу:
— Не жду от жизни ничего.

Тебя я не решаюсь потревожить,
Надеюсь лишь, услышишь ты, быть может,
Безмолвный трепет сердца моего.

Клянусь свою любовь, но не умею
Сердечный жар рассудком обуздать.
Печали переделать в благодать,
Уйти от чувств, но тотчас цепенею.

Бегу во тьму, едва забрезжит свет.
Один останусь — страстно пламенею.
Ругая рабскую судьбу, тащусь за нею,
Ценя покой, стремлюсь в пучину бед.

Все это выше моего ума.
Венера управляет мной сама.
Мне невозможно справиться с влеченьем.

Так скованный богами Прометей,
Покорный доле горестной своей,
В душе гордиться высшим назначеньем.

Старею, да и вы уж не цветете.
А вдруг, вообразим такую бредь,
Слились бы наши жизни в общей ноте,
И нам двоим теперь не умереть...
Душа-то ведь всегда моложе плоти
И чистит нас, как будто тело — медь.
Ах, милая, чем дольше вы живете,
Тем больше мне не хочется стареть.

Довольно грез, а вы оставьте грим.
Мы Время все равно не победим.
Лишь вера сохранит нас от урона.
Хозяин Времени и Смерти — Бог
Пошлет ее когда-то на порог —
И лебедь в небо взмоет из вороны.

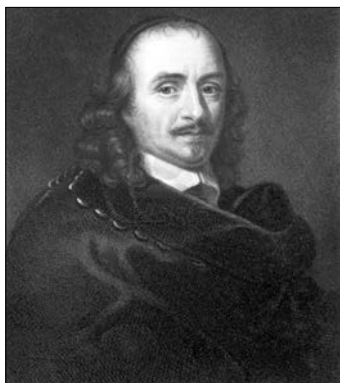
О, Боже, кем я стал! Ко дню своей кончины,
Увы, весь сделался иссохшим и седым.
Стесняюсь даже собственной личины.
Как будто никогда и не был молодым.

Выходит, лгать пришлось мне беспричинно
О вечности любви, быть зеркалом кривым.
Описывать давно ушедший дым,
Собой являя тень былой картины,

Заходит друг ко мне, за стол меня сажает.
Гостинец принесет, как может, утешает.
Ему меня, конечно, не понять.

Мы — временные на земле создания.
Друзья мои, до встречи, до свиданья!
Вам постараюсь место Там занять.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ
(Pierre Corneille)
(1606—1684)

Пьер Корнель известен прежде всего как драматург, родоначальник классицизма во французском театре. Был членом Французской академии, наслаждался шумной славой, знал также оглушительные провалы и жестокую критику своих пьес за ходульность, за театральный пафос. В том числе от русской критики, ибо в России у Корнеля было немало драматургов-подражателей, часто неудачных.

Большинство стихотворений Пьера Корнеля создано в поздние годы его жизни, после провала очередной трагедии «Пертарит», когда Корнель надолго замолчал как автор пьес и заявил о себе как лирик.

Конец жизни писатель провел в уединении, познав нужду и не востребованность. Но не потерял интереса к жизни, не впал в меланхолию, о чем свидетельствуют образцы его поздней лирики.

Настоящее признание приходит к нему уже после смерти — в эпоху Просвещения и после Великой французской революции.

СТАНСЫ МАРКИЗЕ

Маркиза, что со мною случилось!
Морщинист, сгорблен, лыс и сед.
Вам не по вкусу моя старость,
Я тем не менее поэт.
И, опыт жизни подытожив,
Рискну вам дать совет простой:
Что с вами скоро будет то же,
Что нынче сделалось со мной.
Однако существует средство,
Как сохранить меня и вас, —
Потомкам передать в наследство
Мораль из выстраданных фраз.
О том, что ваши кавалеры
Давно уже лежат в гробах,
Но были чудные примеры,
Забывтых вами впопыхах.
Да, я могу увековечить
Черты прелестного лица,

И вашу грудь, и ваши плечи —
Все, чем люблюсь без конца.
Маркиза, вам подумать стоит,
Хотите ли блистать века,
Достоин я иль недостойн,
Чтобы влюбиться в старика?

Я не интригами известность добывал,
Не подкупом рожден букет моих похвал.
Рукоплесканья в мою честь звучали,
Но знал нередко я и дни печали.
Мне хлопали, случалось, короли,
Маркизы, также люди от земли.
Я пережил триумфы и провалы.
Чего в судьбе поэта не бывало,
Об этом знаю только я и Бог.
Какой возможно подвести итог?
По праву обо мне когда-то скажет правнук:
Он вел со временем сражения на равных,
Не должен никому и ничему,
Всего достиг благодаря уму.

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН
(Jean de La Fontaine)
(1621—1695)

Прославленный французский баснописец. Творчество Лафонтена было высоко оценено современниками: в 1684 году ему присудили звание академика Французской академии наук и изящных искусств. Мировую славу Лафонтену принесли басни, но он также автор множества стихов, романа, нескольких комедий. В известном смысле его можно назвать ступенькой национального самосознания Франции, как писателя, соединившего вольнодумство с религиозностью, гедонизм с ясностью ума и стоическим осмыслением жизни. Достаточно одной фразы в стихотворении «Наслажденью» о том, что радость можно найти «в ограничении влечения», чтобы оце-

нить оригинальный ум Лафонтена. Для вольтерьянского XVIII века такая мысль была в новинку.

Как сочинитель басен Лафонтен — по существу переводчик Эзопа. Но уровень перевода оказался настолько высоким, что вызвал волну подражаний во всем мире. Не осталась в стороне и Россия. И. А. Крылов писал свои басни, используя сюжеты французского поэта. И тоже оказался мастером такого класса, что крыловские басни сделались национальным достоянием России.

В этом сборнике переводов помещены стихи Лафонтена, не имеющие отношения к его басенной славе.

НАСЛАЖДЕНЬЮ

Все наши чувства, мысли, рвенья
Твоею жаждой рождены,
Тебе всегда подчинены
Разнообразные свершенья.
Лишь подчиненные тебе
Солдат и мирный виноградарь
Находят сладкие награды,
Один — в труде, другой — в борьбе.
И я всегда тебя алкал
И призывал твое веселье.
Не будь пленительного зелья,
Свои бы песни не слагал.

Я радуюсь любви и славе,
Успехам, женщинам, вину.
Из всех приманок ни одну
Отвергнуть не хочу, не вправе.
И думаю по простоте,
Что получают радость те,
Кто чует вкус в ограниченье
Неподходящего влеченья.
...Поклонником твоей услады
Был самый мудрый муж Эллады.
Сойди и ты под кров ко мне,
Не странствуй где-то в стороне.
Даруй деревню, город, море,
И путешествия, и дом —
Все то, чьим стал давно рабом,
Приму твое я даже горе.
Как мал обычной жизни срок
Для наслажденья миром этим!
Мне нужно целое столетье,
Чтоб я тебя изведать мог.

О ЖЕНИТЬБЕ

Кто первый раз вступает в брак,
Ошибку долго проклинаят.
Но дважды женится дурак,
Уж он-то цену браку знает.

О ЖЕНИТЬБЕ СТАРИКА

Жены в молодые годы не обрел,
Когда способен был утешить даму.
Теперь же обессиленный орел
Годится разве только в эпиграмму.

ЭПИГРАММА НА УМИРАЮЩЕГО СКАРРОНА

Скаррон, почувствовав, что жизнь идет к концу,
Взмолился всемогущему Творцу:
«Дай время мне на басни пред Тобою отчитаться».
На что услышал: «Шутки не к лицу
Тому, чье время вышло с Богом повстречаться».

ЖАН РАСИН
(Jean-Baptiste Racine)
(1639—1699)

Наряду с Корнелем и Мольером принадлежит к числу самых выдающихся драматургов Франции, оказавших большое влияние на весь театральный мир, автор известных на весь мир трагедий «Андромаха», «Ифигения», «Федра», темы и сюжеты которых он как наследник классической традиции брал из античности.

Получил прекрасное образование в славившемся своей ученостью монастыре Пор-Рояль, где учился у выдающихся филологов-классиков. Нередко люди, получившие религиозное образование, становятся атеистами. С Расином такого не произошло. Он в своем творчестве постоянно обращается к пробле-

мам религиозной морали, при этом сам писатель был человеком с тяжелым характером, честолюбивым, заносчивым, раздражительным. Отчетливо осознавал это и очень страдал.

Расин принадлежал к янсенистской общине, исповедовавшей догмат о невозможности достижения царства Божия личными усилиями, без Божьего соизволения. Но не таков ли итог всей человеческой истории, где при любых достижениях прогресса массовые нравы не меняются, даже портятся?

Глубокая базовая религиозность, искренность, лишенная позы и игры, — вклад Расина в ту линию французской поэзии, которая проходит через лучших трубадуров Прованса, через стихи Вийона, Ламартина, Бодлера, Верлена, Клоделя, Жамма и других великих сынов Франции.

Проступок должен быть предтечей преступления:
Кто может правило нарушить без зазренья,
Нарушит и закон, когда придет пора.
Свои ступени есть у зла и у добра.

Величие души нам без труда дается,
Когда чужая кровь, а не своя, прольется.

МОЛИТВА ХРИСТИАНИНА

О, Боже, сын твой погибает!
В себе я чувствую двоих
И наблюдаю битву их:
Один с вершин ко мне взывает,
С улыбкой к Свету поднимает,
Другой в грязи моей притих.
И в первом благодать святая,
Которая к добру зовет,
К любви, в Божественный полет,
Все остальное отменяя.
Второй, соседа отвергая,
Петлю мне хитрую плетет.
Как мне выдерживать такое —
В себе двоих не примирю.
Душе, к примеру, говорю:
— Ну, не греши, твори благое.
Она чуть поживет в покое —
И я... я снова зло творю.
О, свет души, о, Дух Вселенной,
Опору дай страстям моим,
Все то, что гнило и что тленно,
Молю Тебя о том смиренно —
Сотри касанием Своим.

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН
(Le Comte de Saint-Germain)
(даты жизни и смерти неизвестны)

Легендарная и таинственная фигура французской, да и русской, не столь уж далекой истории. Даты рождения и смерти графа, как и многие обстоятельства его жизни, сделались легендарными. Граф оставил после себя мемуарные свидетельства, где утверждается, что люди видели Сен-Жермена физически не изменившимся на протяжении целых столетий. Его называют подлинным вдохновителем Великой французской революции, ему приписывают заслугу в успехе Наполеона, решающую роль в Чесменском морском сражении между русским и турецким флотами, а также то, что именно он помог восхождению на русский престол Екатерины Вто-

рой. Те, кто слышал его игру на скрипке, утверждали, что он играл не хуже Паганини и умел «лечить» больные бриллианты, то есть камни с трещиной, на что не способны даже нынешние ювелиры.

В общем, легенд слишком много, чтобы перечислить их все ради единственного сонета, публикуемого ниже. Что касается сонета, то граф Сен-Жермен оставил после себя ряд стихотворений, но достоверным специалисты считают лишь это одно.

ТАЙНА

Откуда-то пришедший сын Природы,
Я вник в начала и в концы всего:
В рождение Огня, в нахлынувшие Воды
И как отвердевает Вещество.
Как семя, умирая, снова всходит,
Как колос вырастает из зерна.
Как образуется в лозе бокал вина,
Как все взаимодействует в Природе.
Я понял, наконец, что Бог —
Небытие, Исток Природы, творчества Ее,
Что суть в Предвечном без конца глубоком.
Я в это вник, забыв доступное глазам,
Отвергнув все, подвластное весам.
Уйдя из жизни, Я проснулся богом.

ФРАНСУА-МАРИ АРУЭ ВОЛЬТЕР
(De Voltaire)
(1694—1778)

Псевдоним Франсуа-Мари Аруэ-младшего (латинская анаграмма имени — *Agovetli*, французская — *Voltaire*). Крупнейший просветитель, философ, поэт, прозаик, драматург, оказавший огромное и противоречивое влияние на всю европейскую культуру. С одной стороны, само слово «вольтерьянец» стало синонимом смутьяна, безбожника, с другой — Вольтером увлекался Пушкин. Даже некоторые отнюдь не вольнодумные коронованные особы, в том числе и Екатерина Великая, считали за честь находиться в переписке с этим властителем дум XVIII столетия.

Вольтер критиковал и религиозную веру, и атеизм, специалисты-философы называют его сторонником

деизма. В его мировоззрении жесткий антиклерикализм сочетался с пиететом Иисуса Христа и мыслями о бессмертии души; в творчестве резкие сатирические выступления соседствовали с осторожным политическим лавированием; в жизни волны преследований и арестов чередовались с периодами славы и почета. Именно острая противоречивость роднит Вольтера с Франсуа Вийоном, делает его одним из самых «французских» писателей. Ведь вольнодумство — можно сказать, врожденное свойство всей литературы Франции.

Но есть существенная разница. Вийон при всех своих противоречиях оставался человеком глубоко верующим. У Вольтера вольнодумство порой переходило в плоский атеизм, «водевильность», за что критиковал родную литературу Альфред де Виньи. Речь идет о том, что именно с Вольтера французы переступили ту грань, за которой «умничанью» не положено хозяйничать там, где господствует вера.

Но кто и как бы ни относился к Вольтеру, невозможно отрицать его роль в развитии европейской мысли и выдающийся талант в литературе. В том числе немалую одаренность как поэта-лирика.

ЭПИТАФИЯ

Кумир, мудрец, пример почтенья,
При жизни много книг издал
И много их перечитал,
Не поумнев от многочтенья.

СТИХИ ОБ АМУРЕ

Амур туманит нам мозги.
То мысли грешные внушает,
То настроенью помешает
Любовным приступом тоски.
Со стрелами, с горящим взором
В трагедии испустит стон.
И комедийным разговором
Любовь прикончить может он.
То вдруг предстанет добрым малым,
То элегантным мадригалом
Способен женщину развлечь.
Или моралью пренебречь.
Он всеми жанрами владеет,
С Вергилия до сей поры
Творит героев и злодеев,
Хозяин жизненной игры.

К МАДАМ ДЕ Г.

Так вы заставили себя поверить в это?
Свой здравый смысл сумели победить?
И рассказы священных двух Заветов
В правдивости смогли вас убедить?
Вы приняли за чистую монету
Бездельника-кюре фальшивые слова?
От коих затемнилась голова
И никогда вам не подняться к свету.

Земные наслажденья — цель любовных встреч.
Кто наделен хоть маленьким рассудком,
Не верит всяким богословским шуткам,
Что радостями нужно пренебречь.
Что счастье лишь за жизненным порогом,
Что свет надежды нам за гробом дан.
Любовь явилась раньше христиан
Началом жизни и ее итогом.
Вы бросили меня.
Поверили кюре,
Его речам, что нам расстаться надо,
Что в адской мы окажемся норе
За грешные любовные улады.
Не слушайте, красавица, того,
Кто лжет, кто вам внушает суеверья,
Не понимая в жизни ничего,
Вас в адские заталкивает двери,
Мешает наслаждаться и любить,
Лишает вас надежды и свободы.
Любовь двоих грехом не может быть.
Она — творенье праведной Природы.

**ЧЕЛОВЕКУ,
МЕЧТАЮЩЕМУ СТАТЬ ФИЛОСОФОМ**

Философом задумали вы стать?
Быть просто человеком не хотите?
Вам хочется мудрено рассуждать,
Предстать потомкам в самом лучшем виде.

Но в нудных рассуждениях, увы,
Отсутствует природное влечение.
Как в жизни быть нельзя без головы,
Так страсти оседают в кипяченье.

Смирять же их — занятие чудака.
Не знаю страсти никакой науки.
Жить сердцем — значит жить наверняка,
Забыть о философии, о скуке.

Есть думы и желанья, воля есть,
Которые помогут выбрать цели.
Есть здравый смысл, и он на самом деле
Поможет жить и выжить только здесь.

Вам в этой жизни радости открыты,
Но если повстречаетесь с тоской,
Перечитайте книги Демокрита,
Он высмеял унылый род людской.

ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНЬЮ

Друзья, прощайте на исходе дня,
Пришла пора и моего заката.
Простите постаревшего меня,
Что вами не была судьба богата.

Прощайте, недруги! Я повод вам даю
Порадоваться моему уходу.
Настанет срок — и вам судьбу свою
Придется тоже возратить в природу.

Окончен фарс обрядовых затей,
Одно я твердо знаю — отмечает
Фортуна тех из праведных людей,
Кто жизнь свою в безвестности кончает.

АНДРЕ ШЕНЬЕ
(André Marie de Chénier)
(1762—1794)

Один из самых ярких поэтов Франции, журналист и политический деятель. Короткая жизнь и творческий взлет этого поэта пришлись на эпоху Великой французской революции, которая застала Шенье на дипломатической службе в Лондоне. После известия о взятии Бастилии он заторопился во Францию и поначалу горячо приветствовал падение королевской власти. Столь же быстро кровавые эксцессы революционного режима вызвали у поэта резкое отторжение. Шенье сделался непримиримым обличителем «власти народа», публиковал в оппозиционных парижских газетах и журналах яростные статьи, эссе, стихи против лидеров революционного Конвента.

Какое-то время верховоды революции его терпели, затем взяли под стражу. Несколько месяцев Андре Шенье провел в тюрьме, во время которых написал ряд лирических стихотворений, позднее принесших ему широкую посмертную славу в Европе.

За судьбу Андре Шенье при жизни боролись влиятельные родственники, которые, кстати, пошли на службу якобинскому режиму. Последняя аудиенция брата Андре Шенье у влиятельного члена Конвента Барера (его имя упоминается в сонетах Шенье) закончилась обещанием чиновника: «Через три дня я верну ему (Шенье) свободу». «Свободой» оказалась гильотина.

Казнь Шенье вызвала широкий резонанс в Европе. На это событие откликнулись своими стихами и переводами французского поэта известные европейские литераторы, у нас — Батюшков, Баратынский, Пушкин, другие поэты.

В лице Андре Шенье французская литература преждевременно потеряла очень большой талант, который только набирал силу. Публикуемая ниже «Элегия» представляет раннее творчество поэта, «Ямбы» — это уже поздний Шенье.

ЭЛЕГИЯ

Под звездами, под хмурою луной
Я выхожу на встречу с тишиной,
Но не затем, чтоб обобратить кого-то,
Воспользовавшись ночью и погодой,

Тем более — кого-нибудь убить...
О, нет! Я жажду верить и любить
Тебя, звезда любви, моя Венера!
Хочу я также, чтобы все вокруг звенело
И наконец мне повстречалась та,
Кого лелеет сладкая мечта.

ЯМБЫ

Когда овца отправится на бойню
И голову подставит под топор,
Не сделаются пастыри достойней,
А судьи милосердней с этих пор.

Мальчишки, что бежали вслед за стадом,
Старушки, опекавшие овец,
Не вспомнят ту, что прыгала когда-то.
Живому полагается конец.

И мне готовят новое жилище.
Законы революции стары —
Я должен стать кому-то сладкой пищей,
Украшу победителей столы...

А что друзья?
Они не склонны к риску.
Ведь мог бы кто из близких парижан
Послать пирог, напильник и записку
Да золотой тюремным сторожам...

Ах, милые, не мучайтесь виною,
Что кровожадной сделалась страна.
Вам вовсе незачем спешить в тюрьму за мною.
И я в былые времена

Свой взгляд отвел бы от тюремных камер,
Не замечая дьявольского зла.
Сегодня сам перед кончиной замер.
Друзья, да будет ваша жизнь светла!

Живем. И что? Наверно, так и нужно —
Поспать, покушать, крошки отряхнуть.
Дождаться часа своего и старости недужной,
Под музыку уплыть в последний путь.

Тот пьет, тот лжет, та мужу изменяет.
Поэт стишки строчит о красоте.
Иные речи спешно сочиняют,
Барер* — о либерте с эгалите.

В Конvente мельтешат одни и те же рожи —
Витии, краснобаи, болтуны, дельцы.
Но час пробьет — и вдруг возникнет, Боже,
Та, что начала сводит и концы.

* Адвокат, член Конвента, сподвижник Робеспьера.
Был одним из главных инициаторов казни А. Шенье.

Что всех нас без особого разбора.
Стрижет и отправляет на тот свет.
И кто-то шепчет: «Не сегодня, нет...»
Глупец! Пусть не теперь, но скоро...

О, Боже, за какие прегрешенья
Меня ты отдал слугам сатаны,
Чей суд иного не сулит решенья,
Как смерть — в отсутствие вины?
Услышь меня, мольба моя простая.
Я не прошу подарков дорогих.
Даруй мне жизнь, и эта волчья стая
Закрутится от выстрелов моих.

Последний солнца луч готовит сумрак миру
И за холмы вот-вот прощально упадет.
В последний раз настраиваю лиру.
Спою — и поднимусь на эшафот.
Гремит замок. Посланец смерти скорой
Построит всех нас в ряд и выкликнет меня.
И побреду с толпой в потемках коридора
На плаху умирающего дня.
Ну что же, я пожил, я знал минуты счастья
И честь не уронил, не предал прямоу.
И уходящим днем в последний скорбный час я

Могу лишь повторить, что сохранил мечту
О правде и любви. Зачем мне жить на свете,
Где царствуют бесчестье, ложь, вражда.
Мы все за все душой когда-нибудь ответим.
Перед законами Последнего суда.
А я... Я уйду туда, где только правда.
Возлюбленная Франция, поверь:
Мне без твоей свободы жизнь — отравя.
Смерть, не стучи замком. Я сам открою дверь!

ФРАНСУА ШАТОБРИАН
(François-René, vicomte de Chateaubriand)
(1768—1852)

Франсуа-Рене де Шатобриан, виконт — таковы полное имя и титул этого известного во Франции дипломата, крупного общественного деятеля, мыслителя, писателя, литературная слава которого и место в истории европейской мысли намного превзошли его служебное положение.

Многие годы Шатобриан был послом в различных европейских государствах, даже министром иностранных дел Франции, находясь при этом в оппозиции то к революции, то к самому Наполеону, которому служил, то противостоя последующим королевским дворам Франции, являясь их высокопоставленным чиновником. Как Андре Шенье,

Шатобриан был страстным обличителем кровавых эксцессов Великой французской революции, как Альфред де Виньи — последовательным роялистом, как писатель — ярким романтиком и знатоком человеческой души. К незаурядному личному мужеству Шатобриана следует прибавить его подлинно аристократическое благородство. Понятно, что все эти качества сделали его властителем дум передовой Европы наряду с Байроном и Гете.

Большое влияние, возможно, самое значительное из французских писателей, Шатобриан оказал на А. С. Пушкина. И это неслучайно: слишком много созвучного в характерах двух гениев. Достаточно назвать «Евгения Онегина», где главный герой пушкинского романа в объяснении с Татьяной чуть ли не цитирует французского писателя, оказавшись с ним в сходной ситуации.

Ситуация же была такой. В 62 года у Шатобриана случился роман с юной девушкой. Рыцарский характер писателя не позволил ему пойти дальше платонических отношений, о чем свидетельствует помещенное ниже письмо, которое знал европейский и русский читатель начала XIX века. Я сделал из письма стихотворение. Оно помещено вслед за письмом Шатобриана.

ПИСЬМО К ДЕВУШКЕ

Видишь ли, если я позволю своему безумию овладеть мной, я не буду уверен, что буду любить тебя завтра. Я не верю самому себе, я не знаю себя. Страсть

пожирает меня, и я готов заколоть себя или смеяться. Я обожаю тебя, но через минуту я буду любить больше, чем тебя, шум ветра среди скал, плывущее облако, опадающий лист. Потом я буду молиться Богу со слезами, потом представлять себе небытие. Хочешь доставить мне счастье? Сделай одно: отдайся мне. Потом позволь мне пронзить твое сердце и разбить его... Осмелишься ли ты теперь уединиться со мной в эту Фиваиду? (Они прогуливались в уединенном месте, в каком-то горном ущелье).

Если ты мне скажешь, что любишь меня как отца, ты внушишь мне ужас. Если ты думаешь, что любишь меня как любовница, я тебе не поверю.

В каждом юноше я буду видеть соперника, которого ты предпочтешь мне: твое уважение заставит меня почувствовать мои годы, твои ласки отдадут меня во власть самой безумной ревности. Знаешь ли ты, что у тебя есть улыбка, которая раскроет мне весь ужас моих недостатков, подобно тому, как луч солнца озаряет глубину бездны. Очаровательное существо, я тебя обожаю, но не возьму тебя. Ищи себе юношу, руки которого могут грациозно сплестись с твоими, но не говори мне об этом. Думай о том, что ты должна пережить меня, что еще долго будешь молодой, когда меня не будет уже на свете.

Вчера, когда ты сидела рядом со мной и когда ветер шумел в вершинах сосен, я думал, изнывая от тоски и печали: достаточно ли легка рука моя, чтоб ласкать эти белокурые волосы? Зачем тебе иссушать поцелуем губы, готовые прильнуть к моим, чтобы подарить мне молодость и жизнь? Что можешь ты

любить во мне? Призрак, который разрушит действительность?

Когда же ты склоняешь свою прелестную голову на мое плечо, когда опьяняющие слова слетают с твоих уст, когда твои руки готовы обвить меня, как гирлянда цветов, мне нужна вся гордость моего возраста, чтобы победить сладостное искушение, от которого я краснею. Вспомни о страстном тоне произносимых мною слов и, когда полюбишь красивого юношу, спроси самою себя — говорит ли он так, как я тебе говорил, любит ли тебя с такой силой, с какой я тебя любил... А! Не все ли равно? Ты заснешь в его объятиях, твои уста сольются с его устами, твоя грудь прижмется к его груди, и вы проснетесь упоенные; что будут значить для тебя слова, сказанные когда-то на полях вереска?

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ПИСЬМА К ДЕВУШКЕ

Восторженное ваше обожанье
Я должен сохранить в цепях оков.
Я сам себя не знаю и готов
Убить себя за скверное желанье.
Союз наш жив, пока он свят и чист.
Отдайтесь мне сегодня же — и завтра
Откроется вам горестная правда:
Вы превратитесь для меня в опавший лист.
Но только не смутите словом скучным,
Что я для вас — подобие отца,
Тогда моим соперником ненужным

Вы сделаете каждого юнца.
Улыбка ваша, словно луч небесный,
Заглядывает в душу мне до дна.
В ней освещает ту бездонность бездны,
Которая обоим не видна.
Но верьте мне, я бездне не позволю
Увлечь ваш пыл в губительную тьму.
Я сохраню вам вашу честь и волю
И право жить по вашему уму.
Пусть встретится вам друг меня моложе,
К нему склонится ваша голова.
И вы не вспомните, не вспомните, быть может,
Все эти очень грустные слова.

Грустные в начале XIX века слова в начале XXI могут показаться смешными. После пережитых страшных войн, после грандиозных социальных революций, а также свершившейся на Западе революции сексуальной и связанного со всем этим огрубления нравов шатобриановская тонкость и деликатность в отношениях между полами кажется навсегда утерянной. Но творчество нашего современника, француза Мишеля Уэльбека — живое свидетельство: великое не забывается. Грусть по тонкости в отношениях между мужчиной и женщиной живет в сердцах французов.

Что касается Пушкина, то, в молодости пережив сильное влияние Шатобриана, он в дальнейшем ушел от сложных комплексов этого великого лирика к гениальной простоте. Уместнее всего в данном случае будут строки: «Я вас любил: любовь еще, быть может...»

ПЬЕР БЕРАНЖЕ
(Pierre-Jean de Béranger)
(1780—1857)

Знаменитый французский поэт, сатирик, автор песен. Творческое лицо этого французского классика хорошо известно русскому читателю начиная с 60-х годов XIX века благодаря мастерским переводам В. Курочкина и А. Михайлова. Их считаю своими учителями и я, особенно в переводах Беранже.

Стихи поэта положил на музыку Даргомыжский («Старый капрал»), песни исполнял Шаляпин. Много печатали французского поэта в советские годы.

Пьер Беранже прожил долгую, наполненную большими событиями жизнь, активно участвовал в ней и как поэт, и как политик. У него всегда были

сложные отношения с властью, которая старалась его приручить, что никогда не удавалось.

Он порой менял свои взгляды, но никогда не приспособивался к настроениям толпы. Так, например, еще в 1808 году, когда Наполеон был в силе, Беранже написал памфлет на «корсиканца» и сатирические стихи. Но в годы Реставрации, когда имя великого императора Франции поносили, воздавал ему хвалу, даже написал стихотворение-реквием о нем — редчайший случай во французской поэзии, когда предметом восхваления становится первое лицо государства.

Зато резко выступал против Наполеона III, за что подвергался преследованиям. Но авторитет и слава Беранже были столь велики, что даже «Наполеон маленький» вынужден был провести похороны поэта по высшему разряду и за счет правительства.

Широта интересов, многогранный талант Беранже сопоставимы разве что с Гюго, хотя в жанровом отношении его творчество небогато: в основном это песни, ставшие народными.

Песни позволили поэту не только передавать настроения широкой публики, но и выражать собственные философские, религиозные, даже прогнозистические размышления, для своего времени совсем не тривиальные.

В последние десять лет жизни поэт отошел от общественной жизни, поселился в предместье Парижа, где занялся делами, описанными в стихотворении «Садик».

САДИК

Однажды попросил я Бога:
— Мне скоро стукнет шестьдесят.
Твоих даров я принял много,
Порадуй напоследок взгляд.
Утех немного остается
Поэту-грешнику. Вино?
Но одному никак не пьется.
Друзья же разбрелись давно.
Любовь? Она еще туманит
Седую голову мою
И по своей привычке манит,
Но от нее я устаю...
От славы устаю я тоже,
От шума, лесты, похвалы,
За коими, прости, о, Боже,
Потоки льются злой хулы.
Что же касается бессмертья,
Не знаю, быть ему, не быть.
Оно, как письмецо в конверте,
Пока ты жив, его не вскрыть.
Пошли мне что-нибудь простое,
Что видел каждый на веку,
Чем сельский житель удостоен —
Клочок природы старику.
Сказал — и что я вижу: рядом
Ручьи веселые бегут,
Цветы ласкают взгляд нарядом,
Деревья небо стерегут.
Бог шлет поэту-ротозею

Лопату, грабли, таз, метлу.
Гребу, мету, копаю, сею,
Пока не ляжет сад во мглу.
А вечером ко мне на ветку
Летит приятель-соловей,
И я за ним лечу в разведку
На поиск песен и идей.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОЭТАМ

Поэты! Возвещаю годы
Безмолвия словесных муз.
Уже сливаются народы
В один большой земной Союз.
Нужды не станет в наших спорах,
А значит, и в потоках слов.
Грядет, хоть, может быть, нескоро,
Преображение Основ.
Все в мире породило Небо —
Начало наше, наш итог.
А Небо, как известно, немо,
Как молчалив премудрый Бог.
Великолепные пейзажи
Им созданы не для речей.
Куртины роз — не для продажи,
Как и леса, как и ручей.
Не сохранит любой гербарий
Живым цветок, тем паче — луг.
Как не понять Творенье тварей

Всей Академии наук.
Она ценой больших раздумий
Способна только объяснить
Существованье в Лувре мумий —
Как прах наш можно сохранить.
Итак, поэты, век приходит,
Его уже предвижу я,
Когда ни при какой погоде
Не удержать в руках старья.
Вооружимся же любовью,
Приложим к ней старанье, труд,
Чтобы уйти от многословья,
Его потомки не поймут.

БЕЗУМЦЫ

Мы привыкли вышагивать строем.
Если ж вырвется кто-то вперед,
Вслед ему оглушительно воем:
«Он безумец! Позорит народ».
Травят люди такого, как волка,
Пока до смерти зверь не устал.
После ставят на книжную полку,
А бывает — и на пьедестал.
Ждет Идея, подобно невесте,
Кто ее поведет под венец.
Редко слышит хорошие вести,
Ей повсюду пророчат конец.
Но безумец находится некий,

Слушать он не желает народ.
Не получится в нынешнем веке —
Выйдет в новом... За дело, вперед!
Сен-Симон родовое богатство
Посвятил сокровенной мечте —
Он задумал всеобщее братство
Учредить. И угас в нищете,
О всеобщем богатстве мечтая,
Где отсутствует хищник-злодей.
До сих пор та Идея святая
Будоражит сознание людей.
Всех из грязи нас выбраться в князи
Призывал беспокойный Фурье.
«Сколько можно терпеть безобразье!
Почему вы живете в норе?»
Стройте сами жилье и заводы,
Создавайте фаланги труда.
Мысли эти не канули в воду,
Не прошли по земле без следа.
Был еще один. За равноправье
Двух полов он всю жизнь воевал.
Три безумца. Но люди не вправе
Осуждать их святой Идеал.
Луч неясный становится ясным.
Был безумцем открыт Новый Свет.
Слыл когда-то безумцем опасным
Подаривший нам Новый завет.
Если завтра бы солнце забыло
В человеческий мир заглянуть,
Землю тотчас бы всю озарила
Мысль безумца какого-нибудь.

Сами мы не умеем найти
К ослепительной Правде дорогу,
Лишь безумцы, послушные Богу,
Открывают к Ней наши пути.

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Пою о них не ради славы.
Не мной придумана пора.
Зимою — винные забавы,
Весной — любовная игра.
Река, весенний лед ломая,
Глядишь, зажжет огонь в крови.
Конец вину в начале мая,
А в ноябре — конец любви.

Несовместимы эти чувства,
Мешать вино с любовью — грех.
И это древнее искусство
Природой создано для всех.
Чтоб сохранить свое здоровье
И не уйти в загробный дом,
Весной встречаемся с любовью,
А поздней осенью — с вином.

Жаннетта, милая Жаннетта,
Я всей душою к ней прирос.
Она ж влюбленного поэта
Водила чуть не год за нос.

Сезонам мудрым не внимая,
Признался, чуя, что тону:
— Прощай, любовь, в начале мая,
Предамся лучше я вину.

Вот так бы лег, увы, нетрезвым
И загнанным любовью в гроб,
Когда бы правилом железным
Не просветился грустный лоб.
Нельзя Жаннеттам и Аделям
Давать мутить рассудок свой.
Ведь можно в меру пить в апреле
И дань платить любви зимой.

НЕ НАДО О ПОЛИТИКЕ, МАДАМ

Зачем меня в тоске ненужной
Вы упрекаете, мадам?
В салоне вашем стало скучно.
За болтовню гроша не дам.
Тем более что, упрекая,
Тень сообщает челу.
Не огорчайтесь, дорогая,
Вам огорченья ни к чему.

Упреки портят внешность дамы.
Простите, что читаю вслух
Стихи о родине упрямо,
О тех, чей благородный дух

Угас, в боях изнемогая,
За вашу честь и честь страны.
Не огорчайтесь, дорогая,
Вам огорченья не нужны.

Хотя неволя и терпима,
Я рад свободе, как лучу.
Дыханием Афин и Рима
Тревожить смех ваш не хочу.
Стихи о прошлых днях слагая,
Щажу бездарность наших дней.
Не огорчайтесь, дорогая,
Не стану говорить о ней.

И Франция, судьба которой
В грязи валяется сейчас,
Стать не должна предметом ссоры,
Пускай молчанье свяжет нас.
Бокалы винные сдвигая,
Мы молча пьем не за позор.
Не огорчайтесь, дорогая,
Не опускайте нежный взор.

ПРЕДСКАЗАНИЕ НОСТРАДАМУСА НА 2000 ГОД

Как мы когда-то пострадались
Под королевскою рукой,
И королям удел такой.
Предсказывает Нострадамус:

В году двухтысячном далеком
Воочию увидим мы
Бродягу в рубище убогом
С подобьем нищенской сумы.
«Подайте милостыню, братцы,
Посмейтесь над судьбой моей.
Настало время побираться
Потомку ваших королей».
Так будет говорить бродяга.
И некий гражданин простой
Ответит королю: «Бедняга,
Не плачь, дружок, иди за мной.
И я цареубийцы правнук,
За мною долг...» И он введет
Того в парламент равноправных,
Где все кричат, никто не врет.
Назначат сотню луидоров
Потомку пенсию. И вот
Настанет время разговоров,
И драки прекратит народ.

ГОЛУБИ БИРЖИ

— Покоя нет почтовым птицам.
Куда летите? Где вас ждут?
— Разносим вести по столицам
О курсе акций и валют.
В ночной тиши звезда мерцает.
На поле нас влекут цветы.

Все нынче прибрано дельцами,
Надежды наши и мечты.
— Но человек, рожденный Богом,
Его подобьем должен стать,
Теперь в житье своем убогом
Сменил на деньги благодать.
— И мы от этого устали,
И скоро в небо улетим,
И людям Божьими устами
Любовь на землю возвратим.

НАПОЛЕОН НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Куда-то вдаль подобьем сувенира
На жалком бриге, где чужой штандарт,
Меня отправили. И вот обломок мира,
Я вдалеке от мореходных карт
Мечтаю снова возвратиться в детство,
В края, где блещут солнце и слеза.
Где Франция закроет наконец-то
Мои в нее влюбленные глаза,
Передо мной клочок пустынной суши
И полумира напряженный взгляд.
С какою злобой разные чинуши
Издалека за мною здесь следят!
А вдруг вернется к ним мое соседство!..
Не бойтесь, вижу я свой путь назад,
Где Франция закроет наконец-то

Мои в нее влюбленные глаза.
Я, для вельмож опасный чужестранец,
На трон каким-то образом пролез,
Не вписываюсь в королевский глянец,
Взорвал, как бомба, двадцать королевств.
Могильный холм — единственное место,
Где прятаться должна моя гроза.
О, Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюбленные глаза!
За мной следить победа утомилась,
Я тоже от забот ее устал.
Пошли, судьба, непрошеную милость,
Перемени мой жизненный устав.
От яда лавров никуда не деться,
Пускай насытят змеи свой азарт.
О, Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюбленные глаза.
Что на скале таинственной маячит?
О, боги, неужели черный флаг,
И голос мой услышан, это значит,
Что умер я, что плачет даже враг.
Что на планете есть святое средство
Прикончить затянувшийся базар.
О, Франция, закрой же наконец-то
Мои в тебя влюбленные глаза.

Я тоже много думал о том, почему поэты Франции написали так мало стихов о Наполеоне в отличие от русских, ведь у нас этого гениального завоевателя вос-

пели Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Брюсов, Цветаева. Имена Беранже и Шатобриана в данном смысле — пожалуй, исключение... Может быть, причина в свободолюбии французов, избегавших прославления государственных лиц, возможно, причина в сокрушительном поражении императора, которое им хотелось бы забыть. Между тем великий завоеватель в конце жизненного пути увидел иные, хотя и запоздалые, подступы к тому пути, где можно было одержать неоспоримую победу. Речь идет о его письменном признании, сделанном на острове Святой Елены:

«Александр Македонский, Юлий Цезарь, Карл Великий и я — мы были основателями мощных государств, но на чем держалась наша власть? На силе! Иисус Христос основал свое царство на любви, и в настоящее время тысячи людей отдали бы с радостью за Него свою жизнь... Иисус является завоевателем, Который истинно объединяет не только один народ, но и все человечество с Самим Собой».

На эту тему мною были написаны стихи.

— *О, жизнь моя, — какой роман!* —

сказал Наполеон.

*Я кровь солдат не проливал, не властвовал, как он.
Но очень долго воевал с собою и с людьми.*

И сдался так же, как и он,

Империи Любви,

Которую принес

Христос.

МАРСЕЛИНА ДЕБОРД-ВАЛЬМОР
(Marceline Desbordes-Valmore)
(1786—1859)

Известная французская поэтесса, которую считали ярким представителем романтизма. Верлен назвал ее «единственной талантливой женщиной своего века и всех времен», а также включил стихи Марселины Деборд Вальмор в антологию «Проклятые поэты». Два томика поэтессы находились в библиотеке Пушкина, о ней писали Арагон и Стефан Цвейг, ею интересовался Ницше, высоко ценили Волошин и Пастернак.

Поэтесса трагической судьбы, пережившая смерть троих детей, многие другие удары судьбы, сумела сохранить такой неистребимый потенциал любви, такую нравственную чистоту и искренность

что посетившее ее чувство, привычное многим поэтам и названное ими словом «сплин», для нее — катастрофа (см. стихотворение «Безразличие»). Быть безразличной для Марселины — «ужас», «смертный грех», погасший луч души.

Стихи француженки — поистине золотой фонд мировой любовной лирики, можно сказать, образец «женской поэзии». Они отличались большой музыкальностью, потому целый ряд ее стихотворений был положен на музыку композиторами XIX — начала XX века. И сегодня известные современные певицы Франции исполняют песни, положенные на ее стихи.

ГНЕЗДО ОДИНОЧЕСТВА

Взлетим, душа моя, куда-нибудь с тобою,
В распахнутое небо голубое.
И не вернемся в дом земной, пока
Мечту не обречем, что скрылась в облака.
Я на земле тоскую днями и ночами.
Так хочется побыть в затворе и в молчанье.
Быть может, где-то там, в соседстве со звездой,
Себе совью я одиночества гнездо.
Здесь тяготят меня унылые картины,
Здесь память вяжет мне назойливая тина
Запятнанных имен и горестных измен.
Ты загнана, заключена в тоскливый плен.
Взлетим, душа моя, куда-нибудь с тобою,
В распахнутое небо голубое,
Пусть золотой навеет сон молчания река
И та мечта, что скрылась в облака.

ВОСПОМИНАНИЕ

Он канул навсегда в больную полутьму,
Мне бросив взгляд тяжелый и колючий.
Как выстрелом по сердцу моему,
Захлопнул дверь. Но образ самый лучший
Иконой до сих пор сияет для меня,
Огонь его божественных касаний,
Его посланья нежными глазами...
Он не любил меня, увы, любила я.

ЗАРНИЦЫ-МОЛНИИ

Сколько чудных легенд родилось
Под их вспышками древними.
Сколько гнезд обгорелых
Лежит на земле под деревьями.
Сколько птиц не вернулось
В родные для них небеса.
Сколько слез навернулось
В тоске на слепые глаза.
Но рожденный в опасностях,
В муках, в озерах крови
Мир тоскует упрямо
По нежным зарницам любви.

ВЕЧЕРНИЕ КОЛОКОЛА

Закат багровый ветер предвещает,
Колокола разлуку обещают.
Затосковала вечером и я.
Не забывай меня!

Те звуки и печальны, и тягучи.
Все гуще, все темней над нами тучи,
Тревожен всплеск закатного огня.
Не забывай меня!

Вечерний звон зовет тебя в дорогу.
Молюсь за нас обоих страстно Богу
Я на исходе тающего дня.
Не забывай меня!

Колокола звенят при расставании,
Они соединят нас при свидании,
Ударами веселыми звеня.
Не забывай меня!

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Бывает, нас охватывает вдруг
Какой-то непонятный нам недуг.
В стенах домашних, в поле, на горах
Привяжется необъяснимый страх
Потери памяти, сочувствия, тревоги.
Темно вверху, внизу не ходят ноги.
Ты не любим, и смотришь, не любя,
Ничто вокруг не радует тебя.
Глядишь по сторонам отсутствующим взглядом.
Все кажется отравленным холодным ядом.
И кажется, не выйдет из-за туч
Уж никогда последний солнца луч.

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН
(Alphonse Marie Louis de Prat de Lamartine)
(1790—1869)

Один из лучших поэтов Франции, член ее академии, издатель, дипломат, депутат парламента, который даже баллотировался на должность президента страны. Тонкий лирик, в поэзии которого четко проступают религиозные мотивы, Ламартин — один из первых поэтов, который ввел во французскую поэзию тему смерти как радостного преобразования и нового рождения. У дальнейших поэтов, в частности, у Бодлера, эти мотивы приобретают почти буддийский характер. Восточную окраску данная тема носит у Нобелевского лауреата Сен-Жона Перса, она звучит даже у французских поэтов-коммунистов, например, у Элюара и Гильвика. Таким

образом, стихотворение «Уходящий христианин» может рассматриваться в некотором роде как этапное для европейской поэтической мысли. Ламартин — один из создателей во французской поэзии жанра элегии.

СМЕРТЬ ХРИСТИАНИНА

Звонят по мне вокруг колокола,
Сгустилась всюду мертвенная мгла,
Несут меня в гробу печально.
Но я не мертв, жива душа моя —
Частица бесконечного огня,
Сияющая тоже безначально.

Я каторжные цепи сбросил прочь.
Уйди, тюрьма, исчезни, злая ночь!
Зачем меня в минувшее зовете?
Плыву я по Грядущего волнам,
Разглядываю жизнь по сторонам,
Дышу свободою в полете.

Зачем же слезы и рыданье вслух,
Они терзают устремленный дух.
Скорбите, люди, о себе в тумане.
Земную чашу я испил до дна.
Теперь судьба иная мне видна,
Плыву в Небесном океане.

ПРИЗВАНИЕ

Ты, мне представшая на жизненном пути,
Иных времен и дальних стран жилица,
Ты, всколыхнувшая огонь в моей груди,
Огонь любви, дай ею насладиться.
Явись очам во всей своей красе,
Скажи, кем рождена ты, солнцем иль луною?
Покинешь ли мои надежды все
Или останешься со мною
В твоём изгнании, в моей святой мечте?
О, как мне хочется пречистой красоте
Твоей служить светло и дерзновенно!
И целовать хотя бы вмятины в следах.
Когда же улетишь на огненных крылах,
Позволь молитвы возносить смиренно.

КРИК ДУШИ

Когда мою душевную струну
Заденут вдруг Божественные Руки,
Они, как лебедь, всколыхнут волну,
Во мне рождая ангельские звуки.
Когда мой взгляд касается земли,
Недолгой красоты на неизменной тверди,
Мне кажется, что вижу я вдали
Дорогу в безграничное бессмертье.
Когда наполнен птичьим звоном день

На кладбище забытом и убогом,
Могильную я представляю тень
Как праздник восхищенья перед Богом.
Когда звучит мне из-за облаков
Невнятный зов печальный и небесный,
Когда понять его я не готов,
Мой дух летит в сиянье синей бездны.
Когда же там, в бездонной синеве,
Отыскиваю нужные понятия,
О, как мне хочется в душе и в голове
Их заключить в сыновние объятия...
Склониться пред Владыкой дум и слов,
Ему доверить горестное сердце.
И выдохнуть: Основа всех основ,
Лишь на Тебя могу я опереться!

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ
(Alfred Victor de Vigny)
(1797—1863)

Известный французский поэт, драматург и прозаик, автор многих поэм, романов, исторических драм. «Крупнейший представитель реакционного романтизма» во французской литературе в отличие от Виктора Гюго, «прогрессивного писателя-романтика», — так характеризовало Альфреда де Виньи в свое время официальное советское литературоведение.

Сын наполеоновского генерала Гюго и граф де Виньи действительно резко отличались по сословной принадлежности и по убеждениям. Это не помешало их личному знакомству, а также взаимному уважению. Первый воспевал 1793 год, второй в Ве-

ликой французской революции видел лишь «клыки народа-короля», по выражению Шенье.

Автор «Смерти волка» всю жизнь оставался певцом родовой аристократии, воспринимая ее как хранительницу французского гения, храня верность приобретенным смолоду принципам. Вот несколько цитат из его сочинений, характеризующих жизненные установки и мировоззрение писателя.

«У музыки есть своя истина, более прекрасная, чем правда жизни».

«На что нужно искусство, если оно только удвоение и проверка действительности?»

«Я старался передать дух, а не букву» — в ответ на упреки в нестрогом следовании оригиналу при переводе Шекспира.

«Христос умер в нашем сердце» — о своем времени.

В известном смысле Виньи — предшественник Артюра Рембо с его грезами о поэте-ясновидце, вооруженном правдой «большой, чем жизнь». Но в отличие от юного поэта, исповедуя историческую неизбежность гибели аристократии (родовой и духовной), настаивал на стоицизме даже в гибели. Небольшая поэма «Смерть волка» — наиболее яркое выражение жизненных и творческих установок Альфреда де Виньи, предлагающее человеку учиться мужеству и мудрости у природы.

СМЕРТЬ ВОЛКА

1.

Пылал луны багрово-дымный шар,
Тропу он озарял нам, как лесной пожар.
Мы шли вперед, навстречу мчались тучи,
Одна другой угрюмее и круче.
Хвосты тревожно жали наши псы,
Обнюхивали след их чуткие носы.
Мы все остановились возле старой ели,
Царапины когтей у комля разглядели,
Переглянулись, затаили дух
И вдруг услышали какой-то тихий звук,
На стон похожий, тягостный и долгий.
Один из нас шепнул:
— Должно быть, это волки.
Другой прислушался, ничком на землю лег,
К ней ухо приложил, вполголоса изрек:
— Да, впереди прошло семейство волчье
Не позже часа этой самой ночью.
Самец и самка, с ними два щенка...
И тотчас впереди четыре огонька
Призывно и тревожно замигали.
Чуть рассвело. Яснее стали дали.
Стал различать наш напряженный взгляд
Зверей больших и маленьких волчат.
Лежала самка на боку, щенки сопели,
Припав к сосцам, как будто гимны пели
О том, что здесь, в лесу, возникнет скоро Рим,
Что станет этот град могуч, непобедим.
Самец, как цезарь, наблюдал за всей картиной

Уверенно, спокойно, с чуткостью звериной.
И вдруг, услышав лай, мгновенно понял он,
Что нами и борзыми окружен со всех сторон.
Тогда среди собак он выбрал покрупнее,
Метнулся молнией, сомкнул клыки на шее.
Кровь полилась из горла у нее.
И прогремело первое ружье,
За ним еще, еще, еще ударил выстрел...
Волк лег в траву, окинул взглядом мгlistым
Густой зеленый лес. И наконец затих,
Ничем не выдав тяжких мук своих.

2.

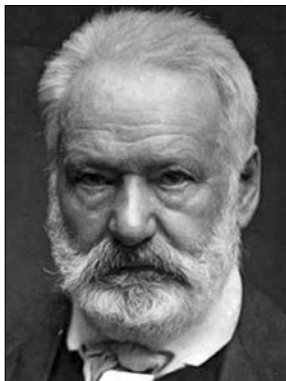
Охотники и псы пустились догонять
Волчат, напуганных охотою, их мать.
Она, мне думалось, всем существом хотела
Погибнуть вместе с мужем смело.
Но дети малые — ее священный долг.
Чтоб каждый вырасти хорошим волком мог,
Который тратить не желает ни секунды
На службу господам, на цепи и на бунты...
Как свора этих вышколенных псов,
Что травит истинных властителей лесов.

3.

О, человек, как жаль, что нет в тебе
Такого же смиренья и достоинства к судьбе!
Что плачешься, всю жизнь себя жалеешь,
Безмолвно умереть, как звери, не умеешь.
До сей поры я вспоминаю волчий взгляд,
Он говорит мне: «Хуже смерти — яд

Нытья, холопства, страха,
Ради жизни
Лишиться чести, изменить отчизне...
Так возжелай отправиться на бой
С любым врагом, но главное — с собой.
И коль повсюду видишь нравы волчьи,
В себе их истреби безжалостно и молча.

ВИКТОР ГЮГО
(Victor Marie Hugo)
(1802—1885)

Великий поэт, прозаик и драматург, основатель школы романтизма в литературе, член Французской академии, пэр, сенатор.

Сын наполеоновского генерала и роялистки по убеждениям, сочетал в себе монархизм с демократизмом, почитал Наполеона и одновременно республику. С нескрываемым презрением глядел на племянника великого императора, ненадолго воссевшего на французский трон, называл его «Бонапартом малым». Сочувственно отнесся ко всем революциям, которые прокатились по Франции в XIX веке, — таков краткий обзор деятельности этого, возможно, самого «политизированного» из великих писателей

Франции. Его называют приверженцем «школы романтиков», но он — целая самостоятельная эпоха в литературе этой страны. Похоронен в Пантеоне — усыпальнице великих сынов Франции.

Гюго прославился в России прежде всего как прозаик, автор широко известных романов. Как поэт он известен у нас лишь узкому кругу любителей и специалистам. Между тем во Франции Виктор Гюго — именно и прежде всего великий поэт. При этом лира Гюго многообразна. Даже та небольшая подборка переводов, что помещена здесь, включает политические, философские, антиклерикальные, любовные мотивы, лирику природы и т. д. Поэзия Гюго не потеряла актуальность до сей поры (см., например, стихотворение «Спящий лев», которое можно истолковать по-разному, например, как ожидание прихода крупного исторического деятеля мирового уровня).

Он и сам был похож на льва своим неукротимым темпераментом, креативной и витальной силой, как теперь принято говорить.

Оставил огромное творческое наследие и славу неутомимого любовника многих женщин. Вот уж лучшее опровержение теории Зигмунда Фрейда, что гении — люди, не реализовавшие, а, наоборот, подавлявшие свое естественное либидо сублимацией оного. Гюго ничего в себе не «сублимировал», его «либидо» хватало на поэзию, драматические произведения, множество статей и романов как в прозе, так и в жизни. По собственному признанию, не знал женщин до 21 года, но, женившись, в пер-

вую брачную ночь совершил девять актов. И сохранил силу до старости. Биографы рассказывают такую историю: взрослая внучка однажды застала восьмидесятилетнего деда в объятиях молодой женщины. Смущенный Виктор Гюго воскликнул: «Посмотри, чем занимается человек, которого называют гением!»

Однако свою могучую силу Гюго сочетал с общепринятой моралью и был по-своему хорошим семьянином, а на свои многочисленные любовные связи испросил разрешения жены, измученной многими родами. После смерти жены стал на долгие годы другом известной в свое время в Париже артистки Жюльетты Друз. Связь с ней поэт сохранял в течение четверти века, а похоронив подругу, написал трогательное стихотворение, завершающее данную подборку переводов.

ДРУГУ

В долине дальней, горной,
Среди утесов, где
Гулять ветрам просторно
И тесно мчат воде,
Где травы изумрудны,
Нетронуты цветы,
Подарок сделал чудный —
Мне дом построил ты.

Надежный, но и кроткий
Я жребий получил.
Плыть беспокойной лодкой
В Мальстрем морских пучин.
Валы его в объятъя
Мой утлый челн берут
И страшные проклятья
Мне издали несут.
За что? За то, что песни
Пою свободы я,
Что оказался в бездне
И в стае воронья.
За то, что глас поэта
Растит надежды сад.
Тем временем газеты
Мне карами грозят.
Зовут меня пиратом,
И, право, я польщен
Сравнением с Маратом
И тем, что не прощен.
С властями я не спорю,
Они, как саранча,
Плодятся нам на горе,
Им мало палача.
На них бы злые грозы,
Сгореть бы им в аду,
Пока свободы розы
Сажу в своем саду.

Я ХРАМ НАШЁЛ

Я к храму отыскал дорогу,
В нем может отдохнуть душой
Босой монах, послушный Богу,
И атеист, Ему чужой.

Стоят у входа в этот храм
Деревья в солнечном свеченье,
Давая даром отпущенье
Грехов стрекозам и шмелям.

Там нет затейливых беседок
Или подстриженных аллей,
Зато повсюду буйство веток.
Дыханье свежее полей.

Там пахнут скошенные травы,
А не букеты Буало.
Там деревенские забавы,
Там всюду радость и тепло.

Нет места выдуманной драме,
Нет тени лживой красоты.
В нерукотворном этом храме
Царят свободные мечты.

Тот храм превыше Ватикана
И всех подручных сатаны.
В безмолвной музыке органа
Надежды чудные слышны.

Тот храм пока еще в эфире,
Вне камня, плоти и крови.
Да утвердится в дольном мире
Мой храм свободы и любви!

ЗИМА

Мы к храму подошли однажды,
Но он к себе не допустил,
Холодный сделался и важный,
Щетину всюду отрастил.

Исчезли птицы и стрекозы,
Под пнями сгнили все грибы,
Пропали бархатные розы,
Торчали всюду лишь шипы,
Не то что дух пришел могильный —
Ушла былая благодать.
Не мог бы гидом сам Вергилий
В таком аду для Данте стать.

В конце осеннего сезона
Закрылся храмовый бомонд.
Нам с ветки крикнула ворона:
— У лета начался ремонт!

СОН ЛЬВА

Лев на холме высоком дремлет.
По-царски важен львиный сон.
Слетелась мошкара на земли,
Где безраздельно правит он.

Живое все, конечно, знает,
Что лев не умер, не убит,
Позволил мелюзге хозяин
Потешиться, пока он спит.

Лев страшен всем, когда проснется,
А значит, сделается зряч.
Шакалий хохот раздается,
Напоминает детский плач.

Наш лев похрапывает сладко,
Неукротимый здоровяк.
В спокойных лапах дремлет хватка,
Решимость грозная в бровях.

Глухая ночь влачится слабо,
Комар хозяйничать привык.
Но лев взмахнет могучей лапой —
И мошкара исчезнет вмиг.

«ЖИВЫЕ — БОРЮТСЯ! А ЖИВЫ ТОЛЬКО ТЕ...»

(Отрывок из стихотворения)

Как? Женщин не любить? Пройти свою дорогу,
Лишь видя ее пыль, без поклоненья Богу?
Без радости шагать слепым ко рву
И наблюдать лишь то, что зримо наяву?
И плотью обладать, душой пренебрегая?
Не знать в ней ада, домогаясь рая?
В пустых боях бесплодных ждать побед?
Болтать, как попугай, про тот и этот свет?

О, бедные термиты, жители столиц!
В дворцах живете вы или в подвалах,
Как жаль вас всех в желаньях ваших малых.
Я убегаю в лес от серых лиц,
Зеленым деревом в лесу мне легче стать,
Чем находиться среди ваших стай.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Лесное озеро укрылось в чаще леса.
Поляна тихая, усталая луна.
Не помню, чья жена, Юпитера ль, Зевеса,
Среди ветвей Венера не видна.
О чем шумят ветра, что шепчут листья?
«Целуйтесь, кто не спит и кто не мертв.
Из всех на свете благородных истин
Нет выше этой, в ней и боль, и мед».
Мы — капли той Любви, что на дорогу,
На путь земной вложил в нас всех Творец.
Любите пламенно, любовь любезна Богу,
Она — Первотворения венец.
Ушедшие сгорели, словно свечи,
И передали это пламя нам,
И мы уйдем, и наши с Богом встречи
Продолжатся по будущим векам.
В лучах луны чернеет домик ветхий,
Из окон звуки тихие слышны.
То шепот страстный мужа и жены
Тревожит наклонившиеся ветки.

Уходит утром пыл ночей минувших,
Встречаем строгость будней трудовых.
Сливается дыхание уснувших
С любовными объятьями живых.

Я завтра на заре покину город
И в путь отправлюсь дальний. Решено.
Пойду через леса, поля и горы.
К тебе, единственной,
Ты, знаю, ждешь давно.
Пойду пешком такой же одинокий,
В раздумья погрузив свое чело,
Изранив грудь, натруженные ноги,
Не видя и не слыша ничего.
К закату я дойду к тебе, быть может,
Мне память дорогие оживит черты,
А к изголовью твоему рука положит
Мечты о встрече. Там, надежды и цветы.

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ

Веками жил отчаянный народ
Под сапогом танцующих господ,
В сплошной тени Средневековья.
Терпеть свой гнет он наконец не стал,
Одумался, как вал морской, восстал.
И Францию залил, но не водой, а кровью.

И Революции крестьянское сабо
Пустилось в пляску, отшвырнув сапог.
Вот так народ свою свободу встретил.
Кровавым безрассудным мятежом,
Лихими песнями, разбойничьим ножом
Отмечен девяносто третий.

У Виктора Гюго есть не только стихотворенье, но и роман «Девяносто третий год», когда была установлена якобинская диктатура. Гюго — современник и очевидец четырех революций (1830, 1848, 1870 и 1871 годов), был противником восстановления монархии и сторонником республики. Он с симпатией изобразил в своем романе деятельность Конвента, фигуру Робеспьера, пролившего немало французской крови с фанатичным сознанием своей революционной правоты. Более критично в романе показаны такие люди, как Марат и тем более Фуше, оставшийся в памяти людей как символ интриганства, беспринципности и лицемерия. Стихотворение Гюго — о том, что любое, даже самое благородное по мотивам, восстание заканчивается диктатурой. Такова неумолимая логика революции. Удивительно, но Франция, потерявшая во время Великой революции сотни тысяч людей, сохранила почитание своей революционной истории. В отличие от наших политиков и ультралиберальных пропагандистов, оценивших нашу революцию однозначно негативно и в течение двух десятилетий пытавшихся внушить

это отношение к народу. Но ничего не получилось. В том числе и по причине особой психологии нашего народа, его необыкновенной широты души и удивительной способности прощать любые заблуждения, лишь бы они были искренними. Это историческое великодушие русских изумляет многих европейцев. Стихотворение, которое я написал, больше посвящено России и ее возможному будущему, но есть в нем и некоторая переключка с французской историей и ее деятелями, описанными Гюго.

*«А что есть истина?» — нас вопрошает век,
Так некогда он спрашивал Мессию.
И сам же посылает нам ответ:
«Не жить во лжи и полюбить Россию.
Она одна, отчаянно одна
Сражается с безверием всеобщим,
На жребий свой страдальческий не ропщет,
Не ведает всю жизнь двойного дна.
Наполненная несломимой верой,
Хранит улыбку тайную в душе.
Принять готова новых Робеспьеров,
Переварить всех будущих Фуше.*

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ
(Alfred de Musset)
(1810—1857)

Поэт, драматург, прозаик, яркий представитель романтизма, автор известного романа «Исповедь сына века».

С детства страдал крайней нервозностью, впечатлительностью и слабым здоровьем. В 1833 году Мюссе встречается с тогда уже известной Жорж Санд, вступает с ней в гражданский брак, наполненный, по воспоминаниям писательницы, многочисленными капризами и припадками ревности, сменявшимися сценами обожания. Утомленная всем этим Санд после полуторалетней совместной жизни покинула Мюссе, на что поэт реагировал крайне тяжело. Его последующая жизнь сопровождалась еще

несколькими неудачными любовными романами, безденежьем, болезнями, расстройством психики, что определило мрачный колорит творчества. Тема несчастной любви — главная в творчестве Альфреда Мюссе. Критики отмечали, что его поэтическая новизна заключалась в умении показать двойственную природу души, страдающей от одиночества в отношениях и непонимания в любви. Известно высказывание о французском поэте А. С. Пушкина: «Мюссе первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка». Поздние стихи поэта наполнены ощущением усталости от жизни, полной страданий, и вместе с тем поисками истины и стремлением к духовным идеалам.

«Тебе лишь года полтора осталось жить», —
Подсказывают грустно стуки сердца.
Предчувствия, от них не отвертеться,
Приходит время песни отложить.
Срок настает для южной певчей птицы
Заканчивать осенний перелет.
Повсюду укрепился хмурый лед —
Мне ссориться с зимою не годится.
Смириться — значит жить с природой в мире.
Но я от страха скрыться не могу.
К тому же я не птица — лошадь в мыле,
Нет сил, изнемогаю на бегу.

НЕ ЗАБЫВАЙ

Не забывай меня, когда рассветный ветер
На небе окна солнцу распахнет,
И шторы яркие вдали повесит вечер,
И полночь занавесом черным упадет.
Не забывай в потоке наслаждений,
В плену у грез, средь мрачных наваждений.
Почувствуй то, что грудь мою томит,
Прислушайся, о чем осенний лес шумит:
Не забывай!

Не забывай меня в разлуке краткой
И если мы простимся навсегда.
Слезою помяни меня украдкой,
Когда стряется надо мной беда.
Когда забрезжит впереди удача,
Пошли ее судьбе моей незрячей.
И я в ответ на твой безмолвный зов
Тотчас к тебе приду без лишних слов.
Не забывай!

Не забывай, когда засну глубоко
Последним сном, который всех нас ждет.
Когда цветок смиренный одиноко
На холмике могилы расцветет.
Как мы в грядущем жизнь свою построим —
Женой и мужем, братом и сестрою?
Бессмертие молчит о том в тиши.
Откликнись на призыв моей души.
Не забывай!

Ах, женщины, какую силой
Вам власть над нами вручена!
Достаточно улыбки милой,
Чтоб мы хмелели без вина.

Одно словечко, вздох несмелый,
Короткий взгляд, касанье рук —
И вот уж сердце занемело,
Перехватило горло вдруг...

Мы знаем власти вашей цену.
В сравненьи с вами мы слабы.
Вам все прощаем: гнев, измену,
Вас уступаем без борьбы.

И терпим, терпим ваше иго,
Невыносимый даже гнет.
Любовь моя не знает выгод
И снисхождения не ждет.

Пусть слезы, ревность, боль, разлука
Терзают существо мое,
Любви таинственная мука
Мне слаще гибели ее.

ПЕЧАЛЬ

Я оказался вдруг в пустыне,
В безлюдье, среди снегов и скал,
Без сил, без близких, без гордыни...
И встретил ту, кого искал.
Я встретил Истину. И что же?
Поверил — это будет друг.
Припал к ногам ее — и вдруг
Решил: она мне не поможет.
Но истина, она же вечна,
А я — случайный мотылек —
Ее уроком пренебрег.
Бог наказал меня, конечно...
Мне остается вспоминать
Об этой встрече и рыдать.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ
(Pierre Jules Théophile Gautier)
(1811—1872)

Крупнейший поэт и критик Франции, яркий представитель романтической школы, творчество которого иногда относят к «преддекадентству». Именно Теофиля Готье объявил своим учителем сначала Бодлер, с которого ведется отсчет новейшей поэзии Франции, потом — французские символисты. Благоговейное отношение к поэзии, тщательнейшая работа над словом отличают этого мастера.

В девятнадцатилетнем возрасте издал первый свой сборник *Poesie*, сразу обративший на себя внимание знатоков. Вокруг Готье образовался кружок молодых авторов (среди них — Жерар де Нерваль), все-

цело преданных искусству. Про них говорили: «Они завтракают одой, обедают балладой». Сам Готье, вспоминая молодость, писал: «Мы были опьянены прекрасным, у нас была божественная мания искусства». Позднее поэт писал романы, много работал в журналистике, совершил ряд путешествий в европейские страны, а также на Восток и в Россию, итогом которых явились замечательные по слогу книги, в том числе «Путешествие в Россию» и «Сокровища России».

Главный сборник Готье — «Эмали и камеи» — полностью перевел Николай Гумилев. Очень ценили Готье Блок и Брюсов.

Готье заново после трехвекового умолчания открыл для французов Франсуа Вийона. Тончайший мастер поэзии, он оказал также немалое влияние на французскую живопись конца XIX века. Мне думается, даже небольшая подборка из пяти стихотворений может дать читателям представление, какого масштаба поэт перед ними.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Нигде в ветвях не дрогнет лист,
Не слышен птичий звон.
Блеснет порой багрово-мглист
Далекий горизонт.
Наморщит тихий ветер зыбь

Разбитой колеи.
Дома крестьянские, как сыпь,
Рассыпаны вдали.
Царит повсюду полумрак.
С котомкой на плече
Спустилась женщина в овраг,
Бредет куда, зачем?
По глине бедная скользит,
Скрывается во мгле,
Усталый дождик моросит
По дремлющей земле.

ОБЛАКО

Небесной влагою умыта,
Любуясь наготой сама,
В лазури светлой Афродита
Из пены сводит нас с ума.
Воображение тревожит
И манит облачная стать.
Девичья грудь, оттенки кожи... —
Всех чудных форм не передать.
Причудливы, разнообразны
Творения моей мечты,
Непостоянны, но прекрасны,
Как отблеск Высшей Красоты.
И, позабыв о плоти брэнной
И впад мгновеном в сладкий сон,
Я мчусь в мечтах за нежной пеной,

Как сладострастный Иксион*.
Ум рассуждает: «Это призрак
Богини, не тревожь ее.
Толпой зевак твой сон не признан.
Оставь творение свое».
Но сердце возражает: «Ладно.
Таков удел любой красы.
Возникла и ушла обратно,
Подобно сполоху грозы.
И ты, поэт, себя не мучай
Желаньем красотой владеть.
Любуясь женщиной ли, тучей,
Стремись об этом только петь.

В деревьях спрятавшись осенних,
Укрылся одинокий дом.
Крыльцо подгнило, дует в сенях,
И кровля прохудилась в нем.
Окно завешено тряпицей,
Домишко с виду нежилой.
Но теплый пар над ним струится,
Дыханье видно над трубой.

* Персонаж греческой мифологии — смертный, влюбившийся в богиню. Зевс, усмотревший в такой любви святотатство, послал Иксиону облако, придав ему черты богини. Иксион, согласно мифу, принял подставу за реальность и вступил в связь с облаком, отчего на земле возникли кентавры, то есть люди.

Что означает струйка дыма,
Вознесшаяся в высоту?
Душа поэта здесь томима
Тоской и жаждой по Христу.

Я вас люблю. И что тут делать
С такую разницей в годах?
Вы расцвели душой и телом,
Мне предстоит могильный прах.

Мои виски покрыты снегом,
Душа задумалась о том,
Что скажет там, на встрече с небом,
Где тело ждет подземный дом.

Но если б на земле — не в небе —
Поцеловали вы хоть раз,
Я мог бы и в могильном склепе
Спокойно спать с мечтой о вас.

ДРОЗД

Во фраке черном, в желтых брюках
Какой-то франт взახлеб поет,
Не зная, что такое скука,
Не прерывая свой полет.

То дрозд (наивная натура),
Не помня о календаре,
Апрельские фиоритуры
Выводит утром в январе.
Сухие ворошит листочки,
Хвоинки тормозит от сна,
Коснулся клювом спящей почки,
Чтобы скорей пришла весна.
И скачет, скачет по бурьяну...
Везде несет благую весть
Назло снегам, дождям, туману
О том, что солнце в мире есть.
Что никуда ему не деться...
Так простодушный пилигрим
Грядущее предвидит сердцем,
Зрит то, что не дано другим...
Вот и поэт, как дрозд, летает,
Хранит его волшебный труд.
И кто певца шутком считает,
Тот сам, конечно, жалкий шут.

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ
(Gérard de Nerval)
(1808—1855)

Псевдоним Жерара Лабрюни, крупного поэта, прозаика, драматурга, переводчика, испытавшего сильное влияние немецкой литературы, и ревностного оккультиста. Выпустил сборник «Немецкие стихи». Переводил Шиллера, Клопштока, Бюргера, Гейне. Его перевод «Фауста» Гете удостоился похвалы самого автора. Совершил несколько путешествий в Германию и на Восток.

Продолжил традиционную для французской поэзии тему культа женщины, которая приобрела в поэзии Нерваля мистический оттенок. Мистицизм для Нерваля был не просто увлечением, но и «второй жизнью», а ночные сновидения продолжались в сти-

хах и прозе. Символисты, а позднее и сюрреалисты очень ценили именно эту сторону его жизни.

Имел проблемы с психикой. Галлюцинации, преследовавшие писателя, давали одновременно пищу творчеству и вводили его в глубокие депрессивные состояния. Они нарастали с каждым годом, и в начале 1855 года Нерваля нашли в петле на фонарном столбе в одном из парижских переулков.

ЗОЛОТЫЕ СТИХИ

Очнись! Всё в мире чувствует.

Пифагор

Ты гредишь, человек, что лишь тебе на свете
Достался разум, что Вселенная пуста.
Проснись, гордец! Ведь рассужденья эти
Тебе твоя диктует слепота.
На свете все сотворено в порядке строгом,
Без мысли не бывает даже сна.
Молитва тварей бессловесна, но ясна:
Служить богам и быть в единстве с Богом.
Все думает: валун, трава, цветок.
Для них ты — Божьего творения итог,
Природы несравненная вершина.
Так будь же к Матери Великой чуток ты,
Траву не мни, не убивай цветы
И в камне не буди разгневанного джинна.

ФАНТАЗИЯ

Я музыку далеко слышу в небе,
Она меня преследует давно.
Ни Моцарт не сравнится с ней, ни Вебер,
Я пью ее, как старое вино.
Душа моя в аккордах чудных ловит
Волшебные страницы тех веков,
Когда царил тринадцатый Людовик
И доносился к людям глас богов.
Я вижу замок призрачный из камня,
Цветы, деревья, одинокий страж.
И окружающая это все река мне
Напоминает ангельский пейзаж.
И женщина прекрасная, как песня,
В высоком появляется окне.
Та самая, что часто снится мне, —
Из жизней, прожитых когда-то вместе...

Безнадежно и немо
Стонут песни души.
В безмятежное небо
Все подруги ушли.
Из небесной Отчизны
Голоса подают,
В честь Мадонны Пречистой
Гимны нежно поют.
О, ушедшие годы!

О, бывшая краса!
Не щадит нас природа,
Не щадят небеса.
И лишь радужный вечер
Или звезды ночей
Могут вспыхнуть, как свечи
Милых женских очей.

ХРИСТОС ПОД ОЛИВАМИ
(Фрагмент)

Он говорил: «Все гнило, все мертво,
Я потерялся на дорогах странствий.
Где жизнь кипела в солнечном пространстве,
Сегодня не увидишь ничего.
Пустынный простирается песок,
Моря похожи на пустой мешок.
На суше тоже запустенье и разруха.
Исчез повсюду тихий шепот духа.
Ищу пути Я в небе, но везде
Лишь тьма густая от звезды к звезде,
И сами звезды чуть мерцают миру.
Лишь радуги таинственный овал
Безмолвно каждый окружил провал.
К нему взываю: «Господи, помилуй!»

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ
(Charles Marie René Leconte de Lisle)
(1818—1894)

Известный французский поэт-романтик. Полное имя поэта — Шарль Мари Рене Леконт де Лиль. Родился он на острове Реюньон (колония Франции) в семье француза и креолки. Образование получил в Бретани (Франция). Участник революции 1848 года, был инициатором отмены рабства в колониях. Согласно завещанию-рекомендации Виктора Гюго, занял его место во Французской академии.

Творческий путь Леконта де Лиля некоторые биографы поэта характеризуют как принадлежность вначале романтической школе, затем как постепенный переход под влиянием Готье и Банвиля на позиции «искусства для искусства». Позже поэт был

назван главой парнасской школы, для которой характерен уход в прошлое, экзотику и т. д. Все так. Но прежде всего де Лиль — крупнейший и самобытный художник мирового уровня, а его «уходы» ничуть не скрывали полное отвращение к современной ему действительности, во многом эквивалентной нашей сегодняшней. Так что приписывать Леконту де Лиллю позицию стороннего наблюдателя нет оснований.

СЕВЕРНАЯ БОГИНЯ

Она по озеру Норвегии своей
Не то идет, не то в пространстве реет,
То хмурится недолго, то светлеет
В огне рассветных солнечных лучей.
Ее встречают розовых осин
Немая дрожь, воды спокойный глянец
И озера сверкающая синь,
И бабочек цветных воздушный танец.
Ей ветер гладит золото волос,
На плечи пепельный туман садится.
Полярной ночью серебрит мороз
Ее густые длинные ресницы.
Ни слез, ни тени страсти, ни надежд
На ясном ее лице не осталось.
И взор скользит поверх земных одежд,
В нем мудрая небесная усталость.

Небесный страж сияния и тьмы
Любуются ее игрою красок.
Ему с балкона облака видны,
Начала и концы всех этих сказок.

УМЕРШЕМУ ПОЭТУ

Глаза твои иные видят дали,
А уши слышат облачную песнь.
Ты красоту искал недавно здесь,
И вот лежишь в торжественной печали.

Для нас ты был любви и песен царь,
Но твой любовный мед был слишком горек.
И вот покинул свой божественный алтарь,
Уплыл от нас в неведомое море,

Оставив на волнах неизгладимый след.
Рыданья прозвучат вдогонку или нет,
И вспомнит ли тебя наш век растленный?

Завидую твоей страдальческой душе,
Она отмучилась, ей не дано уже
Стыдиться Франции разграбленной и пленной.

МАЙЯ

О, Майя! О, поток танцующих химер!
Течет он в мир из глубины сердечной,
Меняет брызги жизни быстротечной:
Удач и бед, неверия и вер.
И сердца глубина — очередной пример
Текучести, оно стучит не вечно.
И так века, часы и дни скользят.
Танцуют в них манящие нас тени,
Ни на одной не остановишь взгляд.
И не удержишь с помощью молений
Поток бессмертный вечных сновидений.
Но где вы, рай и ад, амброзия и яд?

О, ты, вернувшая мне счастье,
Пусть ненадолго на исходе дня!
Ты пробудила к творчеству меня,
Ты отвратила от меня ненастье.

Все быстро может кончиться, увы.
Погаснут чувства, не успев согреться,
Но встреча эта сохранится в сердце,
Ее не охладят ненастья головы.

Я НЕ МОГУ

Пуškai на сборище у черни стану псом,
Пуškai наденут на меня ошейник —
Но ни один сегодняшний мошенник
Мне не прикажет петь не о своем.

Чтобы в душе холодной и стерильной
Зажечь хоть ненадолго огонек живой,
Я должен напрягать весь разум свой...
Нет! Лучше пребывать во тьме могильной.

Мне легче скрыться где-то в старом склепе,
В подземной духоте мечтать о синем небе,
Чем на продажу выставить толпе

Свои стихи. Мне тягостно представить,
Что станут пошляки меня хвалить и славить.
Не смею, не могу я изменить себе.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
(Charles Pierre Baudelaire)
(1821—1867)

Выдающийся поэт и критик, классик французской и мировой литературы. Когда я учился на филологическом факультете Томского университета, нам трактовали Бодлера как родоначальника европейского декадентства, как поэта, культивировавшего в своих стихах самые мрачные стороны бытия.

Его сборник «Цветы зла» сразу же после выхода вызвал резкую критику современников и даже судебные санкции во Франции. А стихотворение «Падаль» рассматривалось только в прямом смысле, как эстетизация разложения. Между тем Бодлер, которого символисты Франции считали своим знаменем, выразил описанием трупа разлагающейся лошади не

только признание смерти и продуктов распада как проявление естественного порядка вещей в природе, но и свое отвращение к современному ему обществу. Какой символ он избрал бы теперь?..

Стихотворение «Предыдущая жизнь» (*Vie aentérieure*) в русском переводе имеет малопонятное название «Предсуществование», которое можно было бы считать навеянным буддийской доктриной перевоплощений, если бы она не была частью мировоззрения поэта. Он пытался мучительно разгадать известный дельфийский ребус, когда, «познавая самого себя», познаешь все загадки мира. Наверное, для Бодлера непрерывная череда жизней была не модной теорией, но реальностью, правду которой он знал на уровне своей великой поэтической интуиции, предчувствуя, что за благополучным воплощением может следовать очень бедственное. Впрочем, современная церковь и большинство ученых считают доктрину перевоплощений выдуманной. Основания для скепсиса в отношении истинности тонких переживаний Бодлера, разумеется, есть: поэт употреблял наркотики. В этом смысле он положил начало целой генерации французских поэтов-визионеров, от Верлена и Рембо до символистов и сюрреалистов, которые в разной степени и в разных формах сознательно связывали наркотический опыт с творческими экспериментами. Стоит сказать, что и современная трансперсональная психология, например, Станислав Гроф и другие ученые, использовала правда, не наркотики, а психоделики и трансовые практики для достижения «регрессии сознания», то

есть для путешествия во внутренние глубины, чтобы найти там следы прошлых жизней и трансформировать сознание.

Подборка стихов Шарля Бодлера, помещенная ниже, показывает нам поэта с иной стороны, чем о нем говорили критики при жизни и долго после нее, — как страстного поборника красоты, чистоты, творческой высоты, как адепта живых цветов, вырастающих на мертвой почве зла.

В таком контексте стихотворение «Падаль» сегодня выглядит как вызов всему низменному, как почти религиозный гимн вечному торжеству красоты Бытия.

АЛЬБАТРОС

Когда настигнет скука молодых матросов,
Они, устав от вахт и нудного труда,
Заманивают в петли альбатросов,
Что провожают в плаванье суда.
И вот любимец солнца, ветра, ураганов,
Не мастер суеты и вечных птичьих драк,
Могучий покоритель океанов
Становится шутом для палубных зевак.
Он, волоча крыла, мучительно ступает.
Разыгрывать спектакль ему невмоготу.
Его табачным дымом кто-то донимает,
Иной копирует страдальца хромоту.

Поэт, ты дышишь в небе метеорной пылью,
Пронзаешь облака, приветствуя грозу.
Но богатырские тебе мешают крылья,
Когда в толпе находишься внизу.

ПОЛЁТ

Над миром, над морями и лесами,
Над холодом и тьмой земных ночей,
Над светом и теплом дневных лучей
И выше этого всего — над небесами.
Мой дух плывет, недремлющий челнок,
В пространственном безбрежном океане,
Всегда невыразим и одинок,
Ему мучительно блуждать в тумане.
Блажен поэт, чья мысль открылена
Таинственным и бесконечным Зовом.
Внизу он чувствует себя несчастным Иовом.
И лишь вверху судьба его вольна.

МОНОЛОГ КРАСОТЫ

Я — светлый образ, я всегда невинна,
Я существую, чтобы ты, поэт,
Лепя в страстях податливую глину,
Искал мой вечно недоступный свет.

Я — сфинкс, я выше всяких проявлений,
Во мне с огнем соседствует вода.
Меня не может огорчить беда,
Меня нельзя поставить на колени.
А формы, лики, звездные мерцанья
Я людям создаю для созерцанья.
Людские покоряю я сердца
Каким-нибудь подобием зеркальным,
Оно казаться может идеальным,
Но в виде временного только образца.

Откуда ты приходишь, Красота?
Ты дар небес иль вызов преисподней?
Влечешь к себе иссохшие уста
С беспмятных времен и до сегодня.
В тебе и утро наше, и закат,
И ясность, и дурное наважденье.
Тобою каждый насладиться рад,
Ты боль приносишь после наслажденья.
Вот мотылек летит на твой огонь
В надежде отыскать чертоги рая.
Находит их ценою дорогой,
В твоём коварном пламени сгорая.

Твой дух нам непонятен, облик прост.
Нуждается в тебе на свете каждый.
Ты нас сопровождаешь, словно пес,
Хранитель-ангел или ангел падший.

Любви дитя или творенье зла,
Святая правда под картоном маски.
Тебя несут к нам вечные крыла
Загадочной мечты и страшной сказки.
Так Бог иль Сатана, злодей или мечта,
Царица жизни, плена или тлена?
Не все ли нам равно, будь вечна, Красота,
И неизменна, и благословенна!

ПРЕДЫДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Я в прежней жизни жил, не зная слез и стонов,
Не приходилось видеть скорбного лица
Под портиками дивного дворца,
Похожего на гроты Посейдона.
Там солнце на волнах качалось без конца,
Лазурь была прозрачной и бездонной.
Там музыка звучала монотонно
И звездный свет безоблачно мерцал.
Раб надо мной маячил с опахалом,
Грудь благовония восточные вдыхала.
А бедный лоб мой тщился разгадать
Загадки жизни преходящей этой
И сколько в жизни будущей поэту
Придется за блаженство пострадать.

ДУХОВНАЯ ЗАРЯ

Лишь вырастет заря, подобно алой розе, —
И явится нетленный Идеал
К нам, дремлющим в густой грязи, в навозе,
Под ворохом нечистых одеял.
Скорбим, и наша скорбь нам души лечит,
Мы снова отдыхаем в небесах.
Богиня вновь явилась нам навстречу
С благословенной радостью в глазах.
Омыла наши беды и тревоги,
Очистила наш обиход убогий
Всей чистотою утренних лучей.
И прогоняет этот сумрак бледный,
И освящает распорядок бедный,
И освещает таинство ночей.

ПАДАЛЬ

Ты помнишь летний день, ласкающий, пригожий,
И то, что вдруг смутило нам обоим взгляд:
В траве зеленой разлагавшуюся лошадь,
То рядом жизнь и смерть творили свой обряд.
Труп к солнцу поднимал ужасные копыта,
В нем черви шевелились у неба на виду.
И ноги обнаженные раскинулись открыто,
Как у старухи, что не прячет наготу.
И солнце над останками сияло,

Стремилось поскорей все клетки разложить,
Вернуть Природе то, что некогда создало,
Что так стремилось людям послужить.
Гармонией вокруг дышало все и пело,
Как будто жизнь и смерть связались в хоровод,
Как будто в чайнике Творца вода кипела,
На дно садилась накипь сточных вод.
И нам почудилось, что мерзкий и зловонный
Растаял труп, исчез, как черный сон.
Так мастера этюд, еще не заверченный,
Мазком последним вдруг бывает завершен.
Мы путь продолжили среди пейзажей кротких.
И пес голодный, нам глядевший вслед,
Мгновенно кинулся к оставленной находке,
Чтобы закончить пир и обглодать скелет.
Ну что ж, придет и мой черед неотвратимый
Закончить путь земной среди таких скорбей.
И ты, мой ангел, не вернешься в небо мимо
Распада форм своих и праздника червей.
Но скажем мы тогда без горестного вздоха:
— Червям достался прах, они вкушают дым.
Судьба двоих сердец не может быть жестокой,
Когда в ней лик любви торжественно храним.

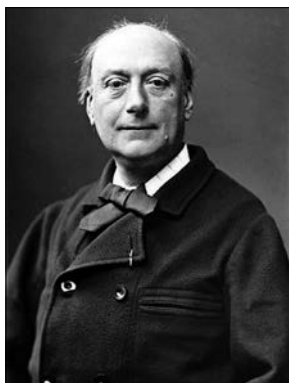

Много лет назад я ощутил импульс откликнуться на это замечательное стихотворение великого француза и написал посвященные ему стихи о природе творчества:

*Как родятся стихи? Из гуденя,
Что в груди поднимается вдруг.
Погружает тебя в смятенье
Пробудившийся в сердце дух.
И тогда ты цепляешься жадно
За какой-нибудь встречный пустяк.
Можешь розу белую с жабой повенчать,
И поэту простят.
Наклониться над мертвой лошадью,
Оживить ее, как Бодлер.
Все, что жизнью под ноги брошено,
В поэтическом варишь котле.
Среди мусорных свалок и молний,
Протирая до крови глаза,
Ищешь то, что никто не промолвит
И тебе не дано сказать.*

ТЕОДОР БАНВИЛЬ
(Théodore de Banville)
(1823—1891)

Поэт, драматург, критик, журналист и писатель. В своем поэтическом творчестве прошел через множество влияний, от Франсуа Вийона до символистов. Помещенная ниже баллада — тому свидетельство. Здесь и подражание балладам мятежного Франсуа, и эпикурейские мотивы Беранже, и (в балладе об этом не говорится) увлечение идеями Парижской коммуны. Ведь Банвиль издал целый сборник стихов о коммунарах. В нем и других книгах поэта содержатся острые обличения буржуазной Франции. В актив литературного разнообразия Банвиля можно также записать сборник «Акробатические оды», название которого говорит само за

себя, в нем разнообразные словесные эксперименты поэта.

Одним словом, Теодор Банвиль, по квалификации Верлена, находится за чертой музыки, за чертой проклятой поэзии, сфера его деятельности — «литература». Потому что для Верлена музыка стиха — это еще и музыка жизни поэта, чего Банвилю явно недоставало. Как, впрочем, и Кокто, и некоторым другим.

Что же, жизнь и поэзия, даже лишенная музыки, неразделимы, и Банвиль прочно вошел в историю французской литературы. Он оказался способным не только на добрые советы, но и на добрые поступки. Когда Артюр Рембо рассорился с Полем Верленом и бродяжничал в Париже, не имея жилья, его на длительное время приютил Теодор Банвиль.

БАЛЛАДА ДОБРЫХ СОВЕТОВ

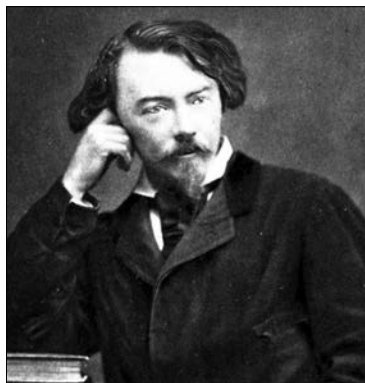
Чем дорожить в потемках жизни бедной?
Сияющей дневной голубизной,
Ночным свиданьем под луною бледной,
Зелеными деревьями весной.
Уметь себя утешить в летний зной
Вином из запотевшего стакана,
Прилечь на ложе старого дивана
Или присесть у теплых женских ног,
Начать страницу нового романа...

Вот наслажденья высшего итог.
Уйти от очевидности бесцветной,
Не сделаться картинкою цветной,
В какой-нибудь беседке неприметной
Просиживать за милой болтовней,
Быть у любви за каменной стеной,
А также у Природы пажем рьяным,
В ней совершенства находить итог,
Внимать раблезианским шуткам пряным.
Вот наслажденья высшего залог.
Работать над строкой в тиши рассветной
Иль погрузиться в оркестровый строй,
Мечтать о временах, когда победно
Жонглировали женщины страной.
Исследовать таинственные страны,
Пускаться в авантюры непрестанно.
Оттачивать всю жизнь сонетов слог.
Вот наслажденья высшего итог.

Посылка

Мой принц, я покидаю мир обмана.
Я повинуюсь чувствам долгожданным.

ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ АДАН
(Comte Jean-Marie-Matthieu-Philippe-Auguste
Villiers de l'Isle Adam)
(1838—1889)

Полностью — Филипп Огюст Матиас де Лиль Адан. Граф, потомок одного из древнейших аристократических родов Франции, которого торжествующий во Франции XIX века буржуазный уклад вытолкнул на обочину жизни. Писатель, считающийся одним из основоположников научной фантастики в мировой литературе, всю жизнь провел практически в нищете, перебиваясь случайными заработками. Временами служил даже в качестве «живой рекламы»: носил на себе плакаты, зазывающие в модные магазины Парижа.

Отвращение к «жирным котам», парвеню, бездарным, но шустрым нуворишам Третьей империи

толкнуло де Лиль Адана в ряды парнасцев, уходивших от действительности в искусство для искусства, в восточную мистику, католицизм. А еще в пьянство и наркотики, в беспорядочные половые связи и с таким неподъемным довеском, как поиски идеала при полном отсутствии душевного пристанища в земной жизни. Многие деклассированные коллеги де Лиль Адана ломались, спивались, деградировали. Характерная примета литературы и искусства Франции конца XIX века, а также заглядывавшей ей в рот Европы и России Серебряного века.

К счастью, труженик в де Лиль Адане всегда побеждал. Трудяга-граф оставил после себя ряд сборников хороших стихов и отличной прозы, несколько романов, из которых самый знаменитый — «Ева будущего» — весьма созвучен нашему времени. В нем создан образ своеобразной «бизнес-леди», искусственной женщины, внешне очень красивой, но лишенной души, этакого Франкенштейна в юбке, сфабрикованного с помощью новейших технологий изобретателем Томасом Эдисоном. Эти сатирические мотивы нашли продолжение в современной русской литературе.

Стихи де Лиль Адана, где остро звучит тема неприкаянности и полного разлада с жизнью, включил в свой знаменитый сборник «Проклятые поэты» Поль Верлен, что для поэзии Франции лучший знак качества. Однако у нас как поэт де Лиль Адан мало известен. Последняя из весьма немногих публикаций (2014 г.) — в переводе А. Триандофилиди. Сделал свою попытку перевода и я.

БУТЫЛКЕ ИСПАНСКОГО ВИНА

Бутыль моя, да ты неуждима!
Превыше партий, лозунгов, режимов,
Одна среди покойников жива.
Хранишь под пробкой неумных джиннов.
С их помощью все сразу достижимо,
Теплеет грудь, светлеет голова.
В груди растет зеленая трава.
А в голову сквозь стены и зажимы
Пролазит ненадолго идеал.

Но выпито вино, возникло утро,
За окнами невыносимо мутно
Торговцы, банки, черти правят бал.
Короче говоря, одно и то же...
Испанское не помогло. О, Боже,
Куда Ты, всемогущий, запропал?!

ИЗ «ЖЕСТОКИХ РАССКАЗОВ»

ПРИЗНАНИЕ

Ты все заставила забыть:
Леса, озера, неба прелесть,
Где, под безгрешным солнцем греясь,
Спасался я от бурь судьбы.

Меня качали ветер, холод
И беззащитность средь ветвей.

Теперь упал на землю желудь.
Ну подбери меня, согрей!

Я без сердечного покрыва,
Без ласки тихой пропаду.
Произнеси святое слово.
Не дай мне вновь залезть в беду.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я верил, ждал, но сон, растаяв,
Вернул на место все мечты.
Открылась истина простая,
Что я — мечтатель, лгунья — ты.

Не перемена у погоды —
Но потому, что зло не спит.
Таков, увы, закон природы,
Иллюзия безумцу мстит.

Я сока белены напился,
В забвенье впал и пробудился.
Дурным подставил грудь ветрам,
Забвение искал не там.

ПРОЩАНИЕ

Прощай. Я снова позван далью,
Чего бы от нее ни ждал.
Дурман под темною вуалью
Меня смутил, как идеал.

Дорожный посох ищут руки
Душа — исканий и причуд.
В твоих любовных снах и скуке
Забиться больше не хочу.

Вдыхаю океана запах,
Иные миражи в душе.
Меня в твоих кошачьих лапах
Тебе не удержать уже.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Я мнил: не буду поколеблен
В своем решении. И вот
Все тот же ветер старым пеплом
Лицо и душу обдает.

Соблазн, зачем тревожишь пылью
Тропинок, пройденных вчера?
Пытаюсь вновь расправить крылья,
Дорогу продолжать пора.

Но заворачивают сердце
И взор цветы былых могил.
От встречи никуда не деться.
Молчу. Всевышний, помоги!

СЮЛЛИ ПРЮДОМ
(Sully-Prudhomme)
(1839—1907)

Французский поэт и эссеист, член группы «Парнас». Сюлли Прюдом — частичный псевдоним Рене Франсуа Армана Прюдома.

Для поэта он прожил достаточно долгую и внешне комфортную жизнь, хотя во время франко-прусской войны призывался на военную службу. Первый сборник поэта «Стансы и поэмы», изданный в 1866 году, был встречен всеобщим одобрением, через двадцать лет поэт получил звание академика, а в 1901 году — Нобелевскую премию, кстати, первую в истории этого рода литературных наград. Акт вызвал всеобщее негодование мирового интеллигентского сообщества. Группа шведских писателей во главе

с Августом Стринбергом даже обратилась в Шведскую академию с официальным протестом, мотивируя свою акцию тем, что в мире есть писатели куда более крупного дарования, например, Лев Толстой. Протест выглядел тем более справедливо, что деньги основателя премии Альфреда Нобеля были заработаны главным образом на заводах России.

Конечно, протест во внимание принят не был, и Шведскую академию еще не однажды упрекали за малоудачные или политизированные кандидатуры номинантов на премию. Сегодня Сюлли Прюдона в мире помнят разве что историки литературы. И хотя как поэт он совсем не плох, но даже во французской поэзии отнюдь не принадлежит к разряду первых величин. Я перевел и поместил в сборнике его совсем недурные стихи главным образом для того, чтобы показать, что литературный успех — субстанция весьма причудливая: нередко он достается совсем не тем, кто его реально заслуживает.

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Та ваза была веером задета,
В ней трещина росла, вода текла
Подобьем бессознательного зла.
Все совершалось на глазах поэта.
С уходом влаги погибал цветок,
Своей цветочной кровью истекая.

Мне кажется порою, дорогая,
Что это и для нас с тобой урок.
Любовь незримо замыкает круг,
Беда крадется к сердцу незаметно.
Неловкое касанье милых рук —
И лава льется из вулкана Этна.
Сметаает все губительная страсть,
Которая в сердцах у нас таится.
Не дай огню сквозь трещину пролиться
И вазе сердца с алтаря упасть.

БУДЬ Я БОГ

Будь я Богом, смерть лишил бы силы,
Горе не пустил бы на порог,
Люди все бы сделались красивы,
Будь я Бог.
Будь я Богом, насадил бы рощи
И цветы вдоль всех земных дорог.
Сделал жизнь бесхитростней и проще,
Будь я Бог.
Будь я Богом, поменять бы кожи
И сердца всем грешникам помог.
Но тебя оставил бы такой же,
Будь я Бог.

ИДЕАЛ

Прозрачно небо. Велика луна.
Немало звезд над нами ярко светит.
Но самая святая не видна
Пока на нашей горестной планете.
Она блуждает где-то в небесах,
Себя иным пространствам отдавая.
И явится не на моих глазах —
Ликующая, нежная, живая.
Согреет всех она своим теплом
И принесет Земле великий праздник.
И ты, той жизни будущей участник,
Расскажешь о предчувствии моем.

РОСА

Как ты сумела, нежная роса,
Лечь на траву своим сияньем чистым?
Безоблачны над нами небеса
И нет дождей на горизонте мгlistом.

Как слезы вызрели в моих очах,
Когда в душе печали нет и тени?
Они в бессонных родились ночах,
Оттаяли, как льдинки сожалений.

Они возникли там, в предвечной мгле,
Как вечное для нас напоминая,
Что счастья не бывает без страданья.

И даже в дни веселья на земле
Текут из сердца на ресницы слезы.
Оно предчувствует дожди и грозы.

ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ

Здесь, на земле, цветы — лишь дети лета
И птицы, если мерзнут, не поют.
Но в сердце настоящего поэта
Весь год тепло и песенный салют.
Здесь, на земле, где всюду свет и тени,
Мир страстью и враждою ослеплен,
Но на душе поэта от рожденья
Навеки поцелуй запечатлен.
Здесь, на земле, людская дружба тленна
И у любви печален часто взгляд.
Но в сердце у поэта неизменно
Глаза, как две звезды, всегда горят.

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА
(José-Maria de Heredia)
(1842—1905)

Известный французский поэт, член Французской академии. Полный тезка знаменитого кубинского поэта и общественного деятеля Хосе-Мари Эредиа, которому приходится двоюродным братом. Француз, родившийся на Кубе, в девятилетнем возрасте уехавший во Францию.

Творческий путь Эредиа тесно связан с парнасской школой, поэт находился под сильным влиянием Леконта де Лиля. Знаменитый и единственный сборник сонетов Эредиа под названием «Трофеи» посвящен этому учителю. Темы сонетов традиционны для парнасцев: древность Рима и Греции, Средние века, Возрождение как некая антитеза совре-

менным европейским «варварам». Сонеты Эредиа отличаются высокая культура стиха, яркие краски и образность. В стихотворении «Прометей» Эредиа, принципиальный адепт «искусства для искусства», уже безо всяких аллюзий, открытым текстом высказывает, что думает о буржуазном обществе своего времени.

Стихи Эредиа неоднократно переводились на русский язык при жизни автора и в советское время. В 1896 году написал «Приветствие императору», посвященное Николаю II. Во время визита русского царя во Францию Эредиа публично прочитал стихи в присутствии царя и его супруги.

СМЕРТЬ ОРЛА

Орел поднялся вверх на снежные громады,
Туда, где небосвод прозрачен и широк,
Где тучи темные построились в армады
И молниями в них сверкает Бог.
Орел вдыхает огонь своей последней битвы,
Ликующий итог полетов и дорог.
Встречает наконец-то долгожданный срок
Произнести последние молитвы,
Когда он, молнией сраженный, упадет
В какое-нибудь мрачное ущелье,

Поставив точку в жизненном ученье
Мгновеньем дорогим. Да, счастлив тот,
Кто в битве умирает дерзновенно
Во славу неба, Бога и мгновенно.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Они вдвоем глядят с крутой горы
На спящий город в темной дельте Нила.
Судьба неумолимая хранила
Их грешную судьбу до сей поры.
Суровый римлянин вздремнул на этот раз,
Свой рот по-детски приоткрыл во мраке.
Не хочет думать о грядущей драке,
Разнежился в неподходящий час.
Над ним склонилась бледная царица.
Под светом звезд сближаются их лица
В неясном шепоте пророческой молвы,
Что все решится скоро, очень скоро —
В бою сойдутся грозные галеры
И два любовника лишатся головы.

ПРОМЕТЕЙ

Когда Титан, в святую ложь влюбленный,
Низвергнут был с высот по воле Высших Сил,
Он поднял к небу взгляд свой непреклонный
И ни одной слезинки не пролил.

Он ждал века, терпел и боль, и стыд,
Прикованный к скале гигант непокоренный.
Он верил: встанет вновь неутоленный,
И, обрета свободу, всех простит.
Терзают нас опять за милосердье к людям,
Но больше мы терпеть и ждать уже не будем,
Геракл к нам не придет, и боги не простят.
Они ушли с небес, оставив жажду мести,
И океан стыда взывает к нашей чести,
И вновь огни в глазах у нас блестят.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ
(Stéphane Mallarmé)
(1842—1898)

Знаменитый французский поэт, примыкавший сначала к «парнасцам» (печатался в альманахе «Современный Парнас»), а позднее стал одним из видных вождей символистов. Верлен включил его в число немногих авторов составленного им знаменитого сборника эссе «Проклятые поэты». В молодости отказался от гарантированной карьеры художника, поскольку знал, что будет поэтом, и всю жизнь зарабатывал на хлеб скромным трудом преподавателя английского языка, знание которого помогло ему переводить поэзию обожаемого им Эдгара По. Приобрел немалую известность в кругах «парнасцев», но затем разочаровался в этом направлении, примкнул к де-

кадентам и возглавил символическое направление. После ухода Верлена титул «принца поэтов» перешел к Малларме. Влияние этого литератора на последующую поэтическую Францию, вплоть до наших дней, огромно. Оно объясняется не только его плодотворным стилевым новаторством, но и философской позицией, близкой буддизму. Стефан Малларме также большой знаток поэзии Востока, в некоторых его стихах («Веер госпожи Малларме») любовная лирика поднята на космический уровень, как это делали поэты-суфии Ближнего Востока. Понять стихи этого французского лирика непросто даже французу из-за их смысловой сложности. В данном случае он близок раннему Пастернаку и, подобно русскому поэту, стремился к «неслыханной простоте».

А вот что пишет Малларме сам о себе: «Парнасцы трактуют свои системы наподобие старых философов и риториков, изображая вещи прямо. Я думаю, что нужно, напротив, чтобы был лишь намек. Созерцание вещей — песня, так как образ проистекает из грез, ими возбужденных. Парнасцы же берут вещь и показывают ее целиком, отчего им недостает тайны; они лишают дух восхитительной радости — сознания, что он творит. Назвать предмет — значит уничтожить три четверти наслаждения стихотворением, состоящего в счастье понемногу угадывать, — вот в чем мечта. В совершенном применении этой тайны и состоит символ: вызывать мало-помалу предмет, чтобы показать состояние души, или, наоборот, выбирать предмет и извлекать из него путем последовательных разгадок душевное состояние».

Впрочем, наряду со столь сложной поэтической метафизикой поздний Малларме по-библейски прост и по-французски ироничен. Подтверждение тому — последние стихи подборки.

ЛЕБЕДЬ

Могуч и нежен, девственно красив,
Живет мечтой, она его тревожит,
Он разорвать оков своих не может,
Страдает, но угрюмо молчалив.

Истерзано его больное сердце,
Не может песни лебединой спеть.
Не свил гнезда, где можно обогреться,
И в небо не позволено взлететь.

К озерным льдам душа его примерзла.
Не приняла толпа его ремесла.
Недвижной оказалась красота.

Он скован тяжестью земного пребывания,
Где людям не нужны святые упования.
Глядит с презрением на мир его мечта.

ЗВОНАРЬ

Безлюдье. Утро. Холодно и сонно.
Ребенок сладко молится во сне.
Но вот поплыли колокола звоны
И аромат лаванды в тишине.

Звонарь один, один во всей пустыне.
Ему внимают лишь поля да лес.
Свои псалмы бормочет на латыни,
Но сам не слышит голоса Небес.

Однажды (так цыганка нагадала)
Я в поисках святого идеала,
В неуходящей боли и тоске

Развею эту утреннюю свежесть.
Отчаявшись найти себя, повешусь.
На чем?
На колокольном языке.

ВЕЕР ГОСПОЖИ МАЛЛАРМЕ

Веер ваш расправил крылья,
Их сложил, овеяв грудь.
Взмахи веера открыли
К вдохновенью верный путь.

Он в душе перемещает
Настроенья и миры.

Грусть уносит, обещает
Музы светлые дары.

Разгоняет сумрак в небе,
Свет приносит на земле.
Что еще? Сжигает в пепел
Все случайное во мне.

Словом, машет, дышит, лечит...
Иногда меня калечит.

Закрыл я древний том, полузакрыл глаза —
И грезы унесли меня к руинам храма
Уснувшей Афродиты. Обнажилась яма
Между мечтой и жизнью. И слеза

Скользнула по щеке моей упрямо.
Нет, в Греции не жизнь, я не хочу назад.
Мне дорог мой, пустой сегодня сад,
И обнажилась дремлющая рана.

Чего ищу я, в этом мире нет.
Не встречу я своих фантазий след
Ни в этом мире, ни в ушедших, тонких.

Из памяти души (или из древних книг?)
Меня зовет великолепный лик
Отвергнувшей мужчину амазонки.

ЭПИТАФИИ

Эдгару По

Лишь после гибели его раскрылась суть:
Поэт, поднявший меч над торжищем эпохи,
Заставил век свой слушать ангельские вздохи
И в дьявольское зеркало взглянуть.
Его к рабочему столу послали боги
В чернила первозданность окунуть.
Но критики сумели все перевернуть:
«Он спиртом замутил поэзии пороги!»
О, небо и земля, всегда вы во вражде!
Достойный барельеф на гробовой плите
Не захотели вырезать потомки.
Зато молве о нем — неправде и хуле —
Всевышний очертил пределы на земле
И прах зарыл от пошлости в потемки.

Шарлю Бодлеру

Храм погребен, но до сих пор Анубис
Свирепым лаем, как потоком нечистот,
Глядишь, поэта временами обольет,
Перед величьем смерти не потупясь.
Чего только толпа на гроб ему не шлет!
Свою к его душе примешивает тупость,
И сладострастье низкое, и грубость,
И красным газовым рожком заканчивает счет...
Все это отметут небесные сады,
Украсят лик его венками красоты,

У ног его насадят роз шпалеры.
А значит, и земля отвергнет сплетен рать,
Не даст ничтожной лжи злоречьем замарать
Небесное надгробие Бодлера.

Полю Верлену

Толпа напрасно плачет и злословит.
И ветры запоздалого тепла,
И злобная холодная хула
Валун, катящийся с горы, не остановят.
Куда рулил, в какие бездны зла —
Нам не понять, не станем хмурить брови,
Какой ценой, какой потерей крови
Он сеял нежность — вот его дела.
Загадка для поэта-шалуна
Нескладная фортуна шатуна —
Наивного до детскости Верлена,
Как он, живя в своем хмельном аду,
В бессмертие ушел у века на виду,
От пьяного освободившись плена.

СЛЕЗЫ

Поплакать дайте мне, лесному шуму вторя,
Вдали от шума толп, вдали от пенья птиц.
О ком или о чем? О том, что волны моря
Уносят все в туман, скрывая волны лиц?
А может, о себе? Я мертв, мой ангел милый,

Душа моя давно от жизни в стороне.
И сердцу биться в грудь уж не хватает силы.
Я все утратил, все... Поплакать дайте мне.

Наскучили мне думы Гераклита,
Увядавшие цветы, надгробные кресты,
Печали из-под мраморной плиты
И надписи печальные на плитах.
Еще не время музе в монастырь
Молиться об ушедших и забытых.
Всем этим нахлебался я досыта.
Окину взглядом жизненный пустырь
В его разнообразном океане.
Я сил отдал немало покаянью.
Надеюсь, Бог за то меня простит.
Как и за стихотворное кропанье,
За слезное в душе самокопанье.
И верю, что со мною шпагу Пан скрестит.

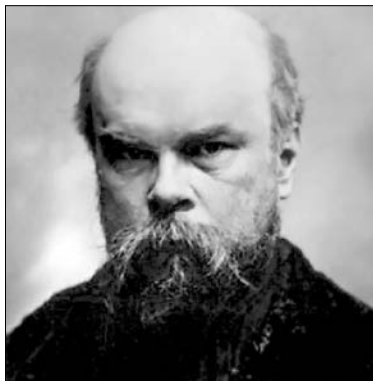

СТИХИ О РАЗНЫХ ВКУСАХ

Мальчишкой будучи, я был по духу классик,
Над собственной глупостью не властен.
Ячменный сахар чтил и вкупе с ним Расина
(в чем больше пошлости не слишком отличал),
Мне возражавших страстно обличал.
Короче, был зануда и разиня.

И если за окном чирикал воробей,
Ничуть не понимал (хоть обухом убей)
Его сегодня для меня чудесных песен,
Ведь был воробушек для мэтров неизвестен.
Цветистость? О, я был ее знаток.
Искусственным цветам поэзии парнасской
Поклоны отбивал, как будто в них сам Бог
Скрывал себя за многоцветной маской.
Железный петушок на крыше среди мха
Был мне милей живого петуха.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН
(Paul Marie Verlaine)
(1844—1896)

Великий французский поэт, тончайший лирик, одна из вершин поэзии Франции, если не самая крупная, на мой взгляд. Стихи будущий гений начал писать с 14 лет, первые его опыты были благосклонно приняты Виктором Гюго. Получив образование бакалавра словесности, Верлен пробует сделать буржуазную карьеру, учится в Школе права, рассчитывает сдать экзамен на место в Министерстве финансов, работает экспедитором в парижской мэрии. Но поэтический «даймоний» явно побеждает, и молодой поэт с головой уходит в литературу. Он посещает различные литературные салоны, по молодости тяготеет к «парнасцам», постепенно входит в круг

лучших поэтов Франции, много работает, чередуя творческие вдохновения с бурной богемной жизнью. В этой феерической жизни были и обильные алкогольные возлияния, перемежавшиеся с приемом наркотиков, и многочисленные романы, и частые публичные скандалы. Но были также короткая военная служба во время франко-прусской войны, когда Верлен записался добровольцем в национальную гвардию, и даже участие, хотя не слишком активное, в Парижской коммуне.

Весьма сложными оказались семейные отношения поэта с матерью и женой. Они закончились скандалом и разрывом. Два года Верлен находился в скитаниях и в нетрадиционных отношениях с другим поэтом — Артюром Рембо. И эти отношения имели скандальный конец, за которым последовало глубокое религиозное покаяние, нашедшее яркое проявление в жизни и творчестве уже знаменитого литератора. Тем не менее желтая пресса, да и ряд почтенных французских филологов, словно «подначивая» стареющего поэта, публиковали статьи, где всюду расхваливали его стихи «нетрадиционного» периода и упрекали за «тускнеющий талант» во время его прихода к католицизму. Между тем гений Верлена никогда не тускнел, стихи позднего периода по-прежнему свежи, мощны и предельно искренни. В творчестве французского поэта нетрадиционные отношения также не нашли никакого отражения. Скорее всего, они совершались в состоянии безумного алкогольного опьянения, ведь оба, и Верлен, и Рембо, пили неразведенный абсент крепостью до

восьмидесяти градусов. То есть полынную настойку, содержащую туйон — признанный наркотик. Однажды после подобного возлияния Верлен едва не пристрелил Рембо, за что на два года угодил в тюрьму. После этого друзья расстались как друг с другом, так и со своими грехами юности, а Рембо после написания поэмы «Пьяный корабль» — и с литературой.

Но настоящей религией, которой следовал Верлен всю жизнь, была религия красоты. Как мастер музыки стиха он не превзойден никем из поэтов Франции. Иногда критики говорят, что он первый в европейской поэзии полностью отворил дверь из мира реального в мир субъективный. Близкая к импрессионизму в живописи, поэзия Верлена передает и звучание музыки, и полутона цвета, и воспринимается как совершенно необычный вид словесного творчества, завораживающего своим очарованием и мощью.

Его «Осеннюю песню» пробовали переводить многие из наших мастеров Серебряного века, но равного созвучия не добился никто. И дело не только в степени таланта. Верлен мастерски использовал наличие в родном языке носовых (сонорных) гласных, а недостаток французской речи — фиксированное ударение на последнем слоге каждого слова — обратил в преимущество: меняя метр стихосложения, вводя, где нужно, звук «э», добился особой, неповторимой мелодичности. Мои переводы Верлена страдают тем же недостатком: лишь приблизительно передают тончайшую музыку его музы. В «Осенней песне», например, у французского поэта все — стон,

у меня — свист и шуршание, у Верлена осень звучит в душе, у меня — в ушах и под ногами...

Несмотря на богемную жизнь, Верлен был очень плодовит: перу великого поэта принадлежит около тысячи прекрасных стихотворений, тематически очень разных. Наиболее известные сборники его стихов — «Сатурналии» (1866), «Галантные празднества» (1869), «Романсы без слов» (1874), «Мудрость» (1881). Книга литературно-критических статей «Проклятые поэты» (1884), содержащая, кроме статей, стихи Верлена. И наконец, сборник стихотворений «Сокровенные обедни» (1892), посвященный памяти Бодлера, оказавшего на Верлена сильнейшее влияние, принято относить к так называемым католическим стихам. Помимо стихов Верлен писал литературно-критические статьи, прозаические миниатюры («проза воображения») и мемуарную прозу: «Мои больницы» (1891), «Мои тюрьмы» (1893), «Исповедь» (1894).

К концу жизни Верлен начал получать признание не только в масштабах страны, но и в ряде стран Европы, в России. Его приглашают с лекциями в Бельгию, Голландию, Англию. В 1896 году в возрасте 52 лет Поль Верлен умер. Поэт оказал огромное влияние на мировую и русскую поэзию, особенно на авторов Серебряного века. Его стихи переводили Брюсов, Сологуб, Анненский, Эфрон, Шенгели.

В подборке Верлена хочу обратить внимание на два стихотворения: «На смерть Люсьена Летинуа» и «Стихи, за которые буду оклеветан». Оба посвящены памяти юноши, которого поэт взял под свою опеку после разрыва с Артюром Рембо. Он вытащил из

глубокой провинции всю семью Люсьена, купил для нее под Парижем ферму, а самого юношу определил в военное училище.

Почему поэт поступил так, во многом объясняет и предшествовавший поступок Верлена, вызвавшего из провинции Рембо и продвинувшего его в литературные круги. Объясняет сердечную суть французского поэта также стихотворение «Маньяк любви». При переводе этого стихотворения к эпитету «безвольный» я добавил «мятущийся», потому что биографы, используя самооговор поэта, слишком часто подчеркивают его анархистское безрассудство. Но Верлен был способен на решительные поступки и в жизни, и в творчестве.

Люсьен Летинуа умер слишком рано, не успев осуществить надежды своего опекуна. Однако сплетни об их «истинных отношениях» поползли еще при жизни обоих, так что своими стихами памяти юноши Поль Верлен хотел восстановить правду: никакой грязи в отношениях не было. Но кто ему верил... Всякого рода «версии» бродят в литературоведении и поныне.

ЖЕНЩИНА И КОШКА

Весь вечер с кошкою она
Вела игру, где страсть дышала.
И будуарная стена
Бесстрастно тени отражала.

Вот шлет угрозу среди забав,
Нацелив пальчики шальные,
А кошка коготки стальные
Вобрала, на спине упав.
Увлечены игрою обе,
Забыв о тьме, о лжи, о злобе.
Зато серьезен Сатана,
Всем нашим играм потакая,
Глядят в пространство, не мигая,
Четыре фосфорных пятна.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Последний звон,
Как всхлип, как стон,
Рождает лира.
Гляжу в окно,
Но там темно,
Темно и сыро.
В моей душе
Давно уже
Развеял ветер
Явь и мечты.
Они почти
Душе не светят.
Я выхожу,
В лесу брожу —
Ни троп, ни птицы...
Лес пуст и мглист.
Последний лист
Куда-то мчится.

САВИТРИ*

Три дня, три ночи, не сомкнув ресницы,
Она молилась умершему мужу.
И Чандре самому пришлось смириться —
Ей уступить отмоленную душу.
И Сурья душу озарил лучами,
И встрепенулась замершая Муза,
И ангельские песни зазвучали
В честь двух сердец бессмертного союза.
Пусть так и мы останемся верны
Мечтам, твореньям, помыслам высоким,
Когда наступят сужденные сроки
Нам отойти в чертоги тишины.

НИКОГДА

Ах, память, о минувшем не кричи.
Июнь ушел, сентябрь стучится в ставни.
Все сдержанней любви последние лучи,
Сменившие восторг ее недавний.
С деревьев падают увядшие листья,
Уносит их куда-то бриз колючий.
Ко мне однажды обратилась ты:
«Скажи, какой из дней у нас был лучший?»
То ангел сквозь уста твои спросил,
Хранивший наш союз по мере сил.

* Савитри — в ведической мифологии дочь Сурьи (солнца), идеал преданной жены, которая сумела вернуть своего мужа Сатьявана из царства мертвых.

Я, помню, тебе холодно ответил:
«Тот день, что не вернется никогда,
Тот день, когда ты мне шепнула «да» —
Его унес потом страстей осенний ветер».

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОН КИХОТУ

О, Дон Кихот, прекрасных грез слуга!
Твоя кончина — горе для живущих
Под жерновами мельниц всемогущих.
Нам без тебя не одолеть врага.
Проснись, воскресни! Подтяни седло,
Надень доспехов призрачное бремя —
Вновь подними копье на мировое зло.
Вдохни надежду в нас и в наше время!
Мы за тобой пойдем, мечтатель и певец.
Она осуществится наконец
Когда-нибудь, мы свято в это верим,
Твоя великолепная мечта.
И мельницы исчезнут навсегда,
Бессмертие откроет людям двери.

СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Мне душу странный сон измучил,
Я вижу женщину, она
Подобна в небе светлой туче —
Легка, изменчива, нежна.
Ей все в душе моей понятно:
И жду чего, и чем томим.
Своим явлением одним

Во мне тоски смывает пятна.
Не знаю, как зовут ее,
Откуда родом, где жильё.
Но лик из хорошо знакомых.
Не помню только, встретил где
И наяву или в мечте?..
Ах, вспомнил: видел на иконах.

МАНЬЯК ЛЮБВИ

Любви безвольный и мятущийся маньяк:
Куда бы зов ее ни призывал меня,
В обличье женском или в лике силы
Мужской, — я сразу мчусь на луч опасно милый.
Еще призыв не отшумел в душе,
А маньяку томительно уже.
Синица поймана, когда же крылья сложит,
Он грустно улетает, он не может
Мечту свою насытить, и она
Опять в плену томительного сна.
Да, вновь мечта владеет сумасбродом,
Теперь он мнит себя отважным мореходом.
Плывет на парусах среди штормов и гроз
К земле обетованной тайных грез.
Доплыл до мыса голого, там бродит,
Ни дерева, ни травки не находит,
Тем более, конечно, ни души. Куда же плыть?
Ему ведь надобно кого-нибудь любить.
Он ждет, он долго ждет, быть может, в море

Возникнет парус, он судьбу об этом молит.
Но молчалива океанская вода.
И парусом приходит лишь беда.
О, памятные призраки столетий!
Одни лишь вы мне дороги на свете,
О вас лишь думаю и с вами говорю,
Встречая, может быть, последнюю зарю.
И с вами же засну, чтоб снова пробудиться
Любви маньяком...

СЫНУ

Пишу тебе, как некогда писал Овидий,
И шлю стихи, как в Рим когда-то он.
Он сослан был, властями ненавидим:
И я с тобой насильно разлучен.
Увидимся ль когда-нибудь, не знаю.
Прими же мой отеческий завет:
Люби людей, держись за чести знамя,
Верь в Бога и в Его пречистый Свет.

НА СМЕРТЬ ЛЮСЬЕНА ЛЕТИНУА

Я думал, следуя за черным катафалком:
«Бог взял тебя к Себе не старцем жалким,
Но юным, распустившимся цветком.
Ни с болью, ни с грехом ты не бывал знаком
И в женщину еще не смог влюбиться,
И, мучаясь, в ее объятьях биться.
Ты не сумел познать благоговейный стыд,
И к Добродетели прийти, и чувствами остыть.

И, страсти укротив, судьбу свою спасти,
И лилией прекрасной снова расцвести
Во славу Божества... Так думал я, и было
Об этом непривычно думать над могилой.

СТИХИ, ЗА КОТОРЫЕ БУДУ ОКЛЕВЕТАН

Склонился я над спящей головою
И вслушивался в твой последний сон.
И мне почудился какой-то странный звон —
Звон тишины, что нет тебя со мною.
Зачем тебя моей тревожить раной?
Как ландышу, тебе положено цвести.
О чем я говорю, прости меня, прости.
Поспи, тревожить я тебя не стану.
Любовь земная слишком коротка.
Мгновенно рвется нить житейского витка.
Мне жажда райской встречи губы сушит.
В твоей улыбке смертной тайна спит.
Неужто там, за гробом, жизнь нам мстит?
Молю, проснись! Там живы наши души?

ЖЕНЩИНЕ

Сроднится ли стихам моим и мне
С глазами милыми, с их красотой чудной.
Готов сложить все чувства, все дары
К ногам твоим, терпеть судьбы удары.

Но возникают вновь в душе кошмары,
Я чую, сатанинские миры
Меня зовут. Я жалок, Боже мой!
Но жалобы мои напрасны пред тобой.
Как предков плач был тщетен безутешный,
Когда простер Творец над парой грешной
Свой гнев. Но, Боже, Боже, все твои грехи
В сравнении с моими — всплеск реки!..

ВЗДОХ

Лик чистоты, и вся душа в тумане...
О, женщина! В тебе переплелось
Ликующее солнце с морем слез,
Доверчивость с капризами желаний,

Бесстрашие и трепет дикой лани.
...Не выдержали души наши гроз.
В моей теперь господствует мороз
И мгла холодных разочарований.

Приходит наконец осенняя пора,
Когда не радуется любовная игра,
Избытком сил природа не балует.

О, женщина! О, мой восторг и стон!
Я для нее давно — сосуд пустой.
Она, как мать, лишь в лоб меня целует.

МОИМ КРИТИКАМ

(Самооправдание)

Дурная жертва собственных затей,
Для многих я бродяга и злодей.
Другие говорят: чудак опасный,
А третьи — что поэт прекрасный.
За что такая разница в молве?
Имею трость, цилиндр на голове.
Конечно, выдержки порою не хватает,
Возможно, потому толпа меня ругает.

Для сердца моего молва — не пустяки,
Страданья от нее мучительно горьки.
Ведь я всю жизнь мечтаю жить пристойно,
Не шляться по сомнительным застольям.
Но каждый раз, увы, случалось так,
Что был пристанищем мечтателю кабак.
Я каялся, казнил себя. И что же
В итоге выходило? Да все то же.

Ах, критики, судьба такая у меня.
Быть может, самолюбие дразня,
Вы скажете: он — недоступный идол
Из мрамора.
Но прост душой и видом
Мой образ. А когда пишу, не лгу,
Обманывать я просто не могу.
Наоборот, запоями и музой
Эпохи лживой рвал тугие узы.

С души спадет, надеюсь, скоро плоть,
И позовет меня к себе Господь.
Трудясь, в порывах творческих, страдая,
Наверно, заслужил обещанного рая.
Не нужно колких слов и надо мной потех.
Я, право, лучше очень многих тех,
Кто столь придирчиво поэта судит ныне,
Прости, о Боже, грешника в пустыне!

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Лишь музыка — первооснова муз,
В стихах заключена стихия звука,
Звонящих слов причудливый союз —
Завещанная издревле наука.
В науке той нередко голова
Вступает в спор с душою, приглашая
Поэта так соединять слова,
Чтоб несказанным все они дышали.
Бывает день и скучен, и тягуч,
Когда затянут облачную пеной.
Ночные звезды, избегая туч,
Мерцают сверху тайной неизменной.
Бесформенным пятном плывет луна,
В объятьях облаков едва приметна.
В стихе должны сиять полутона
Куда определеннее предмета.
Сильней земли нас манят небеса
И то, что скрыто за туманной далью.

Неотразимы женские глаза,
Когда прикрыты темною вуалью.
Но пусть в твоём сонете светотень
Не будет сонной, вялой, худосочной.
Пошли рифмованную дребедень
Ко всем чертям, к похлебке их чесночной.
Красивость на бумаге изорви,
А пошлость молча обойди при встрече.
Гармонию настойчиво зови,
Сумей найти ее в противоречье.
Еще запомни навсегда: бурьян
Прекрасней, чем садовая культура.
И повторюсь: кто музыкую пьян,
Лишь тот Поэт! Иной — литература.

Когда-то и я, воодушевленный призывом Верлена слушать божественную музыку и вносить ее в свое творчество, написал стихотворение, призванное приободрить себя и коллег по цеху, которых власти исключили из реестра профессий, существующих в государстве, и перевели в разряд неформалов.

МАРШ ГРАФОМАНОВ

*В лунки благополучия,
На перегной пустяков
Смело садите колючие
Саженцы ваших стихов.
Самое чахлое дерево*

*В знойный пустынный день
Бросит на дюнах безверия
Где-то кому-нибудь тень.
Может сгодиться истине
Даже фанера мечей
У трубачей бескорыстия,
Муз и судьбы слушачей.
Очень давно заповедано
Землю спасти красотой.
Не поступитесь победою
Сужденной, вашей, святой.
Ведь по законам мужества
Зреет свободою плен.
Музыки, Музыки, музыки! —
Как говорил Верлен.*

ТРИСТАН КОРБЬЕР
(Tristan Corbière)
(1845—1875)

Литератор, включенный Верленом в ставший знаменитым сборник «Проклятые поэты». «Проклятые», в верленовском понимании, значит неприкаянные, отвергнутые обществом и благополучной судьбой. В этом смысле генетические данные и здоровье слишком очевидно определили творческую судьбу Корбьера, чтобы на этом не остановиться. Он был сыном другого довольно известного французского писателя — Жана Корбьера, в прошлом капитана дальнего плавания, человека бесстрашного, романтика, авантюриста и вольтерьянца, побывавшего в различных опасных переделках, в том числе отсидевшего в тюрьме. В возрасте 50 лет Жан Корбьер женился на семнадцати-

летней девушке. Плодом брака оказался будущий знаменитый поэт, появившийся на свет с врожденным ревматизмом, позднее осложненным чахоткой. В 14 лет Эдуард Корбьер, позднее он взял имя Тристан (это имя героя средневековых рыцарских романов), уже не смог посещать школу, вынужден был вести уединенный образ жизни, заниматься самообразованием.

Корбьер был, по собственному признанию, чрезвычайно худ, некрасив, ни на что не годен и чрезвычайно амбициозен. Жители небольшого городка на берегу моря, где он жил, дали похожему на призрак долговязому юнцу прозвище, нечто вроде нашего выражения «чума болотная».

Но поэтический талант и высокая душа позволили Тристану Корбьеру влюбляться, даже заводить романы с молодыми красивыми женщинами. Понятно, что при его маломощном здоровье все связи заканчивались крахом. Своей единственной книге тонких, душевных, ироничных стихов, выпущенной на средства отца, поэт дал печальное название «Кривое зеркало». Но названного так сборника оказалось достаточно, чтобы встать в один ряд с самыми знаменитыми поэтами Франции.

ПОВЕЗЛО

По городу брожу, булыжники топча,
Недели, месяцы, теперь уже годами.
Надеюсь, в голову придет какой-то даме
Коснуться зонтиком вдруг моего плеча.

Я принимаю рыцарские позы,
Я воскрешаю пламенные грезы...
Бульвары исходив и вдоль, и поперек,
Однажды все-таки я случай подстерег.
— Да ну?
— Представь, столкнулся с этой самой...
— Но с кем же?
— С ней, с моей прекрасной дамой.
— И что?
— Встал в позу,
А она, взглянув на старый фрак
И зонтик придержав, мне протянула франк.

БЕДНЯГА

Он что-то сочинял, меня любил при этом.
Читал, бывало, вслух свой вдохновенный вздор,
Что ищет идеал. Терзался глупым бредом.
Ему бы поискать нелишний луидор.
Но он презренье полное питал к монетам.
С ним ничего поделать не могла.
Дразнила, упрекала, берегла.
Мешок хлопот — сожительство с поэтом.
Мне сообщили, умер бедный малый,
Венок заполучив к могиле запоздалый.
Беднягу хороня, чего не наплели.
Кто говорил: хватил вина излишек,
Кто — мол, Тристан скончался от картишек...
Но без меня он оказался на мели.

ВЕНОК ИСКУССТВА

Такой сонет воспели бы ваганты,
А ты его порвал и в печке сжег!
Тебя попутал бес, наверное, рогатый?
— Скорее, надоумил мудрый Бог.
Ношу я миллион сонетов в бутоньерке.
Любой из них — цветок для глаз толпы.
Но все, что мною не заточено до мерки,
Приходится отсесть. Таков закон судьбы.
— Цветочка жаль.
— Мне, право, не до шуток.
Любви убитой запах нехорош,
Как шкаф, где пахнет тленом незабудок.
Так пусть ослы режут в тоске по сену,
Споем хвалу судьбе и новому посеву,
А в океан любви безмолвно бросим грош.

ПРОСТИ-ПРОЩАЙ

Вернетесь вы ко мне, моя сорока,
Увы, лишь после обозначенного срока.
Посветит вам звезда, что в небо отошла,
В осколке вами же разбитого стекла.
А встретит на пороге хладный призрак
Того, кто вами в жизни был не признан.
И вы теперь мне — только отблеск той,
Кому молился я в одежде и нагой.
Мы богом и богиней быть могли.

Вы наш союз на гибель обрели.
Застонете — но бесполезны стоны.
Оплачете мой за три франка гроб,
Над ним склоните безутешный лоб,
Но я уже не в нем, и ваши зря поклоны...

ПАРИЖ

Ну что ж, сыграем в подкидного,
Налей мне, бес, вина в стакан.
И дай возможность с кровью слово
В бумагу сплунуть, жив пока.
Жизнь — невысокая цена,
Чтоб заплатить за чей-то промах...
Есть наконец рецепт знакомый:
Стакан до дна — и допьяна!..
А к окончанию застолья
Решенье самое простое:
Достать из шкафа пистолет —
И разом кончить список бед.
Но подождем без сожаленья
Судьбы такого же решенья...

ЮНГА

— Родитель твой моряк, выходит?
— Был. Утонул не так давно.
Плыл в море при дурной погоде.
Штормило. Он пошел на дно.
Теперь мы с матерью на берег
Приходим, ждем, а вдруг прибой

Подкинет что-то. Мать-то верит.

— Дождались?

— Ну, само собой.

Прибило трубку с бескозыркой.

— И как живете?

— С вечной дыркой.

— Ну что же, штопай свой чулок.

— Нельзя иначе, нас немало,

Я старший нашего причала.

— А море?

— Поджидаю срок...

ЦВЕТОК

Больной цветок получит снова стать

На чьем-то тлене, например, на тыкве.

Смерть не страшит цветы, они привыкли

На чем угодно снова расцветать.

Цветка не огорчит надменный взор

Какого-нибудь толстого арбуза.

Цветку его раздувшееся пузо —

Лишь удобренье и не лучшее из зол.

Он изучает время не по чину.

Чиновную не терпит мертвечину.

На мир глядит с высоких облаков.

Но здесь уже иной касаюсь темы.

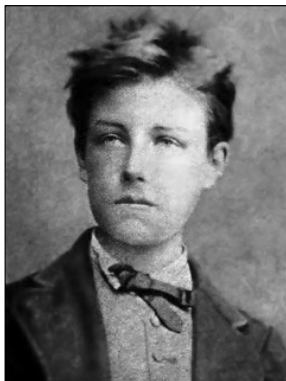
Ведь на земле дурной росток богемы

На небе — первое растение богов.

ЖАБА

Звук, как загробный чей-то глас,
Раздастся вдруг в полночный час,
Ужасный звук в сиянье лунном.
— Сюда, я здесь, в густой воде,
В своей безвыходной беде...
Звук, будто острый нож по струнам.
— Похоже, жаба. Странный звук.
Какой-то ужас в нем животный.
То тешится певец болотный.
Как напугал он песней вдруг!
— Постой, я вижу соловья,
Вон он сидит в холодной луже.
Не мог найти местечка хуже...
Прости, читатель, это — я.

АРТИОР РЕМБО
(Jean Nicolas Arthur Rimbaud)
(1854—1891)

Гениальный французский поэт, один из основоположников символизма, яркий представитель группы так называемых «проклятых поэтов». Его уникальность в том, что основные свои поэтические шедевры он создал в исключительно молодом возрасте — до 22 лет. Рембо отличался буйным нравом и неумеренной энергией, очень рано начал писать стихи, причем сразу на очень высоком уровне. В возрасте 17 лет приезжает в Париж, знакомится с Верленом, на какое-то время становится его близким другом, причем вступает с ним в нетрадиционные отношения, посещает различные литературные кружки, ведет богемную жизнь, полную скандалов и эксцентричных выходок,

принимает участие в восстании Парижской коммуны. Путешествует по Европе вместе с Верленом и после ссоры с ним, закончившейся двухлетним тюремным заключением для последнего, навсегда расстается со своим другом. При жизни Рембо почти не печатали, а после расставания с Верленом поэт расстался с большой литературой. После всех бурных перипетий своей предыдущей жизни реализовал мечту — написал поэму, в которой сравнил себя с пьяным кораблем и поставил крест на грехах юности. Порвал с богемой, литературой, никогда не возвращался к последней, несмотря на растущую славу.

Поведение Рембо тогда, да и сейчас является загадкой, ведь знатоки уже при жизни называли его гением планетарного уровня, что подтвердили и последующие ценители поэзии во всем мире. Между тем признание и литературная слава молодого Рембо мало интересовали. Чего он добивался, поэт сам изложил в поэме «Пьяный корабль», произведении, которое до сих пор во многом остается неразгаданным ребусом для переводчиков и комментаторов. Сделал попытку перевода наряду с Павлом Антокольским, Леонидом Мартыновым, Иосифом Бродским, другими поэтами и автор этих строк, мой перевод «Пьяного корабля» публикуется ниже.

Я убежден: своей поэмой «Пьяный корабль» Рембо дал не только поэтическую оценку личным «прошлым грехам», но и провидел последующее двадцатилетие собственной жизни. Я поставил выражение «прошлые грехи» в кавычки потому, что большинство из них еще предстояло совершить. Никогда не

бывавший в своем бродяжничестве дальше Лондона, скитавшийся главным образом по штормовым морям парижской литературной богемы, он решил попробовать себя в ином качестве, в том, с чего начинается «Пьяный корабль»: отправился по торговым делам, правда, не в Южную Америку, а в Африку. Как точно определил в своем предисловии к книге Жан-Батиста Бароняна «Артюре Рембо» исследователь его творчества Владислав Зайцев: «Рембо-поэт внезапно кончился, но Рембо-странник продолжил свои перемещения по земле». Слишком распирала его неуемная энергия. «Пьяный корабль» попробовал делать то, что считал невозможным в поэме, — «плыть среди купцов», хотя и не в «тени казенного штандарта». Рембо занялся, как принято говорить теперь, бизнесом, причем весьма рискованным: пытался полулегально торговать оружием, хотя делал это, как свойственно поэту, неудачно, служил коммивояжером в торговой фирме, представлявшей интересы французов в Африке.

Его дальнейшую судьбу я бы определил словами Хемингуэя — как «победу в поражении». В новой жизни Артюра Рембо были женщины, опасные приключения, освоение новых областей знания. Несмотря на неудачи, он вновь и вновь стремился дальше на Восток, причем новая действительность увлекла его настолько, что он в разговорах категорически отказывался даже на минуту возвращаться к темам поэтического прошлого. В сохранившейся рукописи «Одного лета в аду» (о совместных скитаниях с Верленом) поэт пишет: «Я ненавижу теперь мистические порывы и

стилистические выверты. Теперь я могу сказать, что искусство — это глупая выдумка...»

В последние годы, после не очень удачной попытки торговать оружием, он занялся изучением этнографии и географии Востока, в частности, Эфиопии, где, как писал В. Зайцев, «знакомился с местными наречиями, верованиями, обычаями, обрядами, материальной культурой, изучал флору и фауну». Причем подходил к делу столь же серьезно и основательно, как во время своих занятий поэзией, использовал новейшие технические средства того времени, включая фотографию. Он даже отправлял в Парижское географическое общество научные отчеты и начал публиковать статьи, сохранившие печать его блестящего литературного стиля.

Биографы сообщают, что он привез в зашитом кожаном поясе сорок тысяч экю золотом — немалые по тем временам деньги, добытые ценой тяжких усилий и... саркомы. В марсельской больнице Рембо отрезали ногу, и он умер в больнице в роковом для людей искусства возрасте — 37 лет, на заре своего мирового триумфа.

Таким образом, сбылось его последнее пророчество: «пьяный корабль» пошел ко дну в «европейской луже», где когда-то молодой поэт пускал на воду литературные бумажные кораблики и куда вынужден был причалить в конце своей бурной жизни.

Лев Толстой тоже, но только будучи намного старше Рембо, поставил крест на всем написанном прежде, принялся тачать сапоги и сочинять сказки для крестьянских детей. Ему же принадлежит идея об

«энергии заблуждения». Заблуждение может быть великим, если человек в него верит искренне, и Бог может снабдить искренне заблуждающегося человека великой энергией. Как Он снабдил ею Артюра Рембо, ощутившего в себе всемогущество и уверовавшего, что оно освобождает его от морали и ответственности. Вот отрывки из прозаической исповеди Артюра Рембо: «Я пробовал изобрести новые цветы, новые звезды, новые виды плоти, новые языки. Я поверил, что обладаю сверхъестественным могуществом. И что же!.. Я! Я, который счел себя магом или ангелом, освобожденным от всякой морали, я снова брошен на землю с обязанностью искать работу, обнять грубую действительность!»

Обратим внимание на интуитивную веру великого поэта в многообразие форм жизни, в ее неединственность. Если довести его предчувствия до уровня сакрального знания и принять популярную на Востоке доктрину реинкарнаций, то, с точки зрения такой логики, Рембо — это воплощение какого-то величайшего духа из прошлого (не мог такой гений появиться из ничего), ангела поэзии, сошедшего с небес на землю, но не выдержавшего земной экзамен. А нам он ярко показал своим примером, что на путях безбожия (а он был безбожником радикальным, воинствующим), на путях греха даже у величайшего гения будущего нет. Но остается опыт, гениальный опыт «энергии заблуждения».

Что же в сухом остатке? Полный крах! Но ведь остались отвергнутые поэтом собственные стихи и мировая слава. И если верить в бесконечность жизни,

как это делают на Востоке, куда всеми силами рвался Рембо, перспектива родиться вновь — как новый гений, поставивший крест на прошлых заблуждениях. Как же будет на самом деле, мы не знаем, это великая загадка, к постижению которой я в меру своего понимания и сил пытался приблизиться своими мыслями и прежде всего переводами стихотворений гениального юноши.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Пора! Мою свободу стерегут.
Уйду от сторожей, покину дом однажды.
Коснется ветер воспаленных губ,
Почуяв жар неутоленной жажды.
Любовь костер зажжет в моей груди.
Пойду сквозь знойный полдень и ненастье,
Цыган без табора, в родных полях один,
Как с женщиной, найду с природой счастье.

УСНУВШИЙ

Ручей среди травы струится незаметный,
Взлохмаченный тростник весь инеем одет.
И солнце из-за гор лучом своим рассветным
Природу серебрит и странный силуэт.
Там юноша-солдат лежит простоволосый,
Глаза его открыты, подернут дымкой взгляд,

Над головой о чем-то листья шелестят,
Когда деревья заплетают косы.
Поспи, дитя войны. Да будет сон твой ровным,
Лицо — улыбчивым, дыхание — безмолвным.
Природа, охраняй его последний сон
И напои цветочным ароматом,
Блаженство подари убитому солдату,
Тебе одной себя доверил он.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Нас было двое. Третий — лишний.
Но к нам нескромно со двора
В окно стучалась ветка вишни:
Пора, друзья мои, пора.

...Мы были с ней на «вы», конечно.
Она сидела, взгляд дразня,
И дерзкий вызов ножки нежной
Манил меня, манил меня.

Луч солнца из окна несмело
Скользил по комнате, потом
Над головой ее и телом.
И вот у ног прилег пятном.

Тогда я на ее колене
Оставил поцелуя знак.
В глазах мелькнули гнева тени:
— Ну разве можно сразу так!

Надвинув на ноги сорочку,
Смеялась колко:
— Легче, мсье...
Сослался я на заморочку,
На нетерпение свое.

— Спешить в любви, мой друг, не нужно.
Целую грудь — и мне в ответ
Вдруг раздаётся смех послушный,
А дальше — небольшой секрет...

Нас было двое. Третий — лишний.
Но к нам нескромно со двора
В окно стучалась ветка вишни:
— Пора, друзья мои, пора...

МОЁ БРОДЯЖНИЧЕСТВО *(Фантазия)*

Я брел по полю, бормоча сонеты,
В карманы рваные засунув кулаки.
Смотрел на свои горе-башмаки
И рисовал роскошные сюжеты.
Подыскивал на берегу копну,
Чтоб где-то на ночлег остановиться.
Мне звезды открывали свои лица,
Я пристально разглядывал луну.
И с головою зарывался в сено.
Шумела рядом Рона или Сена.

Я вслушивался в слабый гул веков.
И, вновь настроив пламенную лиру,
Рождал стихи пророческие миру,
Как струны, теребя шнурки от башмаков.

ПЛУТОВКА

В харчевне под названием «Привал»,
Где пахло краской, яблоками, пивом,
Я что-то кушал, чем-то запивал
И чувствовал себя вполне счастливым.
Глядел в окно, там кур топтал петух...
Короче, вписан был в пейзаж весенний.
Как дверь из кухни отворилась вдруг —
И девушка возникла в дымной пене
Венерой. Но в застиранном старье.
Зачем-то стала на моем столе
Переставлять бутылки и посуду.
Прижалась вдруг, шепнула, как во сне:
— Вы доктор, кажется, так помогите, мсье,
Преодолеть апрельскую простуду...

РОМАН

1.
Чего не хочется, когда семнадцать лет!
Влекут вас звездный свет, и винные бокалы,
И шумное кафе, и лилий белый цвет!
И фонари души горят не вполне накала.

За городом вам дышится легко,
Прекрасна даже пыльная крапива!
Не раздражает, что Париж недалеко,
Смешался аромат травы, цветов и пива.

2.

Вы можете узреть звезду среди ветвей
Цветущих лип, на фоне неба темном.
И вдруг на вас повеет запахом морей
И чем-то неизведанным, огромным.
Июнь! Семнадцать лет! Цветами день пропах!
Коснутся ваших рук сиреневые ветки —
И вспыхнет жар внутри, а на сухих губах
Забьется поцелуй, как птица в душной клетке.

3.

И странствиями бредит наивная душа...
Но вот мадмуазель, что всех фантазий краше,
Под бледным фонарем проходит не спеша,
В тени воротника сурового папаша
Вас мельком оглядев, отводит взгляд тотчас,
Но чует вас спиной, вы знаете об этом.
И тает в полутьме. А на устах у вас
Бутон с нераспустившимся сонетом.

4.

Вы в переписке. Август за окном.
Она сонетами вас просит не тревожить.
Друзья покинули. Вам грустно. А потом
Она своим письмом вас осчастливить может.

В тот вечер... вы в кафе идете, яркий свет.
Там вновь вас ждут друзья, и кружки, и бокалы...
Чего не хочется, когда семнадцать лет
И фонари души горят не вполнакала.

CREDO IN UNAM*

О, дева, о, богиня Афродита,
Лишь ты в душе свободна от оков.
И сердце лишь тебе мое открыто,
Оно не верит в искалеченных богов.
Я верю в землю, в мрамор, в красоту,
Но приколочен к скорбному кресту
Стыдливого душевного уродства —
Родного брата нынешнего роста.
Всем надо одного — и после смерти жить,
Твоей небесной чистоте служить.
Безгрешна и легка твоя осанка,
Нам женщина нужна — не куртизанка.
Прости. Свои мечты я смешиваю с «мы».
Но много ли таких, кто из земной тюрьмы
Способен вырваться и путь другим укажет?
«Какой печальный вздор он мелет! —
кто-то скажет. —
Какая Афродита? Где она?»
Любовь забыта, произносят имена.
Безжизненному слову верят даже.

* Верую в Единую (лат.).

ВОЗМЕЗДИЕ ТАРТЮФУ

Как соловей, в экстазе сладких чувств
Он проповедь читает, розовеет.
И сыплет, сыплет новый Златоуст
Слова, в которые нисколько сам не верит.
Он так воспитан, не его вина,
Что смолоду привык к актерству и обману.
И вот его хозяин, Сатана,
Пытается сорвать с него сутану.
Отмщение! Бедняга весь дрожит.
Закончить свою проповедь спешит.
Бежит из храма, по дороге бредит...
Суровый голос раздается в тишине:
Принадлежит тот голос Сатане:
— Тартюф наш гол до пяток и... безвреден.

ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ

О, сердце! Нам плевать на грозный камнепад,
На то, что мир в огне, что всюду боль и стоны.
Пусть на планете торжествует ад
И сытый рай дрожит от губительной истомы.
Отмщенье? Спуск в ничто? Пусть будет так!
Исчезните, цари, торговцы и юристы.
История, прими последний выстрел.
Сгинь, старый мир в свинце крутых атак.
Мой разум, сделайся орудием судьбы,
Не слушай стонов, не внимай молениям.

Республики, монархии, рабы —
Весь этот хлам долой без промедленья!
Европа, Азия, Америка — к чертям!
Романтики-друзья, навстречу всем смертям
Рванемся, отменив границы и законы,
Для творчества пределы не знакомы!
Решайтесь, осторожные друзья
Всех наций и любого цвета кожи.
Но горе! Чувствую, в смятении Земля:
— На старой мне мир новый невозможен.
Ну что ж! И я, и я с тобой, земля моя...

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

1. Я плыл один без цели, без команды
По медленной тропической реке.
Мою команду расстреляли в Андах
Индейцы. Мир покойным вдалеке.
2. Хоть в общем-то плевал я на матросов,
На хлопок в трюме, на мешки зерна.
Меня заботил главный из вопросов —
Куда речная вынесет волна?
3. И вынесла по лабиринтам устья,
Сквозь заводи, туманы и мороз
Из тихого речного захолустья
В открытый океан, в его хаос.
4. В игру стихий, и водных, и небесных!
Как пробка, я летал на гребнях волн

Над хлябями разверзнувшейся бездны,
Надежд, восторгов и смятенья полн.

5. Вода мою поверхность заливала
И подбиралась к трюму самому.
Но это все меня не занимало —
Я радовался этому всему.

6. Ведь нравится ребенку вкус зеленых,
Незрелых яблок. С палубы смывал
Остатки рвоты и клочки пеленок —
Очередной неотвратимый вал.

7. Я зрел этюд: среди дубовой тары
Танцует никому не нужный плот.
А рядом с ним обломком мачты старой
Задумчивый утопленник плывет.

8. Чего поверх воды и ватерлиний
Не насмотрелся в корчах тошноты!
Я солнце видел в окнах неба синих
И волны, словно древние шуты,

9. Играли с ним. А я не знал покоя,
Пересекал картинку эти вплавь.
И для меня сильнее алкоголя
Была такая творческая явь.

10. Потом, в глубоких сумерках вечерних,
Я любовался в чарах полусна

Мерцаньем фосфорических свечений,
Виденьями невидимого дна.

11. А утром снова дьявольские ритмы
И пляска волн, Мальстрема круговерть
И быстрых молний огненные бритвы
Кромсали небо, ударяя в твердь.

12. Меня мое спокойствие спасало,
Глазастых чаек — палуба моя.
Они здесь обустроили базары,
Загадив все. И это вынес я.

13. Ведь я — корабль, для птиц плавучий остров.
Но сам-то прохожу Последний суд,
И мой расхристаный волнами бедный остов
Земные силы точно не спасут.

14. Я выслушал столетий отголоски
Из глубины и рифов голоса.
Я видел гадов алчные присоски,
Их жутко неподвижные глаза.

15. Несло меня к неведомым Флоридам,
Где хищно все, от радуг до зверей,
А берега напоминают видом
Изгибы злополучных якорей.

16. Там, в тростниках болотных, между лилий,
Мерцали вспышки газовых огней.
Останки там Левиафана гнили
От Сотворенья и до наших дней.

17. В местах тех диких верилось едва ли,
Что миром правит вечная любовь.
В лагунах там громадных змей съедали
Ватаги рыб, похожих на клопов.

18. Хотел бы очень показать их детям —
Тех рыбок золотых чумных морей,
Куда забрасывал порой безумный ветер
Мой парус без руля, без якорей.

19. А парус над водой своим пареньем
Дырявил небо остриями мачт.
И кровь закатную пускал, словно варенье,
И чистил солнце, как в коростах мяч.

20. Ну что еще? Мне напевала Муза,
Что этот ужас и свирепый срам
Когда-то ляжет к Той, что Иисуса
Нам родила, к смиряющим ногам.

21. Но я еще блуждаю в одиночку,
Безумный рейс себе определив.
В какую попаду на карте точку?
Где мой причал? Куда швырнет прилив?

22. Какие новых звезд архипелаги
Еще открою в безнадежной мгле?
И сколько силы, воли и отваги,
Чтоб их найти, понадобится мне?

23. Довольно слез. Невыносимы зори,
Мне солнце шлет тоску, луна — беду.

Устал я и от суши, и от моря.
Ломайся, корпус! Я ко дну иду.

24. Европу представляю грустной лужей,
Клочком несостоявшейся земли.
И я над ней, мальчишка неуклюжий,
Бумажные пускаю корабли.

25. Игру свою закончив битой картой,
Отныне не смогу я плыть в строю
И быть в тени казенного штандарта
Куда-то рвусь... В какую даль свою?

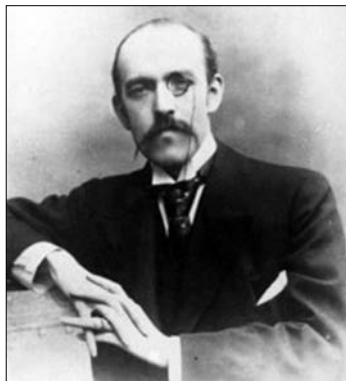

Я не мог не посвятить Рембо свое стихотворение, сопоставив при этом двух совершенно различных, но чем-то похожих друг на друга гениев — нашего Сергея Есенина и великого француза. Каждый из них обладал неистовым поэтическим темпераментом и огромным талантом, оба рано ощутили в себе зов большой Поэзии. Но один остался верен Музе до конца, другой выгнал ее с порога своего творческого дома. Но главным их отличием были разные подходы к вере. Рембо до конца дней так и не преодолел юношеское безбожие. Путь Есенина был сложнее: ранняя народная вера, впитанная с молоком матери, сменилась революционным атеистическим бунтарством и безбожием, усвоенным вместе с ветрами эпохи. Однако в глубине души вера оставалась: «Душа грустит о небесах, она нездешних нив жилища».

РЕМБО И ЕСЕНИН

*Вот бы из Парижа часть бульваров
Вывезти в Рязань или в Тамбов
По причине, что шумел, бывало,
Как Есенин, там хмельной Рембо.
Не с экранов толпам на потеху
Нарастивший бицепсы атлет —
Тот, что пал звездой в библиотеку,
На стеллаж, где дремлет наш поэт.
Миф не нов, когда в минеи-четыи
Время прячет беспокойный дух,
Мы-то знаем: ангелы и черти
Бились насмерть в душах этих двух.
Оба в океане беспредельном
К свету пробивались в мутной мгле.
Оба плыли в трюме корабельном,
Да еще на пьяном корабле.
Породнив разбойничьи услады
С рифмами, отправились в полет
На Олимп своей посмертной славы
И в почти библейский переплет.
Смирно возлежат на полках рядом,
От штормов житейских вдалеке
Те, что выплавляли в топках ада
Бронзу поэтических легенд.*

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ
(Henri-Francois-Joseph de Régnier)
(1864—1936)

Прославленный поэт, прозаик, эссеист, драматург, академик Французской академии, кавалер ордена Почетного легиона, наконец, литератор, испытавший многие влияния — от Гюго и «парнасцев» до Малларме, владеец всех этих заслуг прожил небогатую внешними событиями, но внутренне напряженную жизнь. Громадное трудолюбие, отменный вкус сделали из Ренье выдающегося мастера. Будучи очень чутким к литературным веяниям, пробуя себя в разного рода поэтических экспериментах, Ренье в конце концов остался верен традициям Мопассана в прозе, Готье и Жамма — в поэзии, то есть классической линии. Стихи Ренье пронизаны «вечными

темами», отличаются прозрачностью, изяществом, лишены всего того, что называют во Франции «темной поэзией».

В России особое внимание на Анри де Ренье обратил Максимилиан Волошин, высоко чтит и считал своим литературным учителем Иосиф Бродский.

ЭПИТАФИЯ

Забывтый Прокл, сегодня червь безгласный,
Я умер, навсегда глаза смежил
С таким итогом, будто и не жил
Иль отдежурил срок, увы, напрасный.

Черед, известный всем, достался мне —
Когда немеет вдруг поверхность кожи,
Отказывают ноги, — и, прохожий,
Ты телом растворяешься в земле.

А сам, покинув город этот дряхлый,
Плывешь, как Иов, с единственною драхмой,
Чтобы отдать за переправу дань.

Несешь в себе наивные надежды:
Открыть в той жизни сомкнутые вежды,
Поймать мечту пугливую, как лань.

Ляг на песок. Черпни его рукою.
Позволь ему сквозь пальцы проскользнуть —
И ты поймашь вечного покоя
Все время ускользающую нить.
Луны раздумья, ветра вздох безмолвный
И как журчат одно и то же волны,
Что на земле твой дух не одинок,
Что из твоей ладони, как песок,
Он медленную струйкою уходит,
Не исчезая ни на миг в природе.

ОСЕНЬ

Ах, осень, как прекрасен твой конец.
Ты надеваешь золотой венец
Берез, цветные платица осин,
Твой август продолжает в небе синь
Июля, а в начале ноября
Ты даришь лесу россыпь янтаря.
Нахмуливаешь брови серой мгле,
Шагаешь весело по вспаханной земле.
И, навевая радостные сны,
Внимаешь пульсу будущей весны.

ДОЖДЬ В САДУ

Там, за окошком, дождь неспешно
Идет, вздыхает на ходу
О том, что надо бы, конечно,
Успеть цветы полить в саду.

Забот по горло шустрым каплям,
Затеявшим с листвою игру.
Им бы расправить ветви яблонь,
Поникших в пыльную жару.

Они же, с листьев прыгнув в лужи,
В воде пускают пузырьки.
Как ливень всем хороший нужен
Забавам детским вопреки.

Он достучаться к людям хочет,
Что много важных есть забот,
Он очень вестью озабочен,
Которой дышит небосвод.

Но мы оглохли в давке тесной...
Окно открыто. Я стою.
И слушаю напев небесный.
И вместе с каплями пою.

ОРАНЖЕВАЯ ЛУНА

Наш скучный день в поту его и в драках
Закончился оранжевой луной,
Загадками густого полумрака,
Звнящей соловьями тишиной.

Когда мы шли, когда страдали ноги
И молотком в виски стучала кровь,
Когда палило солнце на дороге,
А душу жгла несчастная любовь,

Не знали мы, что это все не вечно,
Что выгорают чувства и дела,
Что остается в памяти сердечной
Лишь светлая и темная зола.

Не знали мы, что радость недалеко,
Что посетят беспмятные сны
И осияет материнским оком
Спокойный лик оранжевой луны.

ФРАНСИС ЖАММ
(Francis Jammes)
(1868—1938)

Звезда первой величины французской поэзии, помимо стихов оставивший после себя ряд романов, статей, драм, мемуаров, эссе. Он стоял не только вне всяких школ и направлений, но и почти всю жизнь прожил в глухой провинции. Тем не менее специалисты-литературоведы причисляют его к поэтам-символистам. С некоторыми из них он был действительно знаком, его творчество ценили Малларме, Клодель, Валери, Рильке. Не без влияния Клоделя Жамм принял католичество. Но, повторяю, Франсис Жамм самобытен, не похож ни на одного поэта. Его поэтическая бесхитрость и простота сочетаются вместе с подлинно французским изяществом и глубиной.

В России Жамма переводили Иннокентий Анненский, Илья Эренбург, Валерий Брюсов. Осип Мандельштам дал ему такую характеристику:

«И, самый скромный современник,
Как жаворонок, Жамм поет,
Ведь католический священник
Ему советы подает».

Сравнение Жамма с жаворонком — лучше не скажешь, а вот по поводу «советов католического священника» — тут можно с Мандельштамом поспорить. Католицизм Франсиса Жамма, на мой взгляд, скорее продиктован советами его собственного сердца, нежели его приверженностью к жесткой ортодоксии (в моей подборке ниже приведены стихи на астрологическую тему, что вряд ли приветствовал бы служитель церкви, хотя они окрашены легким юмором). А сердце Жамма тяготело к традиции и бесхитростной, простой жизни в удалении от шумных светских салонов. Потому он считал одним из самых важных, даже обязательных свойств поэта «инстинктивное понимание сельской жизни».

ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОГОСТИТЬ

Я много прочитал рассказов и стихов
Собратьев крупных, проживающих в столице.
Пожили бы они среди сельских пустыков,
Послушали, о чем в лесу болтают птицы!

Вот вздрогнул без причины на березе лист,
А вон поют дрозды, наевшись поздних ягод.
Как плачет ветер в окнах старых изб,
Оставленных жильцами из-за тягот...
Езжайте вправду, здесь прогоните хандру,
На травке полежите, наблюдая
В лазури вечной ястреба короткую игру,
Как он кружит, чего-то выжидая.

КНИГА

Девчужка сельская с фантазией своей
Рассматривает в книге знаки зодиака.
Там нарисованы картинки Рыб и Рака,
Рогатый Козерог и тихий Водолей.
Она глядит сначала на часы,
Потом выходит поглядеть на звезды.
Ей кажется, что мир устроен просто,
Что в небе всюду есть свои Весы.
Там взвешивают, как на рынке, Рыб и Коз,
А также Раков и людские прегрешенья.
Там дарит Водолей то дождик, то мороз,
И Деве может Лев пожаловать прощенье.

МОЛИТВА О РАЕ ВМЕСТЕ С ОСЛАМИ

Когда Господь позволит мне в раю
Избрать свою святую колею,
Я молча побреду, без всяких слов
Сперва на хутор, встречу там ослов.

Представлюсь так: «Я — работяга Жамм.
Приветствую господних прихожан.
Подобно вам, иду на встречу с Ним.
Давайте же пути соединим».
А Господу скажу: «Хоть Ты суров,
Позволь войти к тебе среди ослов.
Они всю жизнь свою, подобно мне,
Таскали грузы на возах и на спине.
Подобно им, я пятки в кровь разбил.
И, может, этим прегрешенья искупил.
Позволь войти в Твой расчудесный сад,
Где фрукты для трудящихся висят
И чтобы я душою там расцвел,
Как честно поработавший осел.

ПОШЛИ ЗВЕЗДУ

Пошли мне, Господи, пошли одну звезду.
Быть может, с нею отведу беду.
Иль смерть придет, иль от нее денек спасу...
Мне брось звезду, как бедолаге су.
Я нынче слаб. Но, может, помнишь Ты,
Как я ребенком приносил Тебе цветы
В тот храм, где мать моя мела полы
И где алтарь сиял средь полумглы.
Сегодня на душе и холодно, и мрак.
Твою звезду поглажу, как пятак.
А после положу тихонько к алтарю
И за тепло на сердце поблагодарю.

ПРЕДЗИМЬЕ

В предзимье на провисших проводах
Висят порою ласточки в печали.
Им южные, возможно, снятся дали,
Они от ветра прячутся... во снах.
Как мы, возможно, видят сцены рая
В своих виденьях птичьих и мечтах...
Но всех нас беспокоит общий страх
Отбиться навсегда от стада или стаи.
Проститься с домом, с храмом...
Боже мой!
А что там приготовит неизвестность?
Я здесь хоть сирый, жалкий и хромой,
Зато привычна под ногами местность.
Ведь и она, печалуюсь со мной,
Выносит мою грусть и бесполезность.
Кто в этой жизни вынес много боли
И знает, что не так уж страшен ад,
Испытывает часто колебанья воли,
А не вернуться ли из тех миров назад?

ОПЯТЬ ЗИМА

Мороз был и тогда. Свеча горела.
Пылал камин. Я трубкою дымил.
В трубе немилосердно ветер выл...
А год как сгинул. Нечто его съело.

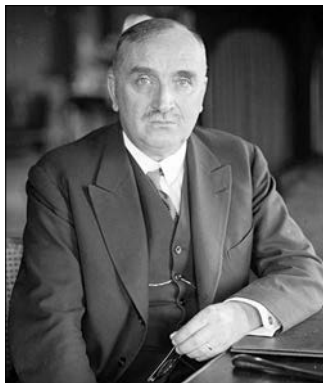
Мой шкаф минувшим веком весь пропах
Пора на свалку. Запаха не чую,
Подумал я о новых платяных гробах.
Зачем? Чего, в конце концов, хочу я?

Мне бы порадоваться стойкости вещей,
Отсутствию в мозгах раздумий и речей.
Ведь мысли не нужны, когда мы плачем.
А звук иных шагов любимых имен богаче.

Мы спутник Марса Фобосом зовем.
Болидам не нужны названья и приметы.
От проходящей мимо нас кометы
Каких-то ужасов и потрясений ждем.

Опять зима, но те же самые заботы
И те же прелести, что слал нам прошлый год.
А если перегруз ущерба и работы,
То это — жизнь, которая пройдет.

ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ
(Paul Claudel)
(1868—1955)

«Крупнейший представитель французского символизма...» — так порою именуют поэта в антологиях. Думаю, Клодель улыбнулся бы столь жесткому втискиванию себя в какие-то литературные школы. Тем более что тяготел он не к литературному новаторству, а, скорее, к старине. Намного точнее было бы назвать Клоделя крупнейшим представителем французской христианской духовной традиции, при этом он очень интересовался философией Востока. Достаточно назвать его мемуарную книгу «Познание Востока». Помимо стихов оставил после себя несколько драм и ряд эссе. Его творчество получило широкое признание во Франции, писатель был удостоен Боль-

шого креста ордена Почетного легиона. С 1946 года он член Французской академии.

Подобно Сен-Жону Персу, Клодель многие годы посвятил дипломатической службе, жил в Китае, Японии, Бразилии, чему свидетельство множество тематических посвящений в его творчестве. Одно из них — «Ответ мудрого Цинь Юаня» — помещено ниже. Но прежде всего, как уже говорилось, Поль Клодель — оригинальный поэт-мыслитель и традиционалист. В своих стихах он воскрешает поэтическую метрику Франсуа Вийона и даже ритмы древнегреческой поэзии, делает попытки приблизить свои стихи к звучанию гекзаметра.

Несмотря на искреннюю приверженность поэта к католической религии (Клоделя называли крупнейшим религиозным писателем XX века), в своей поэзии он нередко выходил за пределы чисто церковной эстетики. Высказываемые им идеи и образы порой созвучны философии Востока: видимо, годы, проведенные в Китае и Японии, не могли не оставить своего следа. И это вовсе не религиозная окрошка, не ментальная всеядность, но глубокое проникновение в духовную основу человека.

Два слова о стихотворении о Верлене, которое открывает подборку переводов Поля Клоделя. Его переводили не однажды под разными названиями. Я выбрал то, что следует ниже, ибо в нем не только правдивый лик Верлена, но и самого Клоделя — упрямого, не поддающегося никаким новейшим влияниям традиционалиста и вечного борца с разными формами пошлости.

НЕВМЕНЯЕМЫЙ ВЕРЛЕН

Это был знаменитый бродяга, буян, литератор.
Чем известен Парижу? Его называли — новатор.
Мэтр известный новаторству вынес вердикт:

«Это вздор!

А запои его — для писателя просто позор!»

Мэтр был Франс Анатоль, осмеявший Верлена
в новелле.

Ему что-то платили. Студенты хвалу ему пели.
Говорили, мол, он голодал. Ну а кто виноват,
Если все пропивал, добиваясь утрат — не награда?
Денег всем недостаточно, даже прославленным
мэтрам.

Кто же тип этот странный, хмельным
подгоняемый ветром?

Тот абсент, что иной за полгода не выпил бы, он
Без проблем выливал в себя сразу, едва не галлон.
И тогда в одуревшем мозгу возникало виденье,
Будто женщина-ангел его ожидает в Эдеме.
Нет, пусть лучше награды Сюлли получает
Прюдом*,

Чем прямой кандидат в сумасшедший
для «ангелов» дом.

И довольно насмешек. Давайте помянем Верлена.
Он ведь умер, чего не хватало ему несомненно.
Он ушел, чтобы мы в нем сумели хоть что-то
понять,

* Речь идет об истории, когда Сюлли Прюдом, поэт среднего уровня, получил Нобелевскую премию.

Музыканты — мелодии к текстам его сочинять
И тэ дэ. А Верлен возвратился туда, где когда-то
Проложил в океане небесном знакомый фарватер.
Женский голос оттуда иль ангельский возглас
в тумане
Прозвучал ему тихо: «Мы ждем тебя здесь,
в океане».

ОТВЕТ МУДРОГО ЦИНЬ ЮАНЯ

Когда спросили Цинь Юаня об итоге лет и зим,
Он выразил итоги заключением таким:
Весной бросаю семя в землю, летом — орошаю.
К зиме приходит время сбора урожая.
И зерна, что я наглухо в земле захоронил,
Наглядными плодами предстают по мере сил.
Похожи наши жизни на сады или на свитки.
Записаны свершенья в них, и думы, и попытки.
Все начатое здесь — любая мысль и проба —
Продолжится по мере прорастания из гроба.
Насколько ты искусный оказался садовод,
Тебе покажет твой последующий плод.
Итак, не вижу в смерти никакого пораженья.
Не назову концом, что жаждет продолженья!

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ПОЛЕЙ

Снова теплого ветра дыханье поля согревает,
Прекращает озноб наших пальцев
и зябнущих шей.
Кто-то нежность приносит, цветами луга
украшает.
Вновь становится легче земле, небесам и,
конечно, душе.
В общем, кончился месяц февраль, март-апрель
впереди.
Розоватый дымок между веток возник — погляди!
Набухают листвой у деревьев пророчества почек,
Те уже распустились, как девицы, о чем-то
стрекочат.
Подожди — и увидишь, как всюду начнется
переодеванье.
Зелень в жухлой траве — наша вера, любовь,
упованье.
А фиалки в лесу, маргаритки в опавшей листве —
это чудо!
Набежали, подобно детишкам нарядным
из бедного люда.
Взрыв нарциссов на солнце — такое во сне
не приснится.
Стаи птиц говорливых не могут до вечера
наговориться.
И когда я на службу вечернюю в церковь шагаю,
луна
Серебрит мне тропинку, которая инеем посолена.

БАЛЛАДА О МОРЕ

В путь их всех провожали, и чайки,
и женщин платки.
Корабли были разные, нынче — посудины,
раньше — судки.
Но торговцы из древнего Тира и нынешние
бизнесмены,
Как две капли похожи, желанья у них неизменны.
Мало золота здесь, но полно его где-то в тумане.
Надо плыть за богатством, добыть его в
Нью-Орлеане.
Кто к деньгам прикоснулся, всегда этим зелием
пьян.
Трудно в горло идет только первый стакан.

Экипажи пиратских судов, занесенные в черные
списки,
И команды эсминцев, служившие ратным богам,
И подводные лодки, пройдя сквозь смертельные
риски,
Дремлют все под водой, устремляя глаза
к облакам.
Чем весь день были заняты пассажиры
на мрачном «Титанике»
В те минуты, когда без помех уходили ко дну?
Танцевали свое аргентинское танго без паники.
В это время вода подходила бесшумно к окну.
А потом и воюющих всех, и танцующих тихо
прибрал океан.
Трудно в горло идет только первый стакан.

Что живет на поверхности, ляжет на дно
без сомненья.
Ерш, снующий в воде, все равно попадет
на кукан.
Ничего нет на свете дешевле и лучше забвенья.
Но сначала придется помучиться бедным бокам.
Трудно в горло идет только первый стакан.

Посылка

Все на свете есть море. Оно нас выносит, качает
и топит.
Счастлив, кто молодым с ним завел неразрывный
роман.
Уцелеет счастливец такой даже в новом Потопе.
Трудно в горло идет только первый стакан.

БАЛЛАДА О ГЛАВНОМ ВОПРОСЕ

Мы не раз уезжали, и зимней порою, и летней.
Поезд ждать нас не станет, не выйдет такая беда.
Было актов прощанья немало, но этот —
последний.
Ни на что не надейтесь, вы видите — я уйду
навсегда.
Мать, печально не плачь, возвращенья второго
не будет.
Слезы — признак того, что прощаемся мы
не всерьез.
Я ведь стал уже тенью, а тени, конечно, не люди.
Не бывает у них ни надежд, ни печалей, ни слез.

Не увидимся мы, это главный вопрос.
Покидаем и ближних, и дальних, и взрослых,
и деток,
Все болтают по-детски, не знают начал и концов.
Разрешите мне, жена, в твои очи взглянуть
напоследок.
До поры, пока сам я в ряды не вступил
мертвецов.
Да, пока я не сгинул. Дозволено сколько угодно
На другого глядеть. Только сына, который
подрос,
Не оставь без вниманья, пускай он легко
и свободно
Сохранит в себе свет накануне положенных гроз.
Не увидимся мы, это главный вопрос.
И прощайте, друзья! Мы явились к вам
так издавека,
Что внушали опаску, в лучшем случае лишь
интерес.
Сохраните тепло как наш дар, чтоб не чужь себя
одиоко.
Тщетно все под сияньем, под синим сияньем
небес.
Все останется с вами: и знанья, и страсть
к заморочкам,
Бесконечная жизнь, остановки и стуки колес.
Умирать на прекрасной земле предоставьте
одним оболочкам.
Так что смерть вам не надо рассматривать
слишком всерьез.
Не увидимся мы, это главный вопрос.

Посылка

Вы еще на земле, мы же на корабле. Все в тумане.
Продолжается жизнь в виде дымной дороги
наверх.
На земле мы не встретимся — в небе случится
свиданье.
Там уже не расстанемся, может быть, даже навек.
Но вот станем ли жить без улыбок фальшивых,
без поз.
Это главный вопрос.

Тема бренности земной жизни, неизбежного ухода молодости и прихода старости с сопутствующими этой теме смирением, стоицизмом или воздыханиями проходит через всю французскую поэзию с древних времен. У некоторых из великих французов она приобрела христианскую глубину, у других — восточную, почти буддийскую окраску.

Так случилось, что свой поэтический отклик на тему старости я начал с вопроса на эту тему у Дю Белле, а закончил ответами-выводами Беранже, Клоделя и многих других поэтов Франции XIX—XX веков. Неприятие старения индивидуальной личностью переросло в бунт поэзии против культа денег и одряхления души и страны, куда толкали Францию «манекены» Жува и «буржуи» Элюара. Плодотворная переключка не только поэзии, но и публицистики наших двух стран сегодня.

СОНЕТ О СТАРОСТИ

(Подражание Клоделю)

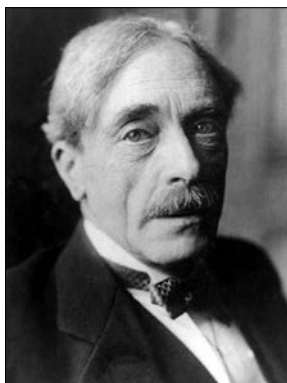
*Ты спрашиваешь: «Что такое старость?»
Отвечу: «Это если у бедняги на душе
Не множество божеств языческих осталось,
Но лишь одно — и мертвое уже.*

*Кого не радуют ни вакхи, ни веныры,
Не огорчает Йов и сатана.
Кому из всех ветвей всеобщей веры
Дороже и желаннее одна.*

*Такой одну молитву повторяет — дай.
Не светит бедолаге ад и рай.
Он для обоих заведений не годится.*

*Не спрашивай, такому сколько лет,
Какой он, Новый или Ветхий, чтит завет.
Он поклоняется богине инвестиций.*

ПОЛЬ ВАЛЕРИ
(Paul Valéry)
(1875—1945)

Крупнейший французский поэт, эссеист, философ, автор многочисленных эссе и афоризмов, посвященных искусству, музыке, истории. Член Французской академии, до Второй мировой войны представлял Францию в Лиге наций, выступал с лекциями о культуре, разъезжая по странам Европы.

Начало творческого пути ознаменовано сильным влиянием поэтики Малларме. Желая уйти от опеки учителя, обрести собственный голос, Валери на целых двадцать лет, по его признанию, уходит в «монастырь собственной души». Но выходит из идейно-экспериментального заточения с еще более усложненным и «темным» символистским арсеналом.

лом. В отличие от Стефана Малларме, пришедшего в результате формальных поисков к простоте, Валери сделал «праздник перемены форм» своим культом. В этом смысле его стихи не отличаются эмоциональным богатством, это все-таки, по его собственному определению, «поэзия мысли», зато в области формы они достигают порой верленовского совершенства.

Обращение поэта к духовному миру Леонардо да Винчи, к Платону и к философии Востока — отнюдь не предмет книжного любопытства, это выражение его напряженных духовных исканий.

В годы оккупации Франции гитлеровцами Валери вел себя вполне достойно, не пошел на сотрудничество с правительством Виши, печатался, сохраняя независимость взглядов, и был одним из лидеров интеллектуального Сопротивления, чем заслужил глубокое уважение де Голля. Выступил с надгробным словом на похоронах философа А. Бергсона, не принимавшего фашизм, в оккупированном Париже в 1941 году. Похороны самого Валери в 1945 году состоялись по протоколу генерала и стали явлением национального траура.

КЛАДБИЩЕ В МОРЕ

Мелькают в соснах призраки и птицы,
На ветки ветер медленно садится.
В седых бровях прозрачная вода

Таит неугасимое мерцанье
И глубины подводной созерцанье,
Где шум земной не слышен никогда.
О, вечная вечерняя прохлада!
О, тайная нерасхитимость клада!
Здесь не у дела расторопный вор.
Я здесь дышу своим подводным дымом,
Пою хвалу подводным серафимам
И славлю праздник перемены форм.
Священный дом, где души отдыхают.
Вверху над ними ангелы порхают.
Дом этот отвоеван у земли.
Он среди рыб, среди морской капусты,
В нем не бывает грустно или пусто.
И бесы овладеть им не смогли.
О, море неисполненных пророчеств,
Оно нам всем оказывает почестъ
Сияньем отраженным вечных звезд,
Чередованьем тишины и бури
И тем, что в неразгаданной лазури
Змий вечности закусывает хвост.
Попутный ветер — значит, жить придется.
Но в Книге жизни лист перевернется —
И мы плывем неведомо куда.
Где шелестят нам новые страницы.
Мелькают светотени, люди, птицы,
Плывут иные судьбы и суда.

ВЕНЕРА

Еще не одолев рождественский озноб,
Отправленная в мир Юпитера десницей,
Глядит наверх, ей мир небесный снится,
Откуда солнце шлет веселый сноп.
Еще не стала речь ее уверенной и бодрой,
Улыбка не коснулась милых уст,
Не явлена в повадках гамма чувств,
Не сделались волнующими бедра.
Еще песок прибрежный вслед за ней
Во вмятинах таинственных ступней
Не высох, но уже она вступает в царство...
Земли. И взор ее уклончивый горит,
В глазах смешались озорство и стыд,
Огонь и нежность, верность и коварство.

ОРФЕЙ

Сражаюсь с музой. В качестве трофея
Видение горы приходит, а под ней
Я вижу молчаливого Орфея
В сиянье ярком солнечных огней.
Но вот Орфей запел — и град камней
С горы соседней с грохотом несется,
И этот гром смущает даже солнце,
К нему взывают сонмища теней.
Колышется бесчувственная твердь,
Спасается безжалостная смерть,

Заслышав торжествующую лиру.
Поет поэт, ликуя и скорбя,
Он строит храм, он строит сам себя,
Провозглашает жизнь мятущемуся миру.

ВИНО ПОЭЗИИ

Когда я пролил в океан
Своей поэзии вино,
Лилось случайно ли оно
И испарялось, как туман?
Или таинственная Сила
Моею двигала рукой,
Строку рождая за строкой,
Душой моей руководила?
Понять пытался я, трезвея,
Покуда ветер не развеял
Клочки моих нетрезвых снов.
За роем розовых видений,
За пляской разноцветных теней
Узреть гранит святых Основ.

ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ЛЕС

Тьму раздвигая нашими плечами,
Мы долго через глухомань брели,
Почти не видя под собой земли,
Шагали в неизвестность и молчали.

Мы шли с тобою через темный лес,
В туман творенья мира первозданный,
Храня в душе причудливые планы
Завоевать расположение Небес.
И где-то вдалеке мы вдруг исчезли,
И вместе неожиданно воскресли,
И вновь пошли при звездах, при луне.
Продолжил лес ветвей своих качанье,
Сиянье — звезды, ты — свое молчанье,
Мой старый добрый друг по тишине.

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР
(Guillaume Apollinaire)
(1880—1918)

Псевдоним поэта, поляка по происхождению, Вильгельма Аполлинария Костровицкого, переименованный на французский лад из его двойного имени. Род Костровицких принадлежал к высшей польской аристократии, но в Польше будущий поэт не жил, детство провел в Италии, учился во Франции, писал в Париже и на передовой, в окопах Первой мировой войны.

Короткая жизнь Аполлинера насыщена многими бурными событиями, он сотрудничал с яркими и противоречивыми людьми, с такими же противоречивыми направлениями в искусстве. Был одно время адептом «автоматического письма», участвовал в

сюрреалистических изданиях, а также в скандально известных акциях вместе с композитором Эриком Сати и художником Пабло Пикассо, теоретизируя и создавая «новое искусство», вся «новизна» которого сводилась к реанимации нравов поздних Древней Греции и Древнего Рима.

Все творческие зигзаги Аполлинера, а также испытанные им влияния, в том числе сильнейшее влияние поэзии Рембо, закончились благополучно. Он вырвался к самостоятельности, взял высокую планку поэзии, вошел в десятку (может, и меньше) крупнейших поэтов Франции. Но жизнь оборвалась рано, трагически. Поэт получил осколочное ранение в голову на войне и, ослабленный операцией по трепанации черепа, умер от «испанского гриппа».

Жизненный и творческий путь Аполлинера очень напоминает судьбу Николая Степановича Гумилева, с которым они прошли по жизни почти синхронно.

МОСТ МИРАБО

Под мостом Мирабо тихо плещется Сена,
Ее чувства одеты в гранитные стены,
Никому не уйти от житейского плена.
Мы глядим в молчаливую даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Мы вложили друг другу ладони в ладони.
Верим в мост наших чувств,

Что на нем не утонем.
Может, счастье когда-нибудь
Где-то догоним,
А пока изучаем туманную даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Наши страсти, как эти бегущие воды,
Повинуются вечным законам природы.
Как медлительны дни, как стремительны годы.
Как бывает обманчивой светлая даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Повторятся мост Мирабо и его одинокая Сена.
Повторятся смена часов и недель перемена.
Повторяется то, что всегда неизменно, —
Мы глядим в бесконечно манящую даль,
С нами вместе надежда, любовь и печаль.

Попрощаемся молча, без звука.
Лето кончилось. Осень. Пора.
Вряд ли завтра увидим друг друга.
Не забудем, что было вчера.

ОСЕНЬ

Два во мгле силуэта — крестьянин и бык.
Первый просто идет, груз животное тянет.
Заупрямился бык, замурлыкал крестьянин
Песнь про то, как в степи замерзает ямщик.
Осень лето прикончила. Что теперь станет,
Сообщать не торопится ветра язык.

В ТЮРЬМЕ САНТÉ

(в сокращении)

Раздели, выдали одежду,
Ввели поэта в новый дом.
Он шлет безмолвную надежду:
«Не хмурься, привыкай, Гийом.
Я не скажу: погибни в бездне.
Я прикажу тебе: живи!
Вздыхай, пиши в неволе песни
О женщинах и о любви».

Живу, пока еще не помер.
А вот о воле позабыл.
Теперь я не Гийом, я — номер.
Когда-то странствовал, любил...
Взглянуло солнце сквозь решетку
На то, что я теперь пишу,
Отбило у меня охотку
Вздыхать о том, чем дорожу.
Поскольку я услышал гаммы,
Что сотрясали потолок
Под коваными сапогами.
Терплю. Забился в угол.
Заснул. Со мною задремал
Морфей в неласковом жилище,
Похожем больше на кладбище
Или на дьявольский подвал.
Квадрат окна гораздо выше,
Чем может разглядеть зрачок,
Я вижу угол красной крыши
И неба серенький клочок.

Уходит день, приходит вечер.
Луна является в окно.
Мой разум чист, свободен, вечен.
Таким он не бывал давно.

ИЗ ПИСЕМ ЛУ*

Лишь ради тебя я полез в эту адскую смуту,
Мечтая сдержать хоть на миг твой изменчивый
нрав.

Быть может, с другим ты находишься
в эту минуту...

Прости. И пошли только мысль — я не прав.
Я верю, что ты устоишь перед чувственной бурей
И что сохранишь для меня аромат наготы.
Еще раз прости, я ведь ранен сегодня не пулей,
Ипритом** противника. Можешь понять это ты?..

Отравлены легкие. Дождь до костей пробирает.
Ласкаю бывшее, тоскую о будущем рае.
Играю на чувствах, почти неподвижный скрипач.

В тумане солдат на меня натывается слепо.
Туманом повязаны это болото и небо.
Поплачь обо мне, ну хотя бы немного поплачь.

* Луиза де Колинья-Шатийон, светская красавица, отвергнувшая чувства Аполлинера.

** Иприт — отравляющий газ, применявшийся на Первой мировой войне

Облако в небе сливается с мглой,
Струи вина — с обстановкой суровой.
Завтра мы вместе отправимся в бой
С теми, кто пьет в полутемной столовой.
Вместе мы будем скакать под дождем,
Слушать приказы и трубы горнистов.
Вместе, быть может, и смерть здесь найдем,
В местности этой, раскисшей и мгlistой.
Но не торопимся мы умереть
И, повинясь привычкам немногим,
Жадно на женщин спешим поглядеть,
Если вдруг встретятся нам на дороге.
Ты извини уж... Добавить могу,
Что с молодой нерастраченной силой
Все мы сегодня в великом долгу
Перед судьбой нашей Франции милой.

ЕСЛИ Я ТАМ ПОГИБНУ

Если я упаду в неудачной атаке,
Ты представь себе поле, июньские маки.
Быстро высохнут слезы, и дай только срок,
Где упал я, поднимется красный цветок.
Растворит мою память малиновый воздух,
На закате окрасятся кровью моря,
И рубинами вспыхнут далекие звезды,
И наполнится алою силой заря.
Я приду к тебе утром, живой, невесомый,

Обниму, поцелую уста и чело —
Сразу Лу, дорогая, ты станешь веселой,
Даже если тебе не скажу ничего.
Это кровь моя брызжет и мир обновляет,
Словно солнце, свершает свой огненный круг.
О творениях новых своих объявляет.
Я тебя не забуду, мой ласковый друг.
Но и ты вспоминай, ну хотя б на мгновенье,
Драгоценные паузы тихих речей...
И не плачь обо мне. Молчаливою тенью
Я с тобою всегда, о, мое наслажденье.
Тот волшебный огонь наших долгих ночей...
Моя кровь превратилась в прозрачный ручей.
Ты о том не горюй, благотворно забвенье,
Если только в бреду родилось вдохновенье.

Пишу тебе, закончу или нет —
Зовет труба готовиться к атаке.
Гляжу на фотографию, привет
Она мне шлет улыбкою во мраке.
Давно вестей твоих не получал.
Произошло ли что-нибудь? Когда-то
Ты обещала верной быть солдату.
Не шлешь ли расставания печаль?
О, Лу, меня такие мысли ранят.
Теряется твой голос вдалеке.
Черты твои скрываются в тумане.
И карандаш ломается в руке.

Целую локон твой, что в ладанке храню,
Как память о былом и новом счастье.
Между тобой и мной военное ненастье.
Пора! Где окажусь, в аду или в раю?..

Солдаты по-детски сражаются в шашки.
Над ними девчонки склонили кудряшки.
Сержанты из гильз мастерят себе фляжки.
Два холмика рядом, на них две фуражки.
Зато в офицерской столовой стрельба
Бутылок с вином из Шампани. Судьба
Сегодня повисла у нас на цепочке,
Что ты подарила. Последние строчки
Пишу тебе, Лу, потому что темнеет.
Скучаю, целую, люблю, пламенею...

**ПИСЬМО ТРИСТАНУ ДЕРЕМУ*,
ВОСКРЕСШИЙ**

Пишу вам с похмелья и между боями.
Напрасно Париж восхищается нами,
Едва из нас боши не сделали труп,
И вот напились после боя в отруб.

* Тристан Дерем (наст. имя — Филипп Юк, 1889—1941) — французский поэт, принадлежавший к литературной группе «поэтов-фантазистов».

Служу ездовым в орудийном расчете,
Здесь легче, чем ноги мозолить в пехоте.
Спасает щиток при ответном огне,
И пяткам удобней верхом на коне.
Мне ваши стихи передали недавно.
В них наши бои описали вы славно.
Их вслух прочитал — был в восторге расчет.
Такой вы нам всем оказали почет.
Пишите, как дома, как жизнь у знакомых.
Пока я живой, вспоминайте Гийома.

МОЕМУ ДРУГУ ПАБЛО ПИКАССО

Гляжу на гильзу от снаряда —
Стакан отныне для солдата.
Земля устала от вояк.
Война не устает никак.

В окопе холодно и тесно.
Когда же грянет медь оркестра
И в гильзы разольем вино!
Мы разучились спать давно.

Да чтобы рядом Клеопатра.
И наяву — не из театра...
Ах, милый друг мой, на войне
Такое видишь лишь во сне.

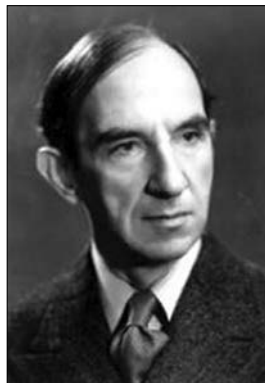
Под ухом сено — не подушки.
Мы вместо фрака чистим пушки.

И молим Бога об одном:
Пошли грозу на грязный гром.

А также клетку леопардам,
Военным грезам, Клеопатрам...
Конец был у царицы плох.
Пускай пошлет нам мудрый Бог

Свиданье каждому с любимой,
Удачи, не прошедшей мимо.
И пусть, о милости моля,
Споются небо и земля.

ЖЮЛЬ СЮПЕРВЬЕЛЬ
(Jules Supervielle)
(1884—1960)

Малоизвестный в России поэт, однако во Франции он — звезда первой величины. В 1960 году объявлен «королем поэтов», существует литературная премия его имени. Стихи Сюпервьеля высоко оценил Рильке. Одушевляет природу любой поэт, но в поэзии Сюпервьеля, как и в его прозе (а он автор ряда романов, рассказов и драм), все имеет тонко чувствующую душу: земля, вода, животные, растения. Спленные в лесу деревья «плохо спят» и скрипят, олень не понимает «темную» жизнь человека, человеческое сердце откликается на «гармонию сфер» в Космосе.

Творчество Сюпервьеля тесно связано с природой Южной Америки, где он родился (Монтевидео)

и провел детские годы, куда часто наезжал из Парижа, где прошла основная часть его жизни. В Уругвае поэта застала Вторая мировая война, задержавшая его здесь на целых шесть лет. Но он не порывал связи с главной родиной, написал и издал (1944) сборник «Стихи о Франции в беде».

ОЛЕНЬ

Только ветку ели трону —
Как мелькнет мгновенно тень
И укроется за кроной
Мой пугливый друг — олень.

Размышляет осторожно,
Наклонив свое чело.
В нашей жизни суматошной
Не поймет он ничего.

Где его настигнет выстрел
И с нуждой ли, без нужды?
Мир бессмысленно неистов.
Выход знаешь только ты.

Эти нежные копытца
Лучше ведают меня,
Где спастись, куда укрыться
От угрозы бытия.

ЛЕС

Сосну в лесу спилили,
Теперь он плохо спит.
Молчит угрюмо или
Качается, скрипит.
В проеме ищут птицы
Следы упавших гнезд.
Печальный свет струится
Возникших в небе звезд.

Научишься ли мой далекий зов
Ловить не слухом — любящей душою,
Принять мою любовь помимо слов
Через пространство, ныне нам чужое?
Пусть между нами океанские просторы,
И цепи горных круч, и гром военных туч,
Ты можешь сделать самое простое —
Отправить мне один сердечный луч.

ПАРИЖ

Под неба темной кровлей,
Я знаю, ты не спишь —
Ты истекаешь кровью,
Далекий мой Париж.

Бульвары опустели,
Народ твой изнемог.
Дрожат родные стены
От топота сапог.

И Сена удрученно
Струится под мостом.
Как будто в яме черной
Нашла свой новый дом.

Пропитан гарью воздух,
И гневом дышит мгла,
И в небе скрылись звезды,
Но суть твоя светла.

ЖАН КОКТО
(Jean Maurice Eugène Clément Cocteau)
(1889—1963)

Самый, возможно, небесспорный в этом сборнике культурный деятель Франции первой половины XX века, входит в литературную элиту этого времени. Он крупный драматург, режиссер, киносценарист, художник, незаурядный поэт, предтеча сюрреализма, автор либретто и текстов для десятков опер, балетов и ораторий, вошедших в историю французской музыки. Он проявил себя в таком количестве сфер и направлений искусства, что современники видели в этом скорее разбросанность и легковесность, нежели творческую одаренность.

На самом деле эксцентричный француз парадоксальным образом сочетал в себе эстетство, скандаль-

ность, заигрывание с пороком и немалый талант художника (Андре Моруа говорил даже о художественной гениальности Кокто именно в создании новых форм искусства). Поэта называли «французским Уайльдом», «общественным хамелеоном», обвиняли в безответственности (прежде всего Поль Элюар и Франсуа Мориак), а Андре Бретон утверждал, что Жан Кокто дискредитирует понятие мужской отваги художника.

Наконец, Кокто — тончайший лирик, влюбленный в красоту и создававший ее в стихах, которые были отдушиной для его эстетического чувства. В отличие от других направлений своего творчества, где имело место заигрывание с пороком, в поэзии он был чист, за что получил титул «принца поэтов». Некоторые литераторы, ссылаясь на заявления Кокто, считают его наследников поэтической линии таких гениев пера, как Малларме, Верлен, Рембо, Аполлинер.

Однако если рассматривать творчество Кокто в целом, то, по моему мнению, не столько его изысканно красивая поэзия, формально сохраняющая преемственность с классической формой французского стиха, сколько житейские перформансы и сюрреалистские эксперименты послужили мостиком к современной реальности, где безобразие уже не нуждается в привлекательной маске. Если «цветы зла» у Бодлера выросли на почве страдания, то для Кокто они своего рода норма жизни, даже благополучия.

Полагаю, что не будет большим преувеличением сказать, что Кокто был одним из тех людей, кто эстетически подготовил Францию к той новой фи-

лософии жизни, которая сегодня оформляется на законодательном уровне и против которой на улице выходят миллионы французов.

Умер в возрасте 74 лет, окруженный почетом, получив звание академика.

ТВОЙ СОН

Мне не уснуть, пока со мною рядом
Твой спящий лик.
Он послан как небесная награда
На краткий миг.
Наступит и мгновение ухода
В хаос дневной.
Проснешься — поменяется природа
И шар земной.
Печально задрожат твои ресницы,
Замрут уста.
В одну двум душам нашим уж не слиться.
Постель пуста.
Пуста постель с твоею головою,
Как часть меня.
Побудь со мной, побудь еще со мною
К приходу дня.
Пусть подольше розовые чайки
И тишина
Продлят полет наш краткий и случайный
На крыльях сна.

Полна неизреченными стихами
Моя душа,
Пока твое я слушаю дыханье,
Едва дыша.

Кто верит, что тобою обладает,
Тот тешится тщеславием своим.
Кто думает, что он любим тобою,
На самом деле может только руку
Хозяина, подобно псу, лизнуть.
Душа твоя необъяснима словом,
В твои поступки мысль не проникает.
Ты отрицанье самого Декарта:
— Не думаю — поэтому живу!

Ты говоришь — не ту я выбрал тему...
Но видит Бог,
Сию несовершенную поэму
Я спел, как мог.
А почему? Куда меня стихами
Ведет судьба,
Спроси у муз. Они — поэм дыханье,
Я — лишь труба.
Рождаются в глубинах сердца страстно
Хаос и дрожь,
Нахлынут вдруг, возьмут за сердце властно —
И запоешь.

ТАНЦОВЩИЦА

На цыпочках порхает краб...
Расставив клешни колесом,
С непроницаемым лицом
Является из-за кулис
Толпе восторженной на бис.
И вот уже надменный раб
Улыбки расточает вниз.

Мы в страхе пребываем вечно,
Ждем неотступно новых гроз.
И это кончится, конечно,
Потопом рек, потоком слез.
Ковчега Ноева отныне,
Заблудший род людской, не жди.
Куда бежать, в какой пустыне
Причал спасения найти?!
Найдем, быть может, у Жюль Верна,
У детских наших грез в плену,
Когда взлетали мы мгновенно
Из пушки прямо на Луну.

По мудрым законам пространства
Вращается наша планета
Какой-то неведомой Силой,
Почти непонятной червям.

И черви науки, потомки
Творцом порожденных исчадий,
Решили, что их надувают,
Что с тайнами нужно кончать.
Они открывают кувшины
И джиннов из них выпускают,
С которыми сладить не могут.
И это зовется прогресс.

ПОЛЬ ЭЛЮАР
(Paul Éluard)
(1895—1952)

Известный французский поэт, сочетавший в себе сюрреалистическую направленность творчества и левые политические взгляды. Настоящее имя — Эжен Поль Грондель. Элюар — участник Первой мировой войны, служивший там санитаром фронтового госпиталя. В мирные годы примкнул к коммунистическому движению. Пребывание Элюара в рядах компартии продолжалось с 1926-го по 1933 год и закончилось исключением за антисоветские высказывания. Вероятно, тон высказываний был даже для свободомыслящих французов-коммунистов слишком крутым, этим объясняется столь суровое обращение с поэтом коллег по партии.

Он не без оснований считается одним из основателей сюрреализма. Представители же данной школы, подобно нашим футуристам, вели себя в общественных местах буйно, своими выходками часто эпатировали не только приличную публику, но и кого угодно. Возможно, какими-то резкостями Элюар и напугал коллег-коммунистов. Хотя по своей природе не слыл радикалом и после того, как лидер сюрреалистического движения Андре Бретон вступил в союз с Троцким, Элюар разорвал с сюрреалистами.

В годы Соппротивления вторично вступил в ряды ФКП, стал видным ее членом, а также вырос в крупного мастера поэзии, которому было тесно в рамках литературных школ. Лирика Элюара в годы Второй мировой войны зазвучала особенно мощно. Его стихотворение «Свобода» союзники сбрасывали с самолетов в виде листовки над оккупированной гитлеровцами Францией.

После войны принимал участие в пацифистском движении, был очень популярен в Советском Союзе.

Еще в молодости женился на Елене Ивановне Дьяконовой, ставшей впоследствии женой Сальвадора Дали (натурщица Гала на портретах художника). Семейные перипетии двух сюрреалистов сопровождались эффектными жестами. Например, Дали написал портрет Элюара и публично заявил: «Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из Муз». Е. И. Дьяконова высказалась столь же многозначительно и велеречиво: «Я воспитала талант, теперь становлюсь музой гения». Элюар, убежденный сто-

ронник свободной любви, перенес разрыв стоически, откликнувшись четверостишием, которое завершает подборку, помещенную ниже.

Отметим, что все вышесказанное об отношениях поэта с Е. И. Дьяконовой — часть рекламного пиара, входившего в программу поведения сюрреалистов. Поздний Элюар, всегда отличавшийся искренностью и сердечностью, снял маску, порвал со всякого рода литературными и общественными рекламными выходками, был весьма сдержан. Если же охарактеризовать в целом фигуру Поля Элюара, то она для меня своей цельностью, искренностью, нравственной чистотой одна из самых ярких в истории поэтической Франции.

Я ГОТОВ НАПЛЕВАТЬ

Разумеется, я отношусь с отвращением
к буржуям,
К царству пошлости, денег, ничтожеств
и лживых святош.
Но сильнее всего моя ненависть в сердце бушует
К тем, кто чувства мои принимать не желает.
Ну что ж,
Я готов наплевать на поклонников Пэ Элюара,
Если нет у них в душах меня вдохновившего жара.

ТОЧНОСТЬ СЕРДЦА

О, точность человеческого сердца!
Ты краски жизни, формы и черты
Приемлешь напрямик. Ты хочешь обогреться
Теплом прямолинейной красоты,
Из первозданных родников напитокся,
Сквозь ворох встреч случайных и причин
Упрочить в душах женщин и мужчин
Незыблемое таинство традиций
И нежную устойчивость веков,
Плывущих наподобье облаков.

МЫ ДВОЕ

Мы, крепко взявшись за руки, идем
По жизни, и повсюду, словно дома,
Постелью может стать для нас солома,
А крышей — крона дуба под дождем.
Нас греет ночью звездное мерцанье,
Днем не заботит злой язык молвы.
В соседстве с мудрецами и глупцами
Своей мы не теряем головы.
Просты и ясны наши отношения
Между собой, но также и с людьми.
Мы — радостное жертвоприношение,
Открытый и живой пример любви.

МУЖЕСТВО ПАРИЖА

Твои дома обшарпаны и серы,
Твои бульвары грустью замело,
В глазах у парижан не видно веры,
А в душах полутьма, как и в метро.
Но все равно ты полон обаянья,
Под маскою Пьеро душой горишь,
Не просишь, словно нищий, подаянья,
Врагу не покорившийся Париж.
Таится за тоской твоей сердечность,
За зябкой дрожью — творческий огонь,
За непреклонным взглядом — человечность,
Мой лучший в мире город дорогой.
Нет у тебя ни танков, ни орудий,
Ни слугами начищенных сапог.
Твое оружие — мы, простые люди.
Любовь к тебе — наш бесконечный бог.
Ни ты, ни мы не растеряли силы,
Фашистам нашей не сломить судьбы.
Порядки их для нас невыносимы,
Встань, Париж, с тобой мы — не рабы!

СВОБОДА (Фрагменты)

В учебниках школьных, на партах,
Во всех декабрях и мартах,
В песке, на снегу, где брожу,
Я имя твое пишу.

На всех отзвеневших лирах,
На королевских турнирах,
Где место мечу и ножу,
Я имя твое пишу.
На небе ночном и древнем,
На хлебе своем ежедневном,
Который ножом крошу,
Я имя твое пишу.
В полетах жизни крылатых,
В больничных бледных палатах,
Где в смертном бреду лежу,
Я имя твое пишу.
И властью этого слова
Я жить начинаю снова,
Чтоб снова встретить тебя,
Ликуя, храня, любя!

Молодость ей подарила
Силу свободно жить.
Я не сумел свою силу
В сердце ее вложить.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
(Antoine Marie Jean-Baptiste Roger de Saint-Exupéry)
(1900—1944)

Знаменитый французский писатель, журналист, профессиональный летчик, Сент-Экзюпери был весьма популярен у русского читателя еще в советское время. Его «Маленьким принцем», «Ночным полетом», «Военным летчиком» зачитывались в 60—70-е годы прошлого века многие. Позднее, в 1990-е, мы познакомились с религиозными сочинениями Экзюпери. Меня в этом направлении просветили французские туристы еще в 1965-м.

Помню, возил в течение двух недель группу студентов из Парижа, приехавших в СССР на собственном автобусе. Я принял их в Бресте, провез через Белоруссию и среднюю полосу России. Были остановка

на несколько дней в подмосковном кемпинге Бутово, знакомство со столицей, затем поездка в Ленинград и выезд через Выборг в Финляндию. Поездка была организована и оплачена компартией Франции, а студенты и сопровождавшие их профессора были людьми левых взглядов. Непрерывное полумесячное общение, естественно, включало беседы на многие темы и взаимное просветительство. Французы подарили мне книги Роже Гароди, Жан-Поля Сартра, при этом студент, сделавший подарок, снабдил его такой припиской: «Я читал твоего, точнее, нашего Ленина, ты почитай моего Сартра». Это была книга «Что такое литература?». Французы подарили мне также текст «Молитвы» Сент-Экзюпери и познакомили в общих чертах с идеями его «Цитадели». Саму книгу я прочел в русском переводе уже в 1990-х годах.

Познакомили меня мои подопечные и с некоторыми подробностями биографии летчика-писателя. Я, например, узнал, что Сент-Экзюпери мог быть участником знаменитого полка «Нормандия-Неман». Во всяком случае, писатель рвался поехать в небо России. Но де Голль не разрешил такую командировку, оберегая жизнь знаменитого соотечественника.

Короче говоря, у меня к Сент-Экзюпери давнее и глубокое тяготение, как к очень близкому, родному по духу поэту, чья проза — «стихия стиха». А еще как к героической личности, где мысль, слово и дело слиты воедино. Могу сказать даже, что это мой самый любимый западный писатель.

Поэтому я позволил себе перевести прозаический текст «Молитвы» Сент-Экзюпери стихами.

МОЛИТВА

Я не прошу, о, Господи, явлений и чудес.
Дай силы мне пройти через житейский лес,
Где надо сделать остановку, но не ради пустяков.
И научи искусству маленьких шагов.
Пошли мне воздержание и меру при ходьбе,
Чтоб не порхал над жизнью, не прыгал по судьбе.
Чтоб видел главное, когда прижмет беда,
Чтоб наслаждался я искусством иногда.
Ты знаешь, Господи, что все мои мечты
О том, что было и что сбудется, — пусты.
Дай чувствовать всегда Твою благую весть
И действовать сейчас, немедленно и здесь.
Мне ясность подари, ведь путь любой не прям,
В нем много скользких луж, прикрытых грязью ям.
Напомни: нет причин печалиться о том.
В любых препятствиях мы зреем и растем.
Напоминай почаще мне, коль не туда иду,
Что сердце и рассудок бывают не в ладу.
Пошли кого-нибудь от имени Тебя,
Кто правду скажет мне открыто, но любя.
Я знаю: иногда захлестывает плен
Излишней суеты в решении проблем.
Так научи меня еще искусству ждать,
Терпенью научи, чтоб чуют Благодать.
Ты знаешь, как нужны сердечность и приязнь.
Да буду я таким, вступая с кем-то в связь.
Чтоб мог я молча, несмотря на ложь и зло,
Отправить хоть кому-то правду и тепло.
Пошли умение помочь всем страждущим во тьме

И не бояться, коль чего-то не хватило мне.
Дай не того, чего хочу, — но исполнения долгов...
И научи искусству маленьких шагов.

Я убежден, что такие писатели, как Экзюпери, обрели бессмертие и заслужили себе право пребывать вместе с другими бессмертными мастерами пера на Парнасе — в литературном раю, который обязательно должен быть и попасть в который мечтает каждый серьезный поэт. Я написал об этой мечте стихотворенье, где Экзюпери стоит вместе с другими бессмертными художниками на самой высшей ступеньке поэтического неба. Привожу отрывок из него:

*Нас, разделенных временем-пространством,
Живущих друг от друга вдалеке,
Невидимое связывает Братство.
Надеемся когда-то долететь
До дальних звезд,
Где Сердце Мира бьется,
И там — в лучах немеркнувшей зари —
Нас встретят Леонардо, Пушкин, Моцарт,
Есенин, Лорка, Сент-Экзюпери.
Склонимся вместе над священной чашей
Грааля заповедного — и в путь,
В обратный путь к Земле заблудшей нашей,
Ей радость и достоинство вернуть.*

РОБЕР ДЕСНОС
(Robert Desnos)
(1900—1945)

Французский поэт, писатель, журналист. Поэт большой искренности, ясности, инстинктивно тяготевший к классической традиции, хотя прошел период формальных экспериментов, увлечения дадаизмом, сюрреализмом и так называемым «автоматическим письмом». На последнем стоит остановиться подробнее как на живучем до сих пор реликте.

Во французской поэзии сложилась целая поэтическая школа приверженцев подобного «письма», включавшая кроме Десноса такие имена, как Аполлинер, Супо, Арагон, Элюар и др. Основателем и главным теоретиком школы считается Андре Бретон, пропагандировавший «изоляцию разума», «устранение цензуры

ума» как необходимого условия полной свободы творчества и умения писать под диктовку «высших сил».

С одной стороны, теория «автоматического письма» уходила корнями в античные и средневековые мистические практики, с другой — Бретон ссылался на опыт Бодлера и Рембо, употреблявших для ликвидации «цензуры ума» наркотики. Нет возможности и необходимости дальше останавливаться на данной методике, достаточно сказать, что наркотики и соответствующие оккультные практики до сих пор используются для достижения измененных форм сознания в ряде современных мистических и психологических школ.

Хотя проблема «устранения цензуры ума» действительно существует в духовных практиках всех мировых религий, правда, под иными названиями, но неграмотно используемая, а главное, лишенная духовной традиции, она весьма опасна. Вместо контакта с «высшими силами» можно связаться с адской «нежитью» или лишиться рассудка.

Что касается вышеназванных французских поэтов, то в подавляющем большинстве они порвали с сюрреализмом и практиками «автоматического письма». Гийом Аполлинер сделал это в сражениях Первой мировой войны, Арагон и Элюар, пройдя через Соппротивление, — во Второй мировой войне. Деснос вообще полагал для себя невозможным зависимость творчества от разных школ или от политики. После вступления Арагона и Элюара в компартию порвал с сюрреалистами, работал журналистом в ряде газет, писал о кино, джазе, на французском радио создал сериал о Фантомасе.

Но как ни стремился писатель уйти от политики, она нашла его во время войны. Он стал активным участником движения Сопротивления, время оккупации провел в Париже, писал антифашистские статьи под псевдонимами. Деснос даже ухитрился легально публиковать сборники стихов, куда вставлял зашифрованные, но понятные французам образы и намеки, призывавшие к сопротивлению врагу. В подпольной книге «Честь поэтов» опубликовал стихотворение «Завещание», где, используя образ Виктора Гюго, поэт оставил такие строки:

«Да, человек ушел. Но через нотариуса
Передал свою волю, свое завещание:
Тот нотариус — Франция.
А завещана нам — Свобода».

Наверное, этот образ навеял его другу Полю Элюару собственное стихотворение с таким же названием и побудил его так сказать о Десносе: «Самый непосредственный. Самый свободный, всегда одухотворенный... и самый мужественный из людей».

Закончил свою жизнь Деснос героически: был арестован гестапо, прошел через несколько концентрационных лагерей, в том числе через Бухенвальд. Писал стихи и там, но они не сохранились. Скончался как узник концентрационного лагеря от голода и тифа в Чехословакии.

ПОД ПОКРОВОВОМ НОЧИ

Силуэтом в окне невысоком
Возникаешь туманная ты.
Не раздергивай шторы у окон,
Не спугни моей хрупкой мечты.
Но окно открывается ветром,
Шторы крутятся, словно листы.
Между ними в отверстии светлом
Ясно вижу, что это не ты.

Я столько в жизни думал о тебе
И так прирос судьбой к твоей судьбе,
Что мне не остается ничего,
Как тенью стать у солнца твоего.
Заходит солнце — исчезает день.
Куда же деть мне собственную тень?

Ко мне опять во сне пришла любовь
В обличии моих минувших сказок,
Где наслажденье переходит в боль,
А безрассудство покоряет разум.
Но с возрастом уходят мгла и блеск,
Даль видится глазам бездонно-синей,
И мы в ней — как изломы черных линий,
Похожие на холмики, на лес...
Любовь же посылает вечный зов

Поверх любых реальностей и снов
Стремиться только к неизвестным далям.
Она напоминает также нам
Приглядываться к сказкам или к снам,
Но не привязывать себя к деталям.

ПЕЙЗАЖИ

Когда их вижу, прихожу в восторг,
Но если ты там есть подобьем солнца.
Все прочее овечками пасется
На пасторалях чувств моих и строк.
Мне без твоей волшебной красоты
Все краски жизни растворяет слякоть.
Я совершенно разучился плакать,
Когда узнал, что есть на свете ты.
Тебе ль меня похоронить придется
Иль мне тебя на кладбище земном,
Когда переселиться в Отчий дом
Черед настанет, что нам остается?
Солгать, что были мужем и женой
В сей странной нереальности земной?
Но если кто стоит у истины на страже,
То разве лишь они — наивные пейзажи.

ЭПИТАФИЯ

Мой век недолгим был, я так же быстро умер.
Вино свободы пил, живя среди рабов.
И кто-то меня мудрый надоумил
Чтить более любых даров любовь.
Она дарила мне часы и годы счастья.
Не вырву ни одной из жизненных страниц.
Менялись дни, сезоны, моды, власти —
Я пил нектар любви и слушал пенье птиц.
Живые! Все, чем я владел, — отныне ваше.
Храните же его, как я его хранил,
Бесценный мир. Он был мне часто страшен
Своим бездушием, но неизменно мил.
А по костям ходите, как хотите,
Там нет ни чувств, ни разума, ни прыти.

РЕНЕ-ГИ КАДУ
(René Guy Cadou)
(1920—1951)

Был сельским учителем, рано стал писать стихи и уже в 17 лет выпустил свой первый сборник. Стихи Рене-Ги Каду сегодня не без труда можно найти в Интернете, хотя в свое время он был даже основателем так называемой «Рошфорской школы» (название от городка Рошфор на Луаре). Она объединяла группу поэтов, которые проповедовали возвращение лирической поэзии от головных формальных ухищрений к сердечности, естественности, безыскусственности, одним словом, к тому, что Борис Пастернак называл «неслыханной простотой». Говоря языком французов, Каду повернул французскую поэзию от «высоколобости» к «высокосердечности»

и воспел ценности, «доступные любому бедняку: ветер, огонь в очаге, хлеб».

Рене-Ги Каду считали непосредственным преемником поэтической линии Ронсара и Франсиса Жамма. «Словарь современной литературы» писал: «Каду — единственный наследник традиции великих французских поэтов, пустивших корни в глубину французской земли». Так же как и Жамм, высоко ценил значение сельской жизни для поэта. Исследовательница французской поэзии Т. В. Балашова напоминает, что Каду в 1949 году даже написал стихотворение «Ода Есенину», где он сопоставляет собственную деревню с образом есенинской деревни и соглашается с русским гением, что «можно умереть от любви к родному краю».

Всю свою недолгую жизнь этот поэт провел в провинции, учительствуя в сельских школах западной Франции. В годы фашистской оккупации, когда целый ряд деятелей культуры пошел на сотрудничество с оккупантами под лозунгом: «Лучше жить на коленях, чем умереть стоя», Рене-Ги Каду предложил другую формулу: «Жить с провалившимся брюхом — можно; ползать на брюхе — никогда!».

ВЕРУЮ

Не верю я ленивой скуке.
Но верю в каждый
Божий день,
В самостоятельные руки

Склонившихся в полях людей.
И Бог на небе мне по вкусу,
Когда Он, сапоги надев,
Шлет на десерт поэту музу
К похлебке всех крестьянских дел.

СВЯТОЙ ФОМА

Кто Ги Каду, что за поэт?
Ран от гвоздей на руках его нет.
Кто его предки, мать и отец?
Где его истины все, наконец?
Есть ли свидетельство хоть где-нибудь,
Что на Голгофе закончил свой путь?
Мне прикоснуться надо к нему
И убедиться во всем самому:
Холост, женат, престарел или юн?
Новый пророк или маленький лгун?
Мне покажите тот хлев или дом,
Где он когда-то родился Христом.
И отчего неказист его стих?
Много в нем строчек корявых, простых.
И набегают волна за волной
Все они, словно на берег прибой.

Я скитался всю жизнь по убогим жилищам,
Там, где дряхлая мебель томится в тоске
И откуда жильцы разбрелись по кладбищам
Новоселье справлять не под мрамор — в песке.
Никогда не сумел бы я жить по-иному
И свой образ и Тайну спешил воплотить
Не в роскошных квартирах, не в барских
хоромах,
Но схватившись за светлую детскую нить.
Да, мой жребий в сплетенье причудливых линий,
И в трудах, и в борьбе, и в колечках волос...
Только сердце поэта живет и поныне
Там, где птицы поют в оперении грез.
Я лишился ума в милых маминых ручках,
В них учился я солнце держать в кулачке,
Остальное потом приобрел самоучкой —
Стихотворные ритмы и слезы в зрачке.

**ИЗ СБОРНИКА
«ЕЛЕНА, ИЛИ ЗЕЛЁНОЕ ЦАРСТВО»**

Ты в поле, ты в саду, ты на губах поэта
Поешь всегда светлей, чем иволга с утра.
Дарю Тебе себя, а мне пошли за это
Твой самый черный труд. Пришла на то пора.

И все исполнится Твоей и нашей волей,
Лишь стоит обратить к высотам горным взгляд.
И школьники, уроки кончив в школе,
Тебя, одну Тебя послушать захотят.

Нагнись и объясни, чтоб услышали травы,
Скажи волам, что Ты не знаешь зла.
Что милосердны все, что изначально правы,
Что Ты своей любовью мир спасла.

Быть может, ты одна живешь, в такое веря,
Тебе дано снимать грехи, как волдыри.
Ты к свету ясному в нас открываешь двери,
И бесов изгоняешь, которые внутри.

Но это все вдали, Твой сладкий запах хлеба
Готов я ждать хоть сто, хоть двести долгих лет.
Но ты уже со мной, как солнце и как небо,
Я — твой, Елена, твой рабочий и поэт.

ПОДРАЖАНИЯ

Пьер Жув (347)
Сен-Жон Перс (352)
Луи Арагон (355)
Жак Превер (360)
Раймонд Кено (365)
Эжен Гильвик (370)
Рене Шар (373)
Андре Френо (376)
Жак Брель (379)

ПЬЕР ЖУВ
(Pierre Jean Jouve)
(1887—1976)

Французский поэт, прозаик, переводчик, автор эссе. Был хил здоровьем от рождения, что не помешало достигнуть почти 90-летнего возраста.

Объединял в своем мировоззрении католицизм с мистикой, толстовством и психоанализом Фрейда. Столь причудливый духовный симбиоз — вовсе не результат книжной всеядности поэта, но итог духовного озарения, пережитого Жувом в возрасте 38 лет.

В результате религиозного перелома поэт обратился не столько к догматическому богословию, сколько к откровениям мистиков европейского Средневековья (Франциск Ассизский, Иоанн де ля Крус, Екатерина Сиенская), к религиозным ис-

каниям предшественников: Кьеркегору, Бодлеру, Нервалю.

Был убежденным пацифистом, смысл жизни видел в любви и сострадании к людям. В годы Второй мировой войны находился в эмиграции в Швейцарии, где писал стихи и статьи, составившие, как говорят биографы, «основу интеллектуального Сопротивления Франции». После освобождения страны от гитлеровского гнета Шарль де Голль назвал Пьера Жува «уникальным переводчиком французской души всех последних лет».

В заключительные годы жизни писал стихи, романы, мемуары, проникнутые тревогой о надвигающемся Апокалипсисе.

ТКАНЬ ЗНАМЕНИ ПАРИЖА

Ты весело колышешься под ветром
Или лежишь на камне без морщин.
Ты служишь знаком дорогим и светлым
Для воинов — и женщин, и мужчин.
Ты цвета разного. Есть цвет махровой розы.
Не тот, что теплой нежностью багров,
Но тот, что нам напоминает грозы,
Марата не оплаканную кровь...
Есть белый цвет. Он, словно на картине
У старых мастеров с заметной желтизной
Смягчает жесткость ярко-красных линий,

Так солнца зной сменяется луной.
А синий четок, беспощаден, светел.
Как небеса, где не увидишь дна.
Где в Божьи мысли посвящен лишь ветер
И где безгрешность царствует одна.
Три цвета есть, объединенных Словом.
Священная нас призывает ткань:
В бою изнемогающий, воспрянь,
Поверженный, уверуй — что не сломан!
Повелевает долг забыть любые страхи,
И душу выковать, пускай звенит, как медь.
Земля зовет не забывать отваги.
Три цвета шелестят: Свобода или Смерть.

НЕБО

Нет в небе ни границ, ни веса, только вечно
Куда-то в высоту зовущая нас синь,
Там нет ни бурь, ни слез, ни лет, ни зим.
Везде царит Ничто, рождающее Нечто,
И вечный Свет, и непроглядный Мрак...
Оставь же землю, утомившийся моряк,
Ненужный грусти груз отправь в глубины,
Сам душу устреми к просторам голубиным,
Где неизменно светится маяк.

МАНЕКЕНЫ

В свободомыслящем Париже
Возникли всюду манекены.
Они столбов фонарных выше,
Тверды, как каменные стены.
Неведомо таким смятенье,
Не чуют нынешнего срама,
Накрытые рекламной тенью,
Увы, рогатого Нотрдама.
И Бог, и рыцарская юность
Для манекенов — день вчерашний.
Не мучают их мысли плюнуть
На пошлость с Эйфелевой башни.
По тем же городским бульварам,
Взгляд от земли поднять не смея,
Бродила в одеянье старом
С небес спустившаяся фея.
На окна мутные глядела,
В глаза ходячих автоматов.
Как уловить она хотела
Живой огонь ответных взглядов!
Молилась, чтоб созрели сроки
Для жизни юной и нетленной,
Где все парижские дороги
Согреты замыслом Вселенной.

В душе моей возникла светлая печаль.
Она с улыбкой породнилась в хоре.
Приходит ночь, отлив уходит в море.
Загадочна и неизменна даль.
Когда ты много мучился, поэт,
Ни страхов, ни желаний больше нет.

**СЕН-ЖОН ПЕРС
(Saint-John Perse)
(1887—1975)**

Родился на острове Гваделупа, в ту пору французской колонии. Образование получил во Франции, жил и работал в Европе, Азии, Соединенных Штатах Америки.

Нобелевский лауреат (1960), сделавший успешную дипломатическую и поэтическую карьеру. Несколько лет был заметным сотрудником во французском посольстве дореволюционного Пекина. Настоящее имя — Алексис Леже, псевдоним составлен из соединения имени святого апостола Иоанна (во французской огласовке Жана, или Жона) и древнеримского поэта начала нашей эры Персия. Возможно, этим псевдонимом Сен-Жон Перс хотел под-

черкнуть универсальность своего мировоззрения, соединявшего античный стоицизм, строгую христианскую мораль и восточную религиозность. Как и его предшественник Персий, обличал современные нравы за приземленность. Но обладал, естественно, более широкими взглядами, прожил втрое дольше Персия, почти дожил до эпохи глобализации и едва не достиг возраста автора четвертого Евангелия.

Писал, подобно своему учителю Полю Клоделю, ритмизованной прозой, иногда включая в нее рифмы. Мой перевод Перса весьма вольный, навеянный лишь некоторыми идеями и образами ритмической прозы французского поэта, которые, кстати сказать, сами дают основание для различных ассоциаций. Главная идея Сен-Жона Перса, проходящая через его поэмы «Анабасис», «Дружба принца», «Хроника», «Птицы» и другие, — идея целостности мира, принятия высот и изнанки, радости и страдания как некоего горнила, подталкивающего к вечным полетам вверх.

ПТИЦЫ

(Фрагмент из одноимённой поэмы по её мотивам)

Из родичей всего нам ближе птицы,
И в небе у них дом, и на земле.
Поэтому нам вовсе не годится
Претендовать на первенство в семье.
Летают птицы вольно днем и ночью,
А наше небо связано со сном.

Мы тучи видим издали воочью,
Они же их касаются крылом.
Но есть поэт, художник, композитор,
Друг мысли и поклонник тишины.
Ему не нужно снов и реквизитов,
И крылья для полетов не нужны.
Умеющий подняться над пределом
И в вакууме может задышать.
Нас держит на земле совсем не тело.
У нас ограничение — душа.
Дана ей радость овладеть обзором
Божественных надмирных областей
И наглухо связать себя позором
Привычек, денег, пошлости, страстей.
Душа на миг не может отворотиться
От тяжких гирь, коль видит только дно.
Когда, как в клетке пойманная птица,
Поет лишь, если принесут зерно.
Но ни душа, ни тело — не помеха
Тому, кто устремлен всегда наверх,
Кто шаг за шагом превратился в эхо
Заоблачных непокоренных сфер.
Я не монах, не укоряю совесть
За то, что тянет вниз меня земля.
Мне воспитать бы в сердце невесомость,
Неуязвимость неба и нуля.
О, аскетизм надмирных пребываний!
О, сладкий жар, когда летает дух!
Я создаю в себе единство двух
Восторгом бескорыстных упований!

ЛУИ АРАГОН
(Louis Aragon)
(1897—1982)

Известный французский поэт и прозаик, лауреат Гонкуровской премии. Луи Арагон был в свое время не менее популярен в Советском Союзе, чем Поль Элюар. Кроме стихов русскому читателю известны переводы книг его прозы. Автор многочисленных статей о природе искусства, защищающих классические формы поэзии и рифму, от которой французские поэты середины века начали все чаще отказываться и переходить в верлибр. На примере Арагона в каком-то смысле можно говорить и о прямых родственных связях французской поэзии с русской. Жена Арагона Эльза Триоле и возлюбленная Маяковского Лиля Брик были родными сестрами (в девичестве — Каган).

Поэт прошел через дадаизм, сюрреализм, реализм в литературе. В 1927 году вступил в ряды ФКП и был членом ее высшего руководства. Хотя французская компартия находилась под сильным влиянием русских коммунистов, она с момента возникновения и до сих пор содержит множество фракций, от троцкистских и анархистских до «либертальных» (не ошибка, но официальный термин, производное от слова «либертэ» — свобода). «Коммунистическим вольнодумцем» был и Арагон, в свое время оказавший немалое влияние на руководство КПСС, в частности, на ее политику по отношению к советским диссидентам.

В предлагаемой подборке поэта присутствуют антифашистская лирика, которая наполнена чувством солидарности с Москвой во время войны, и великолепное стихотворение «Не бывает счастливой любви», которое было переложено на музыку и исполнялось знаменитым шансонье Жоржем Брассенсом. По словам биографов, стихи посвящены Эльзе Триоле, с которой поэт находился в очень сердечных отношениях и в браке на протяжении сорока лет.

СЛУШАЙ, ФРАНЦИЯ, ГОЛОС МОСКВЫ

Слушай, Франция, вовсе не скорбную мессу.
Чья-то песня веселая шелесту вторит листья.
Слушай, Франция, эту мелодию ты.

Чьи-то руки к тебе пролагают мосты,
Прилагая к словам незнакомым твою
«Марсельезу».

Как мелодия эта дорогу в Париж отыскала
И как юно звучит, ведь в эфире почти не слышна.
Это значит, что солнцу случайная тьма
не страшна.
Это значит, сражается с громом войны тишина.
Это значит, и мы не мертвы, не к лицу
и тоска нам.

Бьются наши сердца, этой песне свободной
внимая.
Проплывают в глазах незабвенные древние сны.
Жанна д'Арк нам внушает священный завет
старины —
За достоинство и непреклонность страны
Вместе с нами, с Россией свой меч поднимает.

Слушай, Франция, ты не одна в этом
бешеном мире.
Не всегда будет длиться позорная серая мгла.
Если хочешь, чтоб песня тебе помогла,
Ты борись и берись засучив рукава за дела.
Слушай, Франция, русскую суть «Марсельезы»
в эфире!

БОЛЬШОЙ ТЕСНЫЙ МИР

Куда от пожара бежать,
Если я сам пожар,
То есть сухая солома —
Угроза для каждого дома.
Если во мне огонь
Вспыхнет — только затронь.
И нет спасения, кроме —
Лишить меня жаркой крови...

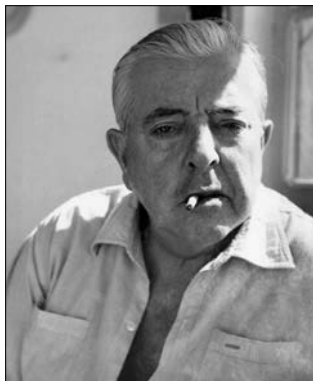

НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ

Наша жизнь на отряд безоружный похожа,
На забытый богами потерянный взвод.
Так зачем нам с утра отправляться в поход,
Если к вечеру в поле никто нас не ждет,
А в заплечном мешке непосильная ноша?
Не бывает счастливой любви —
У нее слишком тонкая кожа...
О, любовь моя, сбитая в воздухе птица,
Кто тебя подстрелил и зачем я пою?
Ведь не видят прохожие ношу мою,
Повторяют за мной только песню свою,
Что я спел о глазах твоих и о ресницах.
Не бывает счастливой любви,
Ведь она только снится.
Нам, любовь моя, жизни учиться уж поздно!
Сколько силы уходит на нервную дрожь.

Сколько грусти потратишь на злобу и ложь.
Сколько горя хлебнешь, пока вслух запоешь,
Чтобы слушали горы, равнины и звезды.
Не бывает счастливой любви,
Она видится грозной.
Не бывает любви без дождей и без сереньких
тучек.
Не бывает любви без потерь, как на всякой
войне.
Не бывает любви ни к тебе, ни ко мне,
ни к стране
Без предательств, рожденных в ночной тишине.
Не бывает любви, чтобы жить беззаботно,
не мучась...
Не бывает счастливой любви,
Такова наша общая участь.

ЖАК ПРЕВЕР
(Jacques Prévert)
(1900—1977)

Известный французский поэт и кинодраматург. Подобно очень многим поэтам Франции XX века, прошел через движение сюрреалистов, сблизился с коммунистами. Активно участвовал в театральной группе «Октябрь» при ЦК ФПК, сотрудничал с Полем Элюаром и Луи Арагоном. Кстати, последний одно время был заведующим отделом культуры ЦК компартии Франции.

В 1933 году вместе с вышеназванной театральной группой побывал в СССР, где гастроли зарубежных артистов, разделявших советские идеи, прошли с большим успехом при переполненных залах. Но подписывать благодарственное письмо Сталину от

имени группы, как это было принято в те времена, решительно отказался. Так же как и от вступления в ряды ФКП, несмотря на уговоры друзей. Отшучивался: «Я, конечно, мог бы вступить в коммунистическую партию, но ведь вы меня тут же упрячете в коммунистическую ячейку» (по-французски «ячейка» переводится как «клетка» или «камера»).

Столь же решительно сторонился всякой политики, хотя написал немало сценариев и памфлетов, обличающих буржуазные порядки, обывателей, казенщину, церковь. По этому поводу Сальвадор Дали заметил: «Жак воюет с ненавистным ему злом не бомбами, а петардами». Писал киносценарии, по которым ставились фильмы с участием знаменитых актеров. Самые известные из них — «Набережная туманов», «Забавная драма», «Вечерние посетители», «День начинается», «Дженни», «Ночные двери», «Дело в шляпе».

Особенностью сценариев Превера считается сочетание высокой поэзии и реализма. Одной из вершин кинематографии признан фильм по сценарию Превера «Дети райка». Однако главным видом своего творчества Превер считал стихи. Их не только читали, но и пели, причем лучшие певцы Франции: Катрин Соваж, Ив Монтан, Жюльетта Греко, Симона Синьоре, Тино Росси, Серж Генсбур. Очень популярны во Франции преверовские «Опавшие листья» в певческой программе Эдит Пиаф. Он сразу стал знаменитым и любимым поэтом Франции — его первая книга «Слова» (1946) была в течение нескольких лет продана тиражом 3 миллиона экземпляров.

Секреты успеха Превера — в сочетании нескольких факторов: широты тематики, своеобразной городской народности, которая дает в стихах голос самым разным героям с улицы, умения говорить с людьми просто, ясно, доступно и вместе с тем используя яркие, запоминающиеся образы, любимой французами иронической интонации, отказа от интеллектуального снобизма и высокоумия, который он выразил так: «Интеллигентский мир почти мгновенно лгать начинает вдохновенно».

КРУГООБОРОТ ПРОГРЕССА

Все меньше леса остается на земле.
С ним человек вступил в отчаянную драку.
Деревья гибнут в дымной полумгле
И превращаются в газетную бумагу.
На ней печатают тревожные статьи,
Что в скором будущем исчезнет лес почти.

ЧУДО

Обнаженная женщина в южном купается море,
Бородатый мужчина идет по воде рядом с ней.
Вот уж много веков мудрецы спотыкаются в споре,
И какое же чудо из явленных этих чудней?!

ОСКОЛКИ ЗОВА

Человечек во мне напевал
Беззаботные песни везенья,
Наступив на шнурок свой, пал
И рассыпался льдинкой весенней.
И другой во мне голос возник,
Твой, далекий, родной, глуховатый,
Звал меня за собой он куда-то
От привычной житейской возни.
Я в ответ не смутился нисколько,
Говорю ему: — Чуть погоди...
Две ладони скрестил на груди —
И порезался эхом осколков.

КАК НАРИСОВАТЬ ПТИЦУ

Сперва обозначьте клетку
С большой и открытой дверцей.
Туда поместите ветку
И ваше поющее сердце.
Рисунок в лесу или в поле
К дереву прикрепите.
Спрячьтесь (не любят неволи
Птицы).
И не дышите.
Порой ваша птица с ходу
В клетку пустую садится.
Иногда же проходят годы —
Не появляется птица.

Ждите с нею свиданья,
Лет не считая ваших,
Потому что срок ожидания
Для вашей картины неважен.
Когда же явится гостя,
А она прилетит непременно,
Мысли любые отбросьте
Сделать певунью пленной.
Дождитесь, чтоб в клетку влетела,
Кисточкой дверцу закройте.
А после легко и смело
Темную клетку сотрите.
Дерево изобразите
На голубом поднебесье,
Птицу туда посадите,
Птичьих дождитесь песен.
Если же ей не поется,
Это примета дурная,
Может, ей мало солнца
Или причина иная.
Но если птица запела,
Вы с нею тоже спойтесь.
И можете ставить смело
Под вашей картиной подпись.
Но с этим не слишком спешите,
Стальное перо не годится.
Подпись свою напишите
Перышком вашей птицы.

РАЙМОН КЕНО
(Raymond Queneau)
(1903—1976)

Французский писатель, поэт, эссеист, переводчик. Настоящее имя — Мишель Прель. Начал как сюрреалист, затем создал собственную литературную группу «потенциальной литературы», которую возглавил как «трансцендентальный сатрап». Суть творчества Кено можно определить как безбрежные эксперименты в языке, метрике, комбинации жанров и т. п., где свободно уживаются архаизмы с неологизмами, математическая шарада с нежной лирикой, грубый жаргон с изысканной куртуазностью.

Игровой момент в поэзии Раймона Кено часто зашкаливает, переступает все пороги «водевильности», за что упрекал французскую поэзию Альфред

де Виньи. И хотя в своем стихотворении «Искусство поэзии» Кено рекомендует меру, ироническая улыбка в его стихах явно преобладает даже в стихотворениях на темы, которые улыбке вроде бы не подлежат. Например, такие как «жизнь — смерть».

Как бы то ни было, Раймону Кено не откажешь в высоком мастерстве, изяществе, тонком чувстве юмора. Временами сквозь литературную игру в нем прорывается очень большой поэт, продолжающий главные идеи французской поэтической традиции.

В своей подборке я не касался «экспериментальной» манеры Кено. Также не делал это и в отношении других современных поэтов Франции, переводя их стихи привычной русской метрикой, верлибры — рифмованной строфикой. Да простят мне этот грех переводчики-профессионалы...

НЕ ТАК УЖ Я БОЮСЬ

Не так уж я боюсь с самим собой расстаться,
Утратить хоботок и крылья заодно.
Не страшно мне, что вычеркнет пространство
Из жизни комара по имени Кено.
Ну, смолкнут перестуки пишушей машинки,
Ну, полки пыльных книг с моих исчезнут глаз.
Нелепо горевать о гибели снежинки
Тому, кто ледоход описывал не раз.

Мне хочется легко покинуть стол рабочий,
Ручьи своих стихов в бумажных берегах.
К загадкам смены тел, к своей последней ночи
Питаю интерес куда сильнее, чем страх.
Зачем пугать себя могильною лежанкой?
Приятней помечтать, что ты в сплошной ночи
Лежишь наедине с красавицей-южанкой,
Чьи черные глаза, как свечи, горячи!
Боюсь иных томительных историй,
Болезней и тоски лежачей наяву,
Когда они между собою спорят,
Держать иль не держать поэта на плаву.

В МЯСНОЙ ЛАВКЕ

Свершаю по Парижу
Воскресный терренкур.
Что на витрине вижу?
Ножи и тушки кур.
В подвале темном лавки
Мой различает взгляд,
Рекламу на прилавке:
«Котлеты из телят».
Теленком без оглядки
Я бегал по траве.
Со мной босые пятки
И ветер в голове.
Газету покупаю
В киоске на углу.

Там о себе читаю
Различную хулу.
Разделявают складно
Поэта.
Ну и ладно...
Разбился самолет,
К нам ураган идет.
А где-то на неделе
Ребенка волки съели.
Слова, слова, слова...
Звереет голова.

ПРИЛИВ

Нахлынет к берегу прилив,
Как к людям новость.
Волной былые вести смыв,
К иным готовясь...

Ему несносно жить в тиши,
Он горы рушит,
А также жизнь любой души
То жжет, то сушит.

За ним вскипает по пятам
И тает пена.
В нем, изменяясь здесь и там,
Жизнь неизменна.

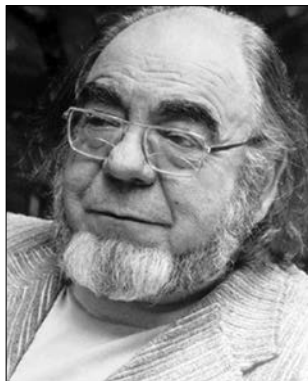
Прилив, отлив, опять прилив,
То день, то звезды...
Бог мир создал, не объяснив,
Зачем Он создал.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Из печки мира выньте слово
(Чтобы вернуть на угли снова),
Умом посыпьте, но немножко,
Сердечности подбросьте ложку.
Улыбки чуть, щепотку соли.
Большой кусок любви и боли.
И долго все варите это
На вашем творческом огне.
Но прежде в звездной тишине
Однажды вспыхните поэтом.

ЭЖЕН ГИЛЬВИК
(Eugène Guillevic)
(1907—1997)

Французский поэт, экономист, лауреат ряда литературных премий Франции. Гильвик — почти наш современник, симпатизировавший СССР и переводивший стихи с русского и украинского. В 1943 году он вступил в компартию Франции, одновременно с Полем Элюаром активно участвовал в Сопротивлении.

Гильвик (он обычно не приписывал к фамилии свое имя) — типичный представитель именно «высоколобых» интеллигентов, я ничуть не иронизирую, но использую принятую во французской филологии терминологию в самом лучшем ее значении. Его короткие по размеру стихи, иногда в одну-две

строчки, полны недосказанностей, аллюзий, стремления проникнуть в философскую суть предметов и явлений, то есть в Несказуемое. Вместе с тем они очень глубоки, просты и точны. Один из его биографов пишет: «Поздний Гильвик — это поэт, чьи стихи по краткости и емкости ближе всего к японским хайку. Всего три строки, и за ними удивительный образ:

У птицы в горле
Хранится образ
Грядущих весен».
(Э. Гильвик)

Какой-нибудь певчий дрозд
На вид некрасив и прост,
Когда он у всех на виду
В кустах себе ищет еду.
Но стоит забыть про снедь
Бродяге и вдруг запеть,
Как песня, сливаясь с пространством,
Становится общим Прекрасным.

Утро придет или ночь,
Будет однажды дождь
Следовать за облаками,
Падать в поля и на камень.

Будет он травы растить.
Будет он камень долбить,
Рушить древние стены,
Сооружать перемены.
Нужен облачный плен
Каплям. Руинам — тлен.
Нам и свет, и ненастье
Даны для понятия счастья.

Беззвучно деревья качались в печали,
Когда над покойником речи звучали.
Спокойно сияло лазурное небо,
Над гробом склонившись бесстрастно и немо.
Молчал и ушедший без тени эмоций.
Для плаванья там не написано лоций.
Природа такой подтвердила вердикт —
Где смерть, там бессмысленно что-то твердить.

РЕНЕ ШАР
(René Char)
(1907—1988)

Французский поэт, лирик, мастер стихотворных афоризмов. Начал как сюрреалист, публиковался в журналах «Сюрреалистическая революция», «Сюрреализм на службе революции». В 1935 году отошел от этого направления.

В годы Второй мировой войны активно участвовал в Сопротивлении, был командиром партизанского подразделения.

После войны издал книгу «Листки Гипноса», находящуюся на грани стихов и прозы, а также сборник стихов «Ярость и тайна», которую Альбер Камю назвал «самым поразительным явлением французской поэзии после «Озарений» Рембо и «Алкоголей» Аполлинера».

Заметную роль в мировоззренческой эволюции Рене Шара сыграло знакомство с философом Мартином Хайдеггером, что впоследствии нашло отражение и в творчестве поэта.

Шар — кавалер ордена Почетного легиона, во Франции учреждена премия его имени, есть дом-музей писателя.

ПРОЩАНИЕ С ВЕТРОМ

На склоне холма за селом
Растет островок мимозы,
Там ветер приносит днем
То грозы и слезы, то грезы.
Возможно, вы встретите там
Картины ушедшего рая
И женщину, что по цветам
Бредет, букет собирая.
Не пробуйте заговорить,
Сойдите с ее дороги,
Начните молитву творить
О ней, о себе, о Боге.
И, может быть, вам повезет
Поймать золотую рыбку,
Когда мимоходом пошлет
Она вам свою улыбку.

ИЗ «ЛИСТКОВ ГИПНОСА»

На трапезы наши свободу зовем, но место пустует всегда за столом.

Стань зеркалом нашего мира всего и самой невидимой гранью его.

Свет ушел из открытых и ясных очей в подземелье кишечных ночей.

Повторить бы изгнаннику путь и в глаза его наши вернуть.

Наконец-то без всякого гнева наши судные сроки пришли

Под присмотром презрительным неба и с такой же печалью земли.

Когда выскакивают рамы из фасада и дом наш общий оказался на краю

У бездны, ожидать рассвета надо, встречать с улыбкой человечества зарю.

АНДРЕ ФРЕНО
(André Frénaud)
(1907—1993)

Поль Элюар, с которым А. Френо сотрудничал в годы Сопротивления, назвал стихи своего товарища «поэзией сражающейся истины». Мобилизованный в 1939 году в ряды французской «бездействующей армии» поэт испытал позор поражения в «странной войне», был интернирован и два года провел в гитлеровском заключении. Воспользовавшись подложными документами, бежал, работал в подполье Сопротивления.

Поэзия Френо проникнута мужеством, стоицизмом, человечностью. Он говорил, что если «душат поверженных и безжалостны к чистым сердцам», то истинный поэт должен быть готов «стрелять и петь».

Это один из тех случаев во французской поэзии, когда можно сказать о полном отсутствии всякой тени «водевильности».

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ

Я держу свою жизнь за вожжу.
Если с ней прогуляться хожу,
Не даю ей потачки нигде,
Ни в утехах своих, ни в беде.
Я гулять ее в мир вывожу.
Не теряю из виду нигде,
Ни в утехах своих, ни в беде.
С ней порой по кладбищу брожу,
На могилы с улыбкой гляжу.
Потому что ушедших семья
Ни о чем не скорбит, как и я.

ЖИЗНЬ

Жизнь посылает на ходу
То смех и радость, то беду.
Пообещает сто наград —
Одной, возможно, будешь рад.
Ну, две пошлет, четыре даже...
За это десять раз накажет.
Но в целом ласкова она,
К тому ж у всех у нас одна.

МОЙ САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДОМ

Я из камней построил дом,
Чтобы жилось по сердцу в нем
Котятам, любящим мышат,
Мышатам, любящим котят.
Чтоб голубь в нем клевал зерно,
Глядело солнышко в окно.
Чтоб с детворою был знаком.
С гостями, с песнями, с вином...
В том доме нет угрюмых стен,
Солдат печальных, взятых в плен.
Не знает дом господ и слуг,
Здесь не присутствует испуг.
Нет президентов и попов,
Зато есть дружба и любовь.
Вот для чего сложил я дом
И написал стихи о том.

НЕБЫТИЕ

Когда к тебе, небытие, приду,
Не зацепи поэта на ходу
За память, за злословие, за числа...
Я чист перед тобою, не юлю.
Прижмись по-детски к твоему нулю.
Маячить в вечности нет никакого смысла.
Я — сын твой, к чистоте твоей стремлюсь.
Тобой рожденный, вновь с тобой сольюсь.
Достоин я тебя иль не достоин —
Прими свое решение простое.

ЖАК БРЕЛЬ
(Jacques Brel)
(1929—1978)

Жак Брель во многом существенном напоминает раннего Булата Окуджаву. Та же глубокая человечность поэзии, элегичность интонации, похожесть артистической судьбы. Он начал как сочинитель и исполнитель песен, не сразу получил признание, но, получив, надолго удержался не только в сердцах французов, но и слушателей многих стран мира, в том числе Советского Союза, куда совершил обширное гастрольное путешествие в 1966 году. В том же году резко оборвал певческую деятельность, переключился на работу в кино. Снялся не без успеха как артист в кинокартинах ряда известных французских режиссеров, сам поставил два фильма.

Но остался в памяти французов как замечательный певец и поэт, а в Бельгии, где он родился и начал творческую деятельность, — как литературная и музыкальная величина номер один.

Умер Жак Брель в Париже после продолжительной болезни (рак). Похоронен, по его завещанию, на одном из Маркизских островов, рядом с могилой Поля Гогена.

**МЫ УВИДЕТЬ ДОЛЖНЫ,
МЫ УСЛЫШАТЬ ДОЛЖНЫ**

За туманом густым
Наших дел, наших дум,
Через тающий дым,
Через временный шум,
Среди серости прозы
И лада баллад,
Сквозь бесплодные грезы
Про рай и про ад
Мы не можем не видеть
Всю прелесть берез,
Не должны ненавидеть
Нашествия гроз.

Мы увидеть должны,
Как просторна земля,
Как растенья нежны,

Плодородны поля,
Как на поле непросто
Траве прорасти,
Как в себе благородство
Сквозь жизнь пронести,
Как уверовать в друга,
Поверить себе,
Как нам, если уж туго,
Не сдаться в борьбе.

Через вечные грозы
И все тормоза,
Сквозь печальные слезы,
Что застыт глаза,
За пронзительным хором
Тревожных сирен,
За наскучившим вздором
Супружеских сцен
Мы увидеть должны
Сквозь мелькание лиц
Красоту старины,
Человечность границ.

Мы услышать должны
Долгожданную весть,
Что молитвы верны,
Что бессмертие есть,
Что не зря расцветают
Весною цветы,
Что не вянут, не тают
Ни льды, ни мечты.

И в дозоре ночном
Непременно успеть
Перед гибельным сном
Песню радости спеть.

БЫКИ

Быки на празднике тоскуют,
Когда приходится для нас
Нестись за тряпкою впустую
И торопить свой смертный час.

Быку-бедняге не до смеха,
Он чует гибельный обман.
Зато бездельнику потеха,
Мнит о себе, что Дон Жуан.

Полно подобных на трибунах,
Смотреть пришедших бой быка —
Мужей седых, красоток юных,
Им наставляющих рога.

Тоскует бык, капризов пленник,
Когда над ним клинок блеснет,
Когда он рухнет на колени
И в этот раз навек уснет.

Зато отчаянно и рьяно
Свою победу возгласит

Толпа орущих донжуанов
И их лукавых карменсит.

Но бык простит забавы эти,
А вместе с ними вздорных нас,
Когда на грани нашей смерти
Узнаем боль своих гримас.

Простит нам бык забавы наши,
Простит свой плен, бесплодный тлен,
Когда и мы поднимем чаши
За Ватерлоо, за Верден.

СТАРИКИ

Старики — молчуны, но в глазах у них много
речей,
Что они бедняки, даже кучу имея различных
вещей.
Правда, старческий голос в тиши иногда
заскрипит
По причине, что часто смеялся и нынче хрипит.
Что касается глаз, их почти занавесил склероз,
Навидались всего, всем увиденным сыты до слез.
А в гостиной у них тихо ходят часы на стене,
Ничего обещать не желают ни им, ни кому-то,
ни мне.
Стариков навещать перестали родные и гости
давно,

Недопитое дремлет в шкафах у них долго вино.
Их маршрут — от постели до кресла и снова
в постель.

День за днем им дана и задача такая, и цель.
Иногда же на улицу выйдут, порядок у жизни
таков —

Провожают к жилищу иному других стариков.
И вздохнут, что в их доме часы, задремав,
Не сулят ничего, кроме этих печальных забав.
Засыпают, как падают в реку, порой с головой.
Как бояться расстаться с друзьями, с вещами,
с молвой...

И, однако, был плох ли, хорош тот старик,
что ушел,
Это все не имеет значенья — оставшимся
нехорошо.

И когда в их душе возникает ушедшего тень,
Они просят у тени прощенья за дрящущийся день.
А в гостиной на стенке часы неизменно стучат.
Обещают конец этой жизни, о новой — молчат.

P.S.

Позволю себе завершить переводы поэтов Франции собственным стихотворением, которое воспевает самую дорогую ценность, в которой мы едины с нашими собратьями по перу, — свободу. Не только свободу от любых форм внешней зависимости, но и свободу пушкинскую, «тайную», свободу от денег, пошлости, себялюбия, ненависти...

*От берегов Амура до Луары
Нас повязала общая беда,
Мы повторяем вслед за Элюаром:
«Вернись, свобода! Утвердись, мечта!»
Страхни, Париж, оковы безразличья!
Москва, фальшивый глянец уברי!
Сегодня враг наш поменял обличье,
Он душу разрушает изнутри.
Он дух парализует нам и волю,
Без духа либертэ не сохранить.
Теряется дорога в русском поле,
У Франции слабеет с Богом нить.
Повсюду в мире торжествует рынок*

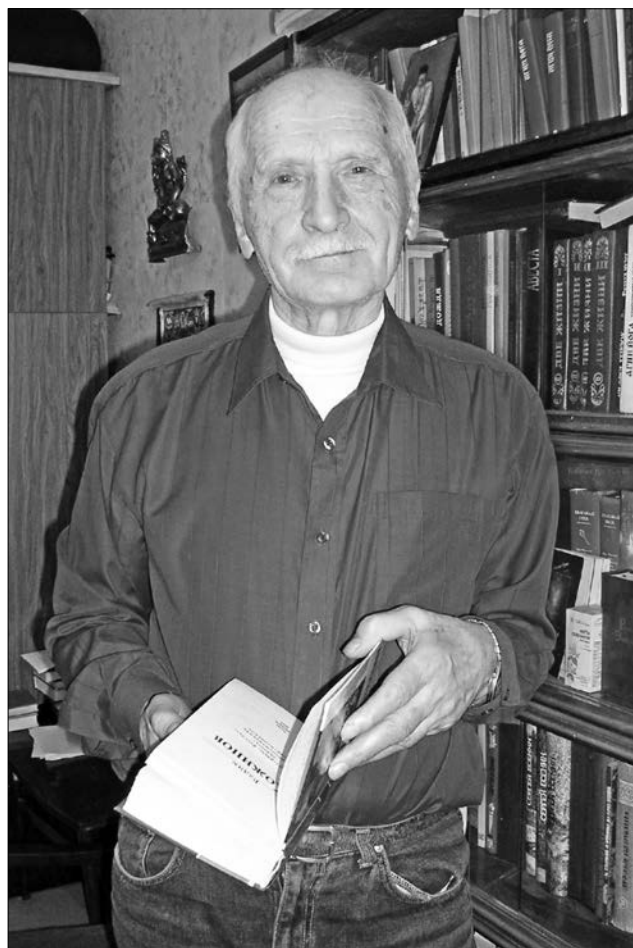
*И ржавчина проникла в глубь сердец,
Когда из них алтарь священный вынут,
Нас в тюрьмы прячет золотой телец.
Нам от свободы никуда не деться.
Настало время дел и точных фраз,
Произнесенных бескорыстным сердцем:
Да здравствует Россия! Vive la France!*

ЭССЕ

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ПУШКИН
И ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАНЦИЯ

1

В заключение хочу коснуться темы, которая мне кажется очень важной и без которой моя книга переводов была бы неполной. Во всяком случае, недостаточно актуальной. Эта тема — «Пушкин и Франция».

Французская культура и литература имели совершенно особое влияние на культуру русскую. Убежден, что священные камни Европы, о которых говорил Достоевский, подчеркивавший их близость любому русскому сердцу, — это прежде всего французские камни. Конечно, русские литераторы и образованные люди увлекались в свое время и английской, и немецкой культурой, но французские магниты для России были, конечно, самыми сильными. Удивительно, но закономерно, что война с Наполеоном не отвратила русскую интеллигенцию от французской культуры. Интерес этот сохранялся и в советское время и был подкреплён общей борьбой против фашистского врага: французское движение Сопротивления сблизило два народа еще сильнее.

Тесная связь литератур Франции и России, так же как общность нашей ментальности, прослеживается даже в области политики. На протяжении веков поэты Франции, такие как Бертран де Борн, Андре Шенье, Виктор Гюго, Поль Верлен, Артюр Рембо и так далее, вплоть до Сен-Жона Перса, Луи Арагона и Поля Элюара, были активно задействованы в политической жизни Франции с разной окраской и степенью активности. У нас, естественно, с нашими особенностями это Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин, Маяковский, Мандельштам, Пастернак. Называю лишь самые крупные имена...

Продолжая сопоставления, замечу и такое: из европейских монархов никто, кроме Людовика XIV и Сталина, не сумел поставить литературу на службу государственным интересам в той степени, как это сделали они. Мы и французы, может быть, первые по количеству первых лиц государств, прямым образом причастных к литературе. У французов это, кроме упомянутого Людовика XIV, герцог Карл (Шарль) Орлеанский (образец творчества которого представлен в моем сборнике), королева Маргарита Наваррская, некоторые президенты, вплоть до Жака Ширака, переводившего «Евгения Онегина». У нас — Иван Грозный, Екатерина Вторая, великий князь Константин Романов, печатавший свои произведения под псевдонимом «К.Р.», и тот же Сталин, стихи которого еще до революции вошли в антологию грузинской поэзии. Можно вспомнить еще и генсека Андропова, писавшего вполне грамотные с точки зрения версификации стихи.

Если говорить о влиянии французской литературы, особенно поэзии, на русскую, то оно огромно. Следует также отметить в этом процессе две волны: первая — периода Золотого века нашей поэзии, вторая — Серебряного, если принять такие подразделения отечественного литературоведения. Причем, на мой взгляд, в «золотой», т. е. пушкинский, период французское влияние было в основном благотворным, тогда как литераторы Серебряного века копировали в творчестве и поведении порой далеко не лучшие черты французских символистов, импрессионистов и т. д. И удивительный парадокс: французские поэты пушкинской поры были опять же, на мой взгляд, куда мельче, чем Бодлер, Верлен или Рембо, а результаты влияния находились в обратной зависимости. Серебряный век (пора убрать с него ненужный флер) был куда менее критичен по отношению к французам, чем пушкинский. Леконт де Лиль, Бодлер, Рембо, Верлен и франкоязычный бельгиец Верхарн были безоговорочными законодателями мод даже для Николая Гумилева. Баловство же наркотиками, беспорядочные любовные связи, демонстративный аморализм и аполитизм принимались им и другими поэтами Серебряного века как норма жизни.

Продолжая параллели между нашими и французскими декадентами (прошу прощения, если сегодня терминология сменилась), добавлю, что Октябрьская революция вырвала из узких литературных рамок таких поэтов Серебряного века, как Есенин, Маяковский, Ахматова, Пастернак, сделала их вели-

кими, народными, не вписанными в строку тех или иных школ. Почему это произошло? Может быть, потому, что, говоря словами Пушкина, «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Буду рад услышать иные доводы, объясняющие факт такого преобразования.

Несколько слов о том, к каким выводам я пришел, переводя мастеров иной страны, да еще отделенных от нас многовековым барьером.

Во-первых, я убедился в несостоятельности мифа о том, что французская литература и поэзия — это скорее изящная игра ума («острый галльский смысл») и слов, нежели глубокая работа души. Думаю, что переводы, которые приведены в этом сборнике, показывают, что наиболее интересными и выдающимися авторами были как раз поэты «глубокой лирики», а не апологеты «чистого искусства», не «парнасцы».

Во-вторых, я понял, насколько неправы те, кто представляет культуру Франции как преимущественно атеистическую, вольнодумную и теплохладную в религиозном смысле. Самые крупные французские поэты — глубоко верующие люди с интенсивной духовной жизнью, непрерывно растущие в духе и способные к искреннему раскаянию. Именно эту поэтическую линию Франции я пытался представить.

В-третьих, я еще раз убедился в неизбежности глубинного французского патриотизма, проявившегося в «глубинной лирике» со всей мощью. Он далек от космополитизма эпохи Просвещения, связанной с такими фигурами, как Вольтер, Дидро, Руссо.

Именно этот патриотизм звучит и в поэзии Пьера Ронсара — одного из создателей французского языка, и в предсмертных строчках Андре Шенье «Возлюбленная Франция, поверь: мне без твоей свободы жизнь — отравка», и в словах Гийома Аполлинера: «Все мы сегодня в великом долгу перед судьбой нашей Франции милой». Много ли сегодня среди российских деятелей культуры тех, кто мыслит так, а не выставляет возрастающий счет государству за обиды или недополученность чего-то?!

И, наконец, *в-четвертых*, работа над переводами заставила меня еще раз задуматься о судьбах европейской цивилизации и нашей нынешней культуры, переживающих острейший духовный кризис. Нам небезразлична сохранность христианских корней и священных камней Европы не столько в плане внешней формы и архитектуры (их французы хранят как раз лучше нас!), сколько ценностей сакральных.

2

По моему убеждению, мостом между русской и французской поэзией, шире — между Россией и Европой, является именно Пушкин. Смотреть на мир западной культуры, давать оценку тем или иным идеям и произведениям мы можем — и в этом великое национальное счастье — через магический кристалл гениального пушкинского сознания и творчества. Лично для меня Пушкин с его любовью к Франции был одним из мощных импульсов, побудивших взяться за переводы французской поэзии.

Дополнительным же импульсом для написания этой статьи послужила новогодняя (2013/14 г.) поездка в Михайловское, в гости к Пушкину, где до этого бывать не приходилось. Поездка позволила лучше прочувствовать и становление личности Пушкина, и посмотреть по-новому на роль Франции, а также всей Европы в духовном становлении России. Так возник сборник, посвященный переводам, «Откуда ты приходишь, красота?».

Но обо всем по порядку.

МИХАЙЛОВСКОЕ

*На склоне лет и я подшил
К судьбе Божественную метку,
Понеже наконец свершил
Свой хадж в михайловскую Мекку.
Все наяву, как и во сне:
Луга дубровы, зелень просек
(Здесь до сих пор не выпал снег),
Ликует пушкинская осень.
Живой в траве встречаю гриб,
Брожу задумчиво глазами
По черным веткам старых лип,
Ловлю сосновые касанья.
Слежу, как ручейки бегут
В своих канавках в тихой неге.
О, Боже, как прекрасно тут,
В краю непуганых элегий!
Того гляди, из тьмы времен
На лодке Он всплывет в Кучане,*

*А следом Гейченко Семен
Пройдет по берегу в молчанье.
Навеки оба обрели
Свою здесь тайную свободу —
Два ангела родной земли
В святом служении народу.
Безмолвно ждут, когда, Россия,
И ты потряхнешь с души засилье
Орды, что тянет нас во тьму,
К пути вернешься своему.*

Эти строки я написал о Михайловском вечером, в канун Нового года, 31 декабря 2013-го. А вот что писал о своем селе Александр Сергеевич летом 1827-го.

Деревня, где сучал Евгений,
Была прелестный уголок.

Сегодня, при современных методах коммуникации, при всем том, во что превратил Михайловское его великий хранитель С. С. Гейченко, Онегин, конечно, не знал бы скуки в этом действительно «прелестном уголке» — только блаженство. В случае же Пушкина — еще идеальные условия для творчества. Сегодня забавы ушедшей цивилизации с ее балами, бутылками «вдовы Клико», бриллиантовыми ожерельями и прочими атрибутами бомонда, от которого Александр I оторвал в свое время Александра Сергеевича, увлекают разве что русских нуворишей или читателей гламурных журналов. Император, таким образом, лишив Пушкина всего вышеперечисленно-

го, приобщил его к музыке ветра, морошке, ярмаркам, великому таинству народной жизни и русского духа. И свободная, переимчивая, «всемирно отзывчивая» душа поэта, на которую оказала огромное влияние цивилизация иноземная, погрузившись в эти тайны, сама принялась чеканить драгоценные камни национальной культуры. Но, как уже было сказано, танцую от французской печки.

3

О Франции в жизни и творчестве Пушкина сказано много, но что французы думают о нашем поэте, известно мало. Русофилов среди французских литераторов в XIX веке было мало: Дюма, Мериме, Эредиа, Готье. Последний совершил несколько длительных поездок в Россию и оставил о нашей стране книгу самых теплых воспоминаний «Путешествие в Россию». Шаг весьма нетипичный для многих иностранных путешественников, побывавших в России и написавших немало крайне негативных сочинений, которые сформировали на Западе образ России как дикой и тиранической страны. Европа, нередко в лице даже лучших своих представителей смотревшая на «варварскую Россию» свысока, сохранила высокомерие до сих пор. А уж если говорить о недоброжелателях и врагах... Наиболее ярким произведением, выразившим именно такую позицию Запада, стала книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» о его путешествии в нашу страну, закрепившая негативное отношение к ней в Европе на полтора века. Я в свое время даже написал стихотворение об

этом умном, пронизательном и вместе с тем предвзято настроенном противнике России и самом феномене европейского неприятия нашей страны.

**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ
АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»**

*Нам обезьянничеством власти
Не победить чужую тьму.
В России слишком много страсти,
Чтоб подчинить ее уму.
Но и немало Смердяковых,
В том, несомненно, прав Кюстин,
Судья совсем не пустяковый
Из европейских палестин.
Куда мы ездим за наукой,
Глотаем, что ни попадет.
И давимся фольгой и скукой,
Об этом зная наперед.
Маркиз проехал по столицам,
Глубинку тоже посетил,
В необразованные лица
Лорнет небрежно наводил.
Узреть сумел в нас и холопов,
И бунт грядущий, и напор
С оглядкой вечной на Европу —
Все сохранилось до сих пор.
Лишь не узрел грядущей участи,
Не понял будущей зари,
А также корневой живучести,
Зарытой впрок под алтари...*

Сами наши классики, казалось, способствовали таким западным оценкам, давая сочные портреты грубых держиморд, скалозубов, беззастенчивых воров, присосавшихся к государству. Пушкин в творчестве был тоже достаточно суров к проявлениям нашего «варварства». Но при всем своем преклонении перед французской культурой увидел в русской истории нечто большее — своеобразный замысел Творца. В известном письме П. Я. Чаадаеву поэт прямо говорит об «особом предназначении» России, суть которого сводится к тому, что наша страна, «поглотив» своими «необъятными просторами монгольское нашествие», дала возможность Западу сравнительно беспрепятственно осуществить развитие собственной цивилизации. «Нашим мученичеством, — утверждает Пушкин, — энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Споря с Чаадаевым, поэт видит во всей нашей истории не бесплодные попытки подражания Европе, но некую сдержанную, нераскрытую многозначительность, сулящую большое и самобытное грядущее. «Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из событий, которые ее потрясли, но у нас было свое, особое предназначение».

Адресат Пушкина видел в мировой истории не смену культурных, цезарианских, тем более экономических циклов, но смену религиозных эпох и упрекал Россию за инертность духовного развития

в отличие от «энергичного католичества». Чаадаев тоже угадывал особое будущее России, полагал, что ей предназначено синтезировать духовный опыт Запада и Востока, причем такой синтез должен состояться во Христе. Позднее идеи смены культурных циклов и будущее торжество «русского цикла» были развиты в историософии Данилевского («Россия и Европа») и Шпенглера («Закат Европы»), о чем — ниже.

Пушкин в русском языке, подобно Петру I в политике, принял и понес эстафетную палочку смены культур от европейской к «русско-сибирской», которую предсказывали Данилевский и Шпенглер. И сделал свою часть работы еще лучше царя, взяв у Франции лишь самое лучшее — языковое изящество, перенес его в наш обиход без грубого копирования, за которое упрекал русскую элиту Чаадаев.

Соединяю тему Пушкина со сборником переводов не только потому, что музу нашего гения орошали воды поэтической Франции, но и потому, что с помощью языка этой страны поэт реформировал наш.

Первый ценитель Пушкина во Франции Проспер Мериме пишет: «Фраза у Пушкина совершенно французская — я имею в виду французский язык XVIII века, потому что теперь так просто уже не пишут». Мериме абсолютно прав: наш поэт придал родному языку французскую простоту и тонкость, достигнутые Францией к XIX веку за три столетия, от Ронсара с Дю Белле (реформаторы старофранцузского) до Шенье. Завершением нашей языковой

реформы мы тоже обязаны пушкинской ссылке в Михайловское.

Поэт не мог простить Александру I ссылку в деревню. И рассчитался с царем колкими словами:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У бонапартова шатра.

Конечно, Пушкин несправедлив по отношению к царю и позднее исправил свою ошибку, простил государю личные обиды: «Простим ему неправо гоненье, он взял Париж, он основал лицей». Александр не был врагом труда, и слава его пригрела тоже вовсе не случайно. А если история старца Федора Кузьмича — правда, то фигура монарха представляется в совершенно ином свете. Но дело не в личности царя, самое главное — царская ссылка была для Пушкина Божьим благословением. Она удержала поэта от появления на Сенатской площади во время восстания 1825 года, иначе не миновать бы ему другой ссылки — «во глубину сибирских руд». В деревне поэт пережил потрясение и озарение, которое описал в стихотворении «Пророк». Наконец, двухлетнее пребывание в деревне окончательно сформировало Пушкина как уникальное национальное явление и

определило его отношение к западной культуре как уважительное, коленопреклоненное, но лишенное малейшего подражательства.

4

Тот факт, что из всех французских поэтов, так или иначе связанных с молодым Пушкиным, я включил в свои переводы лишь А. Шенье, Ф. Шатобриана и Вольтера (последнего скорее для того, чтобы лучше проиллюстрировать такую неотъемлемую французскую черту, как вольнодумие), ни о чем не говорит. Я вырос в другое время, и у меня сложились иные вкусы. У Пушкина на первом месте по степени влияния на него был Вольтер, потом — Шенье и уж на третьем месте — Эварист Парни, с «растрепанным томиком» которого нам представила молодого Александра Сергеевича уже немолодая Анна Андреевна. Для меня эти поэты (за исключением Шенье) в сравнении с Вийоном, Ронсаром, Ламартином, Гюго — все-таки мастера второго эшелона в поэзии Франции. Кроме того, ранний Пушкин переводил и цитировал в своих стихах массу французских поэтов, сегодня известных разве что специалистам по истории литературы.

В то же время Александр Сергеевич более чем сдержанно отнесся к Франсуа Вийону, как мне кажется, поэту уровня Данте, Петрарки, Гюго, в котором отметил только грубость. Почему так случилось? Думаю, потому, что молодой Пушкин, как и вся наша литература в том виде, как мы ее знаем сегодня, стартовал под сильнейшим «пассионарным толчком» своей старшей сестры, ее мэтров и авто-

ритетов. А такой законодатель литературных вкусов XVIII—XIX веков, как, например, Буало, находил Вийона вульгарным. Поэтому Пушкин в начале своей деятельности оценивал гениального «школяра» через лорнет Буало. Тем более что при всем своем великолепном знании французского языка, по существу для него второго родного, старофранцузского, на котором писал Вийон, не знал. Позднее наш гений, набрав силу, был куда более трезв в своих оценках европейских классиков и западной культуры в целом. Да и Франция интересовала его в гораздо меньшей степени, чем в молодые годы. От «Гаврилиады», написанной под влиянием «Войны богов» Э. Парни, наш поэт ушел к «Отцам-пустыникам и девам непорочным», а своим вольтерьянским молодым увлечениям дал такую оценку: «И с отвращением читаю жизнь свою...».

В мировоззрении, в короткой жизни, наконец, в творчестве русского поэта сконцентрирована как бы вся история духовных исканий Франции с ее вершинами и зигзагами, взлетами и падениями. А также с умением идти дальше... Пушкин повторил в жизни и в стихах эротическую тему, начатую еще Вийоном, закончил же эту тему стихотворением «Жил на свете рыцарь бедный», где подтвердил духовную высоту здоровых отношений полов.

Ну, хорошо, стихи Прекрасной даме посвящали труверы* и Тристан Корбьер, но кого в мире

* Труверы — средневековые поэты Франции конца XI — начала XIV вв., писавшие и лирику, и эпические произведения.

из больших поэтов мы можем назвать ответственным главой немалой семьи? Кто из поэтов родоначальник более сотни потомков рода Пушкиных? Кому из поэтов-лириков удалось соединить «божество» и «гения чистой красоты» с «мой идеал теперь хозяйка да шей горшок, да сам большой»; «покорнейшие письма» высшим государственным чиновникам с несломимым убеждением, которое поэт пронес через всю жизнь, — «для власти, для ливреи не гнуть ни помыслов, ни совести, ни шеи»? Кто сумел от вольтерьянства повернуть к православию, от мятежных настроений — к традиции, от «афея» — к «веленью Божию, о муза, будь послушна» — абсолютное требование к современному человеку?

Ответ — Пушкин.

Что это? Гениальная всеядность, колебания вместе с генеральной линией толпы, дабы удержаться на плаву, или Божественная широта и вместимость? Участник двенадцати дуэлей, он не то чтобы не дорожил жизнью, но с восторгом писал о смерти: «Все, что нам гибелью грозит, для сердца смертного таит необъяснимы наслажденья». Таким образом, наш поэт прошел еще и путь Бертрана де Борна с его бесстрашием и апологией семейных добродетелей, и путь Ламартина, увидевшего в смерти «бессмертия залог». Я мог бы продолжить список параллелей между Пушкиным и всей французской поэзией, включая те имена, которые возникли в ней уже после ухода нашего поэта. Например, параллели пушкинского понимания роли поэта с ясновидческими

прорывами Артюра Рембо, с желанием гениального юноши «делать жизнь» с помощью стихов. Пушкин и был одним из сотворцов нашей истории, включая ее советский период. Вспомним только, какую организующую культурную роль сыграл поэт в годы Великой Отечественной войны, когда сотни тысяч людей уходили на фронт вместе с томиком Пушкина в рюкзаке.

Этот панегирик Пушкину — не моя шовинистическая похвальба: вот, мол, каким поэтом удостоил Россию Бог; но счастье и удивление: Боже, за что такой подарок?! Пробежать за 37 лет всю историю старшей сестры — духовной Франции, не однажды падать в ее ямы, не задержаться ни в одной и выбраться на путь, по которому не ступал еще ни один поэт в мире, на путь абсолютного послушания «Божьему велению». Недаром слово «поэт» переводится с древнегреческого как «творец» — образ и подобие Творца.

Пушкин понимал свое Божественное назначение, ибо «вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа». Но в жизни голову не задирает столь высоко: «Я просто русский мешанин», — писал в стихотворении «Моя родословная».

Умер, как бог.

Даже своего кумира Байрона, которого наш поэт читал во французских переводах, оставил далеко за спиной. Дитя Европы, пользовавшийся всеми ее дарами, которые «по балтийским волнам за лес и сало возят нам», видевший Запад через французские очки, он был исполнен русского

достоинства, непримирим к западным «витиям». Нет необходимости в цитатах на данный счет. Достаточно вспомнить «Бородинскую годовщину» и «Клеветникам России». Поговорим о пушкинской «посмертной улыбке». Пушкин обладал редчайшим для поэта качеством — вместив в себе одном и русский, и французский, и античный мир, не прирос ни к одному. Мало того что «ради власти и ливреи» не гнул «ни совести, ни шеи», он не хотел даже «мешать царям друг с другом воевать». Поэту было безразлично, «свободно ли печать морочит олухов иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура». Он смотрел на все это с улыбкой. Но не с улыбкой равнодушного человека, которому на все наплевать.

В неопубликованном при жизни стихотворении «Из Пиндемонти», иронизируя над «правами», за которые бьется большинство людей, себе всерьез оставил лишь два: первое — «дивиться Божественным природы красотам», второе — «и пред твореньями искусств и вдохновенья трепеща радостно в восторгах умиленья. Вот счастье, вот права...». Прерогатива, достойная Творца!

Умер же после жестокого ранения на дуэли в живот с таинственным выражением, запечатленным на его уже мертвом лице. Выражение описал бывший при кончине Пушкина В. А. Жуковский.

«Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько на-

клонила; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это был не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?». И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел саму смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою, и его тайну».

Я называю описанную Жуковским печать смерти на лице ушедшего Пушкина тоже «улыбкой». Но это не водевильная улыбка Раймона Кено, размышляющего о своем посмертном состоянии рядом с «красавицей-южанкой», это улыбка сфинкса, где начертано, по словам Василия Андреевича, «какое-то полное, глубокое удовлетворенное знание...». Знание чего? Для меня ответ на вопрос несомненен: Пушкин увидел Лик Того, кто отправил его вниз, на земное Служение и к Кому он вернулся. Блестательно выполнив земное Поручение.

Когда перечитываешь *La vie anterieure* или «Альбатрос» Бодлера, понимаешь: ранний Пушкин рядом с трагическим французским гением, конечно, может показаться второразрядным поэтом наподобие Эвариста Парни. Нашему поэту вроде бы неведомы настоящие страдания, он на все смотрит легко. Способен собственные нравы и молодые влечения приписать богам. Пушкин и начал с Парни, с «Гаврилиады», а закончил... распятием, посмертной маской, похожей на ту, что с Туринской плащаницы. Там в уголках рта Спасителя тоже затаенная грустная улыбка, словно Христос хочет сказать: «Люди, все ваши дела, даже самые страшные, — забавы в сравнении с делами Царства Небесного». Таинственная улыбка Пушкина — это «всезнание», естественно, по сравнению со знаниями нашими. При жизни такое обладание было бессознательным, после нее его посетило новое озарение...

5

Пушкин много переводил. Не только французов. Среди переведенных авторов англичане — Байрон, Вордсворт, Кольридж, поэты Древней Греции и Рима — Анакреонт, Гораций, Овидий, Катулл, немцы, арабы... С этими авторами Пушкин знакомился в основном через французские переводы. Но когда переводил сам на русский, дотошно изучал оригинал. Принципы пушкинского перевода не втиснешь в кодекс корпорации переводчиков, а эта корпорация начала создаваться уже в «золотом веке» русской поэзии. С одной стороны, Александр

Сергеевич требовал максимальной точности в передаче мысли и слога оригинала, с другой — в его практике встречается вольный перевод, перевод-переделка и даже переделки сочинений с включением собственных стихов. Как, например, в переводе поэтической драмы Джона Вильсона «Город чумы» (у Пушкина — «Пир во время чумы»), куда поэт вставил собственные стихотворные шедевры.

В одном из своих писем А. С. определил задачу перевода — «перевыразить» мысли и образную систему оригинала художественными средствами другого языка. То есть дать не буквальный, а духовный слепок чужого поэтического текста. Это наставление Пушкина я посчитал руководством к действию в собственной переводческой работе. Мысль, которой придерживались, как мне кажется, все поэты-переводчики в отличие от переводчиков-профессионалов.

Поясню свои рассуждения на примере «Пьяного корабля» Артюра Рембо.

Это стихотворение написал семнадцатилетний поэт. В нем он пророчески предопределил свой будущий жизненный путь со всеми скитаниями и разочарованиями. Поэтому в подборке стихотворений Рембо я поставил «Пьяный корабль» в самом конце, как итоговое (в смысле духовных исканий поэта), вслед за «Прощанием с Европой» (название мое), хотя последнее стихотворение было написано четыре года спустя после «Пьяного корабля» и сразу после разгрома Парижской коммуны. Рембо возлагал на коммуну большие надежды, принимал

в ней непосредственное участие, тяжело переживал поражение коммунаров. Поэтому, переводя «Пьяный корабль», я считал возможным назвать Европу «клочком несостоявшейся земли». Буквально в стихотворении французского поэта этих слов нет, но они вытекают из контекста, где автор поэмы, по его собственному признанию, пускал «бумажные кораблики» в «европейской луже». Такое занятие заставило «пьяный корабль поэта» бежать из Европы, отправиться в настоящее опасное путешествие по Африке и Ближнему Востоку, которое, как и Парижская коммуна, закончилось для Рембо жизненным крахом.

«Старая Земля», земля, к которой поэт не скрывал своего отвращения, не способна принять новое «небо надежд», обозначенное в стихотворении «Прощание с Европой». Именно по этой причине мысль гениального юноши-француза я перенес из одного стихотворения в другое.

При переводах меня меньше всего интересовала *courtoisie* литературная, то есть изящество формальное. Окунувшись в стихию французской поэзии, ярко проявившейся еще в XII веке, я убедился, как напряженно билось духовное сердце Франции во все века. Ни одна поэзия других европейских стран (разумеется, кроме России!) не выразила дух страны в такой степени и в такой блестящей, отточенной форме. Из древних поэтических источников России до нас дошло лишь великолепное «Слово о полку Игореве», написанное ритмической прозой, тогда как французы во времена написания «Слова» уже

блистали развитыми размерами, строфикой, рифмами. Но, повторяю, меня интересовали не изыски формы, но дух Пушкина зрелого, окончательно сформировавшийся в 1824—1826 гг., когда поэт жил в Михайловском и когда он в одиночестве совершил духовный рывок, который вся поэтическая Франция сделала в течение ряда столетий.

Любой скачок не всегда сопровождается с оглядкой на традицию, но обязательно заканчивается возвращением к ней. Так в истории, так в политике, так в литературе. Великая французская революция закончилась для Франции возвращением к монархии, сначала — Наполеона, потом — мельчающей популяции королей; на некоторое время — феноменом де Голля, продолжать не стоит...

Наша великая Революция продолжила традицию русских царей, но в отличие от французской лишь укрепила вектор монархии. Во всяком случае, суровый диктатор Сталин был самым масштабным, успешным и властным царем Российской империи.

Поэзия, конечно, консервативней истории и политики. Там все рывки возникают из традиции и заканчиваются возвращением к ней. Левизна в поэзии недолговечна, авангард — детская болезнь. Во Франции этой болезнью переболели многие поэты, от Аполлинера до Элюара, и все они, по крайней мере, значительные из них, вернулись к традиции, к классике. Такая же картина и у нас.

Исключение — Пушкин. Для него характерны не то чтобы оглядка на традиции, но врожденное

чувство меры во всем: в жизни, творчестве, мировоззрении. Тот гениальный импульс, который он ощутил сам и дал русской литературе, обошелся без потрясений, без деклараций и разрыва с традицией, несмотря на все радикальные юношеские искания поэта. Вся жизнь он был верен античной классике, классике европейской и сам стал образцом отечественной классики.

Пушкин при всем разнообразии пережитых им духовных этапов целостен, но европейская культура, даже в ее высоких проявлениях, — явление неоднородное и противоречивое. В ней изначально было два начала, два лика, которые постепенно проявлялись на протяжении истории, — светлый и темный.

Повитухой при рождении нашего национального гения была Франция. Убил Пушкина тоже француз. Не станем выстраивать из этих двух фактов какую-то конспирологическую теорию, но осмыслим реальные исторические факты. А они сообщают, что убийца-француз был приемным сыном и «сожителем» посланника Нидерландов в России Геккерена, одного из организаторов предсмертной травли Пушкина. Именно иностранному дипломату поэт послал письмо, полное непростительных оскорблений, в том числе по части «нетрадиционной ориентации». Такое письмо не могло обойтись без дуэли, и поскольку посланник по своему статусу стреляться с аборигеном не мог, стрелялся Дантес. Смертная точка в жизни Пушкина получилась, таким образом, ослепительной. Он погиб за честь жены, за честь

Родины, наконец, за здоровое, основанное на традиционных ценностях будущее человечества. Выстрел Дантеса, таким образом, лишь раздул в веках огонь пушкинского гения.

6

Сегодня мы присутствуем при иной «стрельбе» — при «ценностном закате» Европы, сиречь западного цикла цивилизации. Это не наши, русские наблюдения, это заключение многих западных наблюдателей, назовем мистика Эдгара Кейси или философа Освальда Шпенглера. Что означает закат по Шпенглеру? Это когда культура деградирует в цивилизацию. То есть когда тело цепляется за ветшающий костюм до такой степени, что рискует оказаться в положении голого короля. Мы — свидетели именно этого времени, нам даровано видение и чувствование гибели одряхлевшего миропорядка и рождения нового — «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» (Тютчев) или той гибели, что сулит нам «неизъяснимое блаженство» (Пушкин). В этом смысле французская мечта и грусть сродни русскому переживанию светлой ностальгии по будущему.

Конечно, любое пророчество — это «бабушка надвое сказала», но что переворачивается какая-то страница мировой истории, чувствуют все. Не станем тешить самолюбие опять же лестным предсказанием австрийского философа, мол, Россия откроет новый цикл культурного развития. Подойдем к проблеме с конца. Весь мир понимает: человеческие

отношения зашли в тупик, дальше так жить, как сегодня, нельзя. Средства убийства и самоубийства созданы неслыханные, а морально-этическая защитная пленка столь же слаба, как во времена Иисуса Христа, может быть, еще слабее. Я имею в виду не только угрозу ядерного оружия, но и опасность со стороны нравов, а также их законодательного обоснования, при котором род человеческий может вполне прекратиться без применения атомных бомб. Стоит превратить закон о свободе однополых браков в «осознанную необходимость» лишь подобного рода супружества.

Сколько времени еще просуществуют европейский культурный цикл и вложенная в него Свыше программная идея, мы не знаем. Но все приметы, что это может произойти скоро, — налицо: великие цивилизации гибнут, когда происходило разрушение традиционных ценностей, той же семьи. Также мы знаем: смена эпох предполагает вместе с разрушением обязательный принцип наследования. С этим в целом не спорит никто, спорят о частностях. И не зря. Сказано же: «Бог (как, впрочем, и Сатана) в деталях». Какие из «деталей» нам следует взять и понести в будущее — над этим стоит, наверное, подумать, перечитывая поэтов Франции, а также размышляя о совершенном недавно выстреле в себя французского писателя Доминика Веннера в Соборе Парижской Богоматери. Я посвятил этому человеку, совершившему столь радикальный поступок, стихотворенье.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

*О, Франция, припомни полутемный зал
И фреску древнюю, где умирает галл,
Чтоб донести через века и сохранить
Любви к тебе и доблести не рвущуюся нить.
О, как мне хочется в Нотр-Даме де Пари
Очистить все от копоти, скопившейся внутри!
Но сохранить следы от пули как пример,
Что на стене оставил Доминик Веннер.*

«Копоть» для меня — конечно, не воздушный дым от церковных свечей, вместе с молитвами возносящийся к подножию небесного христианского Дома, а символ раздвоенности и слабости европейской души, все больше капитулирующей перед силами разрушения и зла. А сам абсолютно сознательный по сути поступок Веннера, в котором многие увидели грех самоубийства и слабость, я воспринимаю как героический акт силы и самопожертвования, вроде подвига летчика, столкнувшегося с превосходящей его силы вражеской флотилией и решившего идти на таран. Ответственный человек, он призвал перед смертью не брать с него пример и сражаться живым до конца. Но парадокс в том, что его смерть сделала для пробуждения Франции больше, чем жизнь любого смирившегося с надвигающейся на мир злоеющей реальностью.

...Я — русский поэт и дитя XX века. На протяжении жизни мое отношение к Западу менялось. Когда-то, в молодости, он меня, как и многих со-

ветских людей, лишенных информации, притягивал. После работы в «Интуристе» и знакомства с менталитетом тогдашних европейцев, среди которых были и профессора Сорбонны, я, с одной стороны, почувствовал пробудившийся интерес к французской поэзии, а с другой стороны, испытал разочарование, увидев, как резко снизилась планка духовных исканий по сравнению с великой Францией Гюго и Верлена. В последние годы, когда мировое давление на Россию усилилось, причем в этом приняли участие многие европейские интеллектуалы и деятели искусства, я понял, что такой западной волне буду противостоять всеми силами души. Это противостояние относится отнюдь не к Франции, культуру которой я очень люблю, и не к старой Европе, а к тем силам, которые проникли в ее душу и разрушают ее изнутри. Мое оружие — стихи, и об этом я с предельной жесткостью сказал так:

*Пора закончить долгий спор с Европой,
Дуэль рассудка с высотой души.
Нам главное — родного неба шепот
И сказок наших старых миражи.
Мечта сильнее истины гниения,
В ней проступают знаки новых вех.
Нас окружили крысы и гиены.
Ну что ж, посмотрим, кто одержит верх.*

Но хотя а la guerre comme a la guerre («на войне, как на войне»), как говорили опять-таки французы, я не могу перечеркнуть величие европейского

гения в искусстве и литературе, что иногда делается в пылу боя. Ценности старой христианской, прежде всего католической, Европы — это наши союзники в борьбе с мрачной силой, нависшей над миром. Ведь именно Франция — оплот сопротивления всем попыткам узаконить то, что противоречит природе вещей. Миллионные марши протестов против новых законов, проходившие в Париже, куда более многочисленны, чем в остальной Европе, промолчавшей, как и 70 лет назад. И это залог того, что светлый лик Франции жив.

Потому мы должны протянуть руку старой христианской Европе, сражающейся за «самостоянье человека», и Франции, «умирающей над ручьем от жажды», вспомнить свое величие и корни. Полагаю, что мы должны также поклониться великим французским поэтам, благодаря свету творческого гения которых закатное солнце Запада (а оно светит для всех) еще до конца не покинуло небосклон истории. Ведь, повторю строчку, «чужие священные камни, кроме нас, не оплатят никто», как точно сказал Юрий Кузнецов, это во многом тот фундамент, опираясь на который Россия сможет взлететь в будущее. Причем не только не оплатят, но и не защитит от окончательного разрушения, которое неизбежно наступит, когда из камней и из человеческих сердец уйдет животворящий дух. Я верю, что победа в конце концов будет одержана и в России, и во Франции, потому и написал стихотворенье *Vive la France!* А помощник для нашего сраженья — конечно, Пушкин и его мудрая, всепонимающая улыбка.

ка, пронизанная верой в победу солнца, как знамя в священной борьбе. Такое ощущение, что он все знал и провидел наперед, завещал нам «в конце тоннеля» неперенный свет.

7

...Все дорожки Михайловского и вокруг него посыпаны мелким гравием пополам с песком. Нигде ни следа колеи, ни коровьих блинов, ни иного мусора. Думаю, Александр Сергеевич, которого в его время удручали русские дороги и прочие неустройства, порадовался бы, видя родовое имение в таком процветающем, можно сказать, безукоризненном состоянии, как сегодня.

Был январь, но не было ни снежинки, лишь иногда по утрам искрился иней, а днями накрапывал дождик. Всюду по аккуратно прокопанным канавкам текли тонкие ручейки родниковой воды в Сороть. Напротив нее — барский дом на береговом возвышении, то есть дом, где жил Пушкин. А внизу возле реки — мельница, которую Семен Степанович Гейченко разыскал в каком-то окрестном селе и перетащил в Михайловское. От дома к мельнице непрерывно текли по тропинке струйки туристов со всей России. Иногда и западных европейцев. Я это наблюдал все восемь дней, пока жил в Михайловском.

Туристов даже зимой до семисот в день. Но их почти не видно, не слышно их голосов, не встретишь следов туристического мусора. На весь заповедник, включающий соседнее Тригорское и родо-

вое гнездо Ганнибалов Петровское, — тоже семьсот сотрудников, охраняющих тишину и чистоту заповедного комплекса.

Мусор бывает не только людской, но и природный. В михайловском лесу я не видел ни сучьев на земле, ни гниющих в траве стволов или наклонившихся деревьев. Зато хозяйские следы встречал часто: пеньки цвета сливочного масла, только что прометенные дорожки.

Сороть в своем течении образует каскад озер, самое большое называется Кучане. Вода в озерах у берега темная от обилия тины на дне, таящая загадку. Летом здесь, должно быть, греются на солнце мальки, плавают разные жучки и мошки. В январе вода чистая, недвижная. Но всюду ощущается незримое присутствие. Вон замаячила фигура. Может быть, Пушкин или Гейченко. Оба настолько вросли в здешнюю природу, что неотделимы от нее. Оказывается, всего лишь высохшее деревце в тумане.

Мне рассказывали: занимался Гейченко каким-то делом на усадьбе. Слышит: «Здравствуйте, Семен Степанович». Оборачивается — цилиндр, крылатка, бакенбарды... На секунду растерялся Гейченко, но тут же справился с волнением, все-таки человек бывалый, знаком с новейшими концепциями «жизни после жизни», отвечает: «Здравствуйте, Александр Сергеич». Фантом успокоил: он всего лишь актер, загримированный под Пушкина. В Михайловском снимается кино о поэте, артист пришел посоветоваться по поводу какой-то мизансцены.

Впрочем, на месте актера мог оказаться и фантом. Говорил же сам Пушкин о времени, когда друзья соберутся в кружок читать его стихи, в этом кружке может оказаться тень поэта. Кто-то из особо эмоциональных людей может почувствовать, даже увидеть такую тень.

А может быть, дух поэта сегодня пришел на землю и живет в теле другого человека, юноши, который станет поэтом. Разве вечное блаженство в раю или вечные страдания в аду являются лучшим решением с точки зрения Божественной справедливости? Ведь то и другое есть по существу непредставимое наказание — вечное страдание так же бессмысленно, как бесконечное наслаждение. Невольно вспоминаешь Восток с его идеей бесконечной жизни, побывать на котором Пушкин рвался всю жизнь. Тогда альтернативой дурной бесконечности оказывается чередование волн жизни в виде разнохарактерных воплощений, во время которых душа накапливает духовный опыт.

Потому так ли уж далеки от истины те мудрецы Востока, с которыми я встречался во время своих поездок в Индию? Они говорили мне, что появление на земле таких людей, как Леонардо, Моцарт или Пушкин, готовится Творцом не одно тысячелетие. Что дух каждого подобного человека многократно проходит через разные эпохи, через многие культуры и тела в разное время и в различных странах, чтобы появиться в нужное время и в нужном месте и дать миру новый толчок. Как еще можно объяснить всемирную пушкинскую

отзывчивость, его ощущение всего «чужого» как родного?

В этом смысле отнюдь не беспочвенна мысль, что историю вообще и культуру в частности творят сравнительно небольшие группы духов, рождающихся в человеческих телах там или здесь, в то или иное время. Разве нельзя предположить, что одни и те же «могучие кучки», создававшие античную Грецию или античный Рим, могли потом являться в эпоху Возрождения в Италии, во Франции XVIII—XIX или в России XIX—XX веков? Как важно принять людям мысль о нашем вечном кочевье во времени и пространстве, по материкам и странам. Что на планете Земля все мы — родственники, что вражда между нами накануне очередного кочевья теряет всякий смысл. Тем более вражда людей, полагающих себя духовными.

В таком случае кичливый национализм теряет всякую почву, зато патриотизм приобретает Божественный смысл: твори со всем усердием именно там, куда тебя направил Бог и где сосредоточен при твоем появлении на свет Его «пассионарный толчок». Пушкину же, как он сам выразился, «Бог уготовил родиться в России».

Впрочем, все мои поэтические догадки, конечно, не могут до конца ответить на Великую Загадку человеческой истории. Тем не менее многовековая история поэтической Франции и сопоставление ее с нашей дают пищу для размышлений не меньше, чем история всех религий и философских школ.

...В полутора километрах от усадьбы Михайловское есть место, называемое Савкина горка. Гиды сообщают, что здесь любил бывать Пушкин. Известно, что когда-то на Савкиной горке было языческое капище, что в окрестностях шли жестокие неуспешные бои псковичей с нашествием Стефана Батория, а попотом успешные — Красной армии с вермахтом. Несколько десятилетий стоял здесь монастырь, после его снесли...

Я стоял один на пустынном возвышении. В голове мелькали картины русской истории, виденные на живописных полотнах или в кино. Гиды рассказывали, что в годы революции наши крестьяне грабили и сжигали барские усадьбы, уничтожили и дом Пушкина. Затем их работу продолжили немецкие вандалы в годы войны, разрушив первую реконструкцию Михайловского. Перед глазами вставала вторая гениальная реконструкция, совершенная Семеном Степановичем Гейченко за полвека. И вдруг в сознании зазвучали какие-то гулы времен, звоны оружия, тихие крики, незнакомые слова...

Так же внезапно все звуки прекратились, наступила тишина. С высоты Савкиной горки я глядел на панораму Сороти, на сосны, на группы домиков среди леса на той стороне реки. Открывшаяся панорама была явно красивее той, что видел Александр Сергеевич. Уж дома-то точно выглядели куда ухоженней тех, что при жизни поэта были крыты соломой.

Мне подумалось: сколько же апокалипсисов вынесли эти места и стали только краше. Peut etre, в этом разгадка тайны пушкинской улыбки: смерти

уйдут, жизнь останется. Гибель старого лишь улучшает пейзаж.

Франции сегодня приходится очень непросто во всех смыслах. Возможно, там ситуация еще сложнее, чем у нас. Не в смысле комфорта, а в смысле ослабления воли к истине и свету, понижения силы духовных исканий, которые только и держат земную твердь. Без поисков правды, истины, красоты вражда на земле будет только возрастать. Так было и раньше, причем дух вражды иногда овладевал даже достойными людьми.

Почти два века назад Александр Сергеевич писал о Мицкевиче:

...Нередко

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. Боже! Освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему...

Правда и мир далеки еще, увы, от возвращения в наши сердца. Сегодня в связи со все более опасным противостоянием Запад — Россия, с событиями

ями на Украине кажется, что ожесточение только растет. Есть ощущение, что будущее, о котором мечтал Пушкин, входит в жизнь через абсурд, через бессмысленные преступления, лишённые всякой логики. Люди уходящего мира уж точно в своем мироощущении теряют временами здравый смысл. Но гармоничная очевидность Природы абсолютна в сравнении с индивидуальной природой человека, порой ужасной и всегда преходящей. В Михайловском это чувствуешь особенно остро. Что бы ни происходило в мире, Природа выстоит, люди типа Пушкина и Гейченко восторжествуют всегда. Когда смотришь на окрестности Пушкиногорья с Савкиной горки, на наши священные холмы, это представляется неоспоримым. И начинаешь понимать, что если эта вторая пушкинская родина устоит, она передаст частицу своего бессмертия всему миру и, конечно, Франции, Парижу, где Сена, как и Сороть, несет в своих водах чистейший дух поэзии.

САВКИНА ГОРКА

*Внизу причудливая Сороть,
Вверху чудные облака.
Просторы эти опозорить
Пыталась не одна рука.
Мамаем здесь прошел Баторий,
Броней — фашистская чума.
И мы, чужим вандалам вторя,
Сжигали барские дома.*

*Все было, все ушло в туманы,
В ручьев течение, в свист ветров.
И снова сосны первозданны,
И вновь над Горкою Покров.
И все, что было в мире этом,
А также будущая мгла
Нам заповеданы поэтом
Строкой —
«Печаль моя светла».*

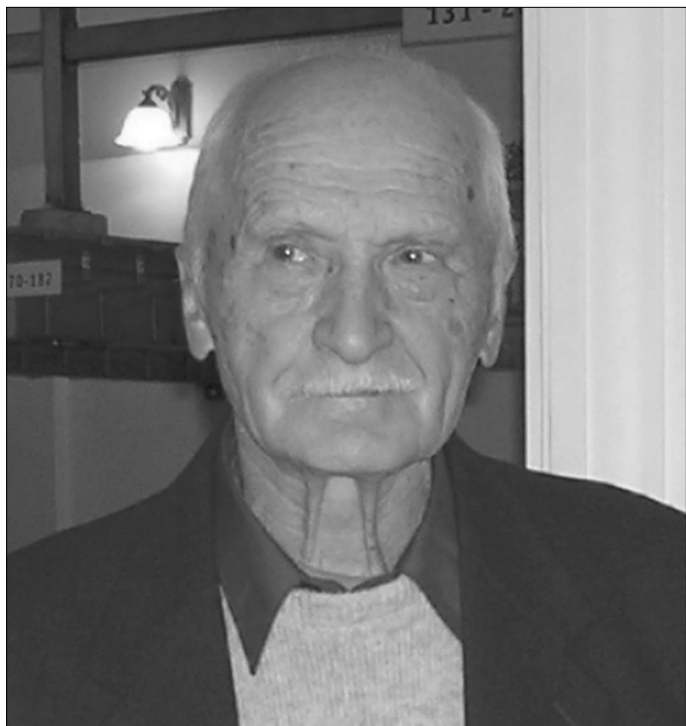
**ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ
ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ИЗ ПИНДЕМОНТИ»**

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.*

*Какие же волшебные картины
Скрываются за русской стариной,
Когда Москва не прятала Неглинной,
Когда Нева парила над страной!
В ту пору нас вела по жизни бодрость,
В глазах не рубль светился, но звезда...
Дуэли останавливали подлость,
Где не держала царская узда.
Я не печалюсь о былом бомонде,
По крови и по духу азиат,
Не жалуюсь, подобно «Пиндемонти»,
На перечень теперешних утрат.
Меня не манят реки прошлой крови,
Тоска по несвободе не грызет...*

*Ничто не беспокоит сердце, кроме
Утраты завоеванных высот.
От Сахалина и до Петербурга
Угрюм сегодня дух родных полей.
Уставился лишь в землю сивка-бурка,
Ждет от нее озимых да рублей.
Пусть скачет или пашет наш Пегас,
Плетется даже слабой рысью, мне бы
Не потерять из виду наше небо
И чтобы пушкинский светильник не погас.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРГЕЙ КЛЮЧНИКОВ
БИОГРАФИЯ
ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА КЛЮЧНИКОВА

Юрий Михайлович Ключников, известный российский поэт, философ, эссеист, переводчик, путешественник, родился в рабочей семье 24 декабря 1930 года в городе Лебедин (Восточная Украина), где жил до начала войны. В 1941 году вместе с родителями был эвакуирован: вначале — в Саратовскую область, а в 1942 году — в город Ленинск-Кузнецкий в Кузбассе. С 1942 года и до сегодняшних дней живет в Сибири. В 1949 году поступил в Томский университет на филологический факультет, который окончил в 1954 году. Затем работал корреспондентом многотиражных газет в Ленинске-Кузнецком и Кемерово, сельским учителем, завучем и директором школы. После переезда в Новосибирск в 1960 году был радиожурналистом. В первый период своего профессионального становления он успешно двигался по ступеням карьеры и в 1964 году, во время «оттепели», был даже направлен в Москву на двухлетнее обучение в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, на факультет журналистики. Там он усовершенствовал свое образование и знание французского языка во время работы в «Интуристе». Непосредственное общение с

французскими туристами, среди которых были профессор из Сорбонны, журналисты, интеллигенция, помогли ему познакомиться с неизвестными в СССР поэтами Франции, ее певцами (Адамо, Брассенсом, Брелем), с книгой Сартра «Что такое литература?», что пробудило его интерес к поэзии французов.

Знакомство с закрытой для большинства людей мировой философской мыслью и религиозными источниками благодаря доступу к фондам Спецхрана Ленинской библиотеки повлияли на мировоззрение будущего поэта. Он увидел бесперспективность жесткого советского атеизма. Затем, в 1966 году, вернулся в Новосибирск, где работал главным редактором Новосибирского радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, выпускал восточную литературу в Сибирском отделении издательства «Наука».

В конце 1970-х увлекся богоискательством, восточной философией, учением Н. К. Рериха, о чем открыто заявил, подписав с группой товарищей документ о необходимости ревизии марксизма и его одухотворения и направив этот документ (изучаемый сегодня российскими историками) в высшие партийные органы страны. Возникло громкое партийное дело. В 1979 году был обвинен в идеализме и богоискательстве после трехлетних партийных разбирательств (дело доходило до ЦК и Политбюро!) и более 70 партсобраний, где от него требовалось покаяние. Поскольку оно не последовало и Юрий Ключников не отказался от своих убеждений, то он как человек с идеалистическим мировоззрением был уволен из издательства с формулировкой «строгий выговор» и

запретом работать по специальности. С 1983 года и до выхода на пенсию в 1991 году в течение 8,5 лет работал грузчиком и такелажником на новосибирских заводах.

Стихи начал писать в 12 лет, посещал литературный кружок в Ленинске-Кузнецком, публиковался в местной печати. Потом долгое время печатал только статьи как журналист. Писал рассказы и пьесы, которые не публиковались, но по которым на новосибирском радио шли пьесы, пользовавшиеся большим успехом у слушателей. Но «толстые» московские издания не публиковали стихов Ю. Ключникова (с 1971 по 1981 год он получил из московских журналов около 100 отказов). Первая «серьезная» публикация всего лишь одного стихотворения состоялась в 1982 году в журнале «Москва». Затем еще одно стихотворение вышло в сборнике «Час России», собранном Романом Солнцевым и Виктором Астафьевым (который положительно оценил поэзию Ю. К. и отобрал туда несколько стихотворений). В самом начале перестройки вышло еще несколько подборок поэта в журналах «Смена», «Студенческий меридиан» и «Сибирские огни». Творчество Ю. М. Ключникова высоко оценивали такие известные, принадлежащие к самым разным, нередко противоположным идеологическим лагерям литераторы России, как В. Астафьев, В. Кожинов, В. Солоухин, А. Проханов, Л. Аннинский, Е. Евтушенко, С. Куняев, А. Казинцев, В. Бондаренко, В. Курбатов, Ф. Кузнецов, В. Лихоносов, С. Золотцев, Г. Иванов, В. Смирнов, В. Калугин, В. Сидоров, Э. Балашов, Ю. Селезнев, А. Парпара,

Л. Ханбеков. Однако в Союз писателей России его приняли только в 2004 году в возрасте 74 лет.

С 1990-го по 2014 год Ю. Ключников опубликовал 16 книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России» (1989), «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея» (2004), «Стихия души: опыт постижения» (2005), «Годовые кольца» (2006), «Я в Индии искал Россию» (2009), «Лики русской культуры» (2009, 2012), «Русское окно» (2010), «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011), «Дом и дым: лирические итоги» (2013), «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014) и, наконец, данный сборник переводов французской поэзии «Откуда ты приходишь, красота?» (2015), издание второе, исправленное и дополненное. Неоднократно публиковался в таких изданиях, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», газеты «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Член Союза писателей России. Академик Петровской академии наук. Автор более 1800 стихотворений, а с переводами — более 2000. Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» — «Серебряный диплом». Лауреат литературной премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского. Герой документального фильма «Белый остров» (режиссер В. Тихонов), награжденный специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». Живет и работает в Новосибирске.

ИЗВЕСТНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Каким-то кружным и долгим путем до меня дошли Ваши стихи, и прочел я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме. (1981)

ВАДИМ КОЖИНОВ

Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России. (2000)

СТАНИСЛАВ ЗЛОТЦЕВ

Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет — волею недобрых сил — и грузчика, ибо куда еще податься изгнанному за «инакомыслие»), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остается по существу стезей обретения веры. Он пришел к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России как хлеб насущный необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников. (2005)

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким «областным» писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского

подвижника и пассионария, явно недооцененного в отечественной литературе, — это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, перекличка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием. (2007)

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Юрий Ключников — замечательный сибиряк, «веселый странник золотого века», сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и Советская власть (другой нету), и христианское вероучение (Фаворский свет). (2010)

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

Слово Юрия Ключникова — живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и вселенского. В его стихах «дышит почва и судьба». А это вековечный «патент на благородство», как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет. (2011)

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать. (2011)

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

У нас уж лета-то вон какие, и поэтический «дневник» Юрия Ключникова (а это «дневник» зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, «не уходит в запас»... Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс... Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести. (2013)

СТАНИСЛАВ ДЖИМБИНОВ

Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке «темных» мест французской поэзии он взял на себя... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас не было ни до, ни после революции... Хотелось бы, чтобы большой труд Юрия Ключникова был также замечен не только во Франции, но и в России. (2014)

BIOGRAPHIE DE YOURI KLIOUTCHNIKOV EN FRANÇAIS

Youri Mikhaïlovitch Klioutchnikov est un célèbre poète russe, philosophe, essayiste, traducteur et voyageur. Il est né le 24 décembre 1930 dans une famille d'ouvriers à Lebedine (Ukraine orientale), où il a vécu jusqu'au début de la guerre. En 1941, il fut évacué-avec ses parents vers la région de Saratov, et en 1942, vers la ville de Leninsk-Kousnetsk dans le Kousbass. Youri Klioutchnikov vie en Sibérie depuis cette époque.

En 1949, il entre à l'université de Tomsk, à la faculté de Lettres, jusqu'en 1954. Il travaille ensuite comme correspondant de presse locale dans les villes de Leninsk-Kousnetsk et Kemerovo, puis, comme professeur et directeur d'école. Après avoir déménagé à Novossibirsk, en 1960, il travaille comme journaliste à la radio. En 1964, au moment du «dégel», on l'envoie à Moscou passer deux ans à la faculté de journalisme de l'école Supérieur du Parti Communiste d'Union Soviétique. En 1966, il rentre chez lui, et travaille comme rédacteur en chef pour la radio de Novossibirsk (Sibérie occidentale) ainsi que dans les studios des actualités cinématographiques. Il fera également publier de la littérature orientale dans la branche sibérienne de la maison d'édition "Science".

À la fin des années 70, il se passionne pour le christianisme, la philosophie orientale et l'enseignement de Roerich. En 1979,

il est accusé d'idéalisme, d'être chrétien, et, après trois ans de débats au sein du parti (l'affaire remontera jusqu'au Comité Central et au Politburo!), il est renvoyé de la maison d'édition à cause de sa vision idéaliste du monde. À partir de cette date et jusqu'à sa retraite en 1991, il travaille comme docker dans les usines de Novossibirsk.

Traduction
THOMAS PORTANGUEN

SOMMAIRE

Le recueil de traductions «D'où tu viens, Beauté?» (en référence au premier vers du poème de Baudelaire *Hymne à la beauté*) est la plus importante anthologie de poésie française faite par un seul homme. Youri Mikhaïlovitch Klioutchnikov est un célèbre poète russe, essayiste, traducteur, voyageur, membre correspondant de l'Académie des sciences de Russie, membre de l'Union des écrivains et de l'Union des journalistes de Russie. Le livre comprend plus de deux cent quarante poèmes et réunit cinquante-sept des meilleurs poètes français, recouvrant ainsi une période importante de l'Histoire (du XIIe siècle au XXIe siècle). Youri Klioutchnikov a traduit des poèmes d'auteurs comme Chrétien de Troyes, Bernart de Ventadorn, Bertran de Born, Guiraut de Bornelh, Arnaut Daniel, Guillaume de Machaut, François Villon, Charles d'Orléans Marguerite de Navarre, Clément Marot, Pierre de Ronsard, Joachim Du Bellay, Pierre Corneille, Jean de La Fontaine, Jean-Baptiste Racine, Le Comte de Saint-Germain, François-Marie Arouet de Voltaire, André Marie de Chénier, François-René, vicomte de Chateaubriand, Pierre-Jean de Béranger, Marceline Desbordes-Valmore, Alphonse Marie Louis de Prat de Lamartine, Alfred Victor de Vigny, Victor Marie Hugo, Alfred de Musset, Pierre Jules Théophile Gautier, Gérard de Nerval, Charles Marie René Leconte de Lisle, Charles Pierre Baudelaire, Théodore de Banville, Sully-Prudhomme, José-Maria de Heredia, Stéphane Mallarmé, Paul Marie Verlaine, Tristan Corbière, Jean Nicolas Arthur Rim-

baud, Henri-Francois-Joseph de Régner, Francis Jammes, Paul Claudel, Paul Valéry, Guillaume Apollinaire, Jules Supervielle, Saint-John Perse, Jean Maurice Eugène Clément Cocteau, Paul Éluard, Louis Aragon, Antoine Marie Jean-Baptiste Roger de Saint-Exupéry, Robert Desnos, Jacques Prévert, Raymond Queneau, André Frénaud, Eugène Guillevic, René Char, René Guy Cadou, Jacques Brel, Michel Houellebecq.

Pour chacun des auteurs traduit, un article biographique précède la sélection de texte et présente l'œuvre du poète ainsi que les moments importants de sa vie. Le recueil de poésie contient également trois articles :

L'avant-propos du plus grand expert russe de la poésie européenne : S.B. Djambinov, professeur à l'Institut de littérature, qui a mis en avant l'érudition du traducteur en matière de vers poétiques.

Un article de l'éditeur, Sergueï Klioutchnikov, philosophe et fils de l'auteur, qui raconte sa vision de l'Histoire concernant l'esprit national et la poésie française.

L'essai du traducteur «Pouchkine et la France poétique» ainsi que ses propres poèmes, consacrés à certains grands écrivains français.

L'auteur de la traduction, né en 1930, est d'origine ukrainienne. En 1933, il survit à la famine en Ukraine et à l'exportation en Sibérie pendant la guerre. La vie qu'il a passée en Russie est intimement liée à la culture russe. Le traducteur est non-conformiste, c'est une personne au destin difficile et brillant, possédant une riche expérience de vie et des centres d'intérêts des plus variés en matière de création. Philologue de formation, Youri Klioutchnikov a travaillé comme enseignant en milieu rural, fut directeur d'école ainsi que journaliste de presse et radio. Plus tard, il travailla comme rédacteur en chef pour la radio de

Novossibirsk ainsi qu'au sein des studios de films d'actualités en Sibérie orientale. Il a ensuite introduit la littérature orientale dans la branche sibérienne de la maison d'édition "Science".

Dès le début de sa carrière, il gravit peu à peu les échelons et, en 1964, au moment du «dégel», on l'envoie même à Moscou passer deux ans à la faculté de journalisme de l'école Supérieure du Parti. Il y enrichit sa formation et sa connaissance de la langue française grâce à son emploi à l'*Intourist*. Il fut directement en contact avec des touristes français, parmi lesquels, des professeurs de la Sorbonne, des journalistes, des intellectuels, qui lui ont permis de faire connaissance avec des poètes français alors inconnus en URSS, des chanteurs (Adamo, Brassens, Brel), et de découvrir le livre de Sartre, *Qu'est-ce que c'est la littérature ?*. Tout cela éveilla son intérêt pour la poésie française.

Youri Klioutchnikov se documentera sur la pensée philosophique mondiale et sur la religion (inaccessibles à la majorité des citoyens soviétiques). Cela aura une importante influence sur la vision du monde du futur poète. Il comprendra aussi l'absence de perspectives de l'athéisme soviétique. À la fin des années 1970, il se passionne pour le christianisme, la philosophie orientale et l'enseignement de Roerich. Il le déclarera ouvertement après avoir signé avec un cercle d'amis un document portant sur la nécessité de réviser le marxisme et la spiritualisation de celui-ci. Ce document fut envoyé aux différents organes politiques du pays. De plus, en 1979, Youri Klioutchnikov est accusé d'idéalisme et de propagande du christianisme, et, après trois ans de débats au sein du Parti (l'affaire est remontée jusqu'au Comité Central et au Politburo !) et plus de soixante-dix réunions du Parti Communiste, il est expulsé de la maison d'édition «Science» avec en prime une interdiction d'exercer dans sa spé-

cialité. À partir de 1983 et jusqu'à sa retraite en 1991, il travaillera comme docker dans des usines de Novossibirsk.

Durant cette période, Youri Klioutchnikov écrit des poèmes qui ne sont pas publiés. Il reçoit plus de cent refus de publication de la part d'importantes revues littéraires moscovites. Malgré les commentaires positifs des écrivains russes les plus célèbres de l'époque (puisque tous reconnaissent l'immense talent poétique de Klioutchnikov, malgré une appartenance à des courants littéraires différents), ses poèmes demeureront non-publiés pendant de nombreuses années. Il est admis dans l'Union des écrivains russes à l'âge de 74 ans seulement ! On peut dire qu'il a mené ce travail sur le livre de traduction toute sa vie. Cela débute dans les années 1960, lorsque l'auteur commence à traduire les symbolistes français. Il marque ensuite une interruption conséquente dans son travail. Puis, à un âge avancé, Youri Klioutchnikov se tourne à nouveau vers le thème de la France et traduit plus de deux cents quarante poèmes. Youri Klioutchnikov a éprouvé une grande sympathie pour la culture française, ce qui fut une surprise pour certains cercles littéraires russes. L'auteur du recueil de traductions avait la réputation d'être un homme avec une vision du monde très originale, alliant centres d'intérêts pour l'Orient (passionné par les idées de Roerich, il a également rencontré des sages lors de ses six voyages en Inde, rencontres qui sont décrites dans son livre), convictions patriotiques et dévouement aux idées socialistes. Il est toujours resté patriote, socialiste, admirateur de la sagesse orientale et, malgré huit années de répressions idéologiques, de harcèlement et de silence, ses convictions n'ont pas bougé d'un iota. Néanmoins, dans son œuvre personnelle, il s'est vu débordé des cadres de création qui lui étaient imposés. Il a outrepassé les clichés politiques et a montré son goût

pour la culture occidentale. Youri Klioutchnikov s'est employé à rendre plus accessible au lecteur russe la beauté et la richesse de la poésie française, à comprendre l'influence occidentale sur la culture russe et à saluer «la pierre sacrée de l'Europe». L'auteur débute son travail de traduction en s'appuyant sur un fait historique indiscutable : l'authenticité culturelle de la poésie russe s'est développée sous l'influence incontestable de l'Occident, et surtout de la poésie française. Malgré les quelques guerres et désaccords, l'allié culturel le plus proche de la Russie, celui ayant eu une influence sur son intelligentsia, est sans aucun doute le pays de Verlaine, la Marseillaise et Napoléon. Jusqu'à présent, les liens culturels et politiques de nos deux pays se sont toujours maintenus. Ce n'est pas pour rien que dans la politique mondiale actuelle, la France apparaît comme le partenaire le plus proche et le plus amical de la Russie, un médiateur expérimenté entre notre pays et les autres nations d'Europe occidentale lors des négociations internationales.

On considère que si les politiques connaissaient mieux l'Histoire des pays avec lesquels ils sont amenés à coopérer, peut-être commettraient-ils moins d'erreurs lors de leurs prises de décisions. L'Histoire et en l'occurrence la poésie des autres pays, nous reste en partie inaccessible malgré l'ouverture culturelle en temps de paix. De plus, on ne peut pas observer l'Histoire et pénétrer le caractère national de tel ou tel pays par la seule étude d'analyses politiques. Il faut également se pencher sur les sources poétiques, puisqu'elles renferment les bases d'informations les plus anciennes à propos du caractère national, d'autant plus lorsqu'il s'agit d'une période de près de mille ans. Le traducteur est parti du fait qu'il est important pour la Russie contemporaine d'exprimer en russe, dans une poésie travaillée et ciselée, ce à quoi pensaient les porteurs de la culture d'un

de nos pays-ami, la manière dont ils aimaient, ce à quoi ils rêvaient et aspiraient, et ce qu'il se passait dans leur vie. Une telle compréhension des choses entraîne toujours un resserrement des liens entre les pays pour l'avenir. C'est pourquoi, l'auteur s'est efforcé de donner un aperçu très complet sur les recherches poétiques françaises les plus intéressantes des neuf derniers siècles. Il complète le recueil de poésies par un essai détaillé sur Pouchkine, le poète national de la Russie ayant joué un rôle clé dans le dialogue entre les cultures russes et françaises.

A présent, notre siècle anglophone et commerçant voit de moins en moins de livres contenant des traductions de poésies françaises dans les rayons des librairies russes. En URSS, c'est l'État qui s'occupait de faire la promotion de la poésie étrangère dans le pays. Mais, aujourd'hui, seuls les enthousiastes s'en occupent, seuls. Pourtant, la demande de telles publications existe, puisque les personnes instruites en Russie se souviennent de l'incroyable beauté des poèmes de Villon, Baudelaire, Verlaine, Rimbaud, Apollinaire, etc... et ne veulent pas que la jeune génération grandisse sans connaître cette poésie. Aussi a-t-on l'espoir que cet ouvrage, ce recueil de traductions de Youri Klioutchnikov sera un phénomène visible dans la vie culturelle russe et apportera sa contribution au renforcement des liens culturels russo-français, qui doivent résister à toutes les épreuves de l'Histoire.

Traduction

THOMAS PORTANGUEN

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СТИХИ ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Пусть не услышу от француз- зов слова — 7	Сонет о старости — 297
Последний допрос Жанны — 25	Нас, разделенных време- нем-пространством — 333
Блез Паскаль — 28	От берегов Амура до Луары — 385
Романс крестоносца — 61	Михайловское — 394
Рыцарский романс — 74	Заметки на полях книги Астольфа де Кюстина — 397
Романс Франсуа Вийона — 92	Смерть героя — 414
— О, жизнь моя — какой ро- ман! — 155	Пора закончить долгий спор с Европой — 415
«А что есть истина?» — нас вопрошает век — 179	Савкина горка — 423
Как родятся стихи? — 208	Фантазии на тему пушкин- ского стихотворения «Из Пиндемонти» — 424
Марш графоманов — 249	
Рембо и Есенин — 275	

ПЕРЕВОДЫ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ XII—XX веков

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА

(Chrétien de Troyes)

Ивэйн, или рыцарь
со львом — 55

БЕРНАР ДЕ ВЕНТАДОРН

(Bernart de Ventadorn)

Канцона о любви — 58

БЕРТРАН ДЕ БОРН

(Bertran de Born)

Я знаю все, что обо мне твер-
дят — 64

Сражение мне — блаженство
из блаженств — 65

О тех, кого люблю — 65

О тех, кто молод — 66

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ**(Guiraut de Bornelh)**Любви восторги и печали —
69**АРНАУТ ДАНИЭЛЬ****(Arnaut Daniël)**

Баллада о сердце — 72

ГИЙОМ ДЕ МАШО**(Guillaume de Machaut)**

Нет денег — 76

ФРАНСУА ВИЙОН**(François Villon)**

Баллада о Марго — 82

По мне давно скучает ад — 83

Баллада о повешенных — 83

Баллада на поэтическом со-
стыязании в Блуа — 85

Баллада истин наизнаку — 86

Баллада о дамах былых вре-
мен — 87Я знаю все, но только не се-
бя — 88

Из Малого завещания — 89

**КАРЛ (ШАРЛЬ) ОРЛЕАН-
СКИЙ (Charles d'Orléans)**

Сбросило Время камзол — 94

Элегия о порядке вещей — 95

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ**(Marguerite de Navarre)***Два сонета*Спаситель мой, отрада и опо-
ра — 97Мутна похлебка смерти
и остра — 98**КЛЕМАН МАРО****(Clément Marot)**

«Да» и «нет» — 100

К Анне — 101

Маргарите Наваррской — 101

О сочинениях Маргариты
Наваррской — 102Против коварной подруги —
102Лежим в постели, мне подру-
га — 103**ЖОАШЕН ДЮ БЕЛЛЕ****(Joachim Du Bellay)**

В твоём плену я не зачах — 105

Триумфы и трофеи — 106

*Сонеты из цикла «сожале-
ния»*Поэзии моей внимали коро-
ли — 106— Ты хочешь знать, мой
друг, чем занят я? Служу
— 107Почтенный граф, забудь во
мне поэта — 108**ПЬЕР РОНСАР****(Pierre de Ronsard)**Две страсти мною смолоду
владели — 110Когда сидишь одна и в забы-
тии — 111Клянусь свою любовь, но не
умею — 112Старею, да и вы уж не цвете-
те — 112

О, Боже, кем я стал! Ко дню
своей кончины — 113

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

(**Pierre Corneille**)

Стансы Маркизе — 115

Я не интригами известность
добывал — 116

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН

(**Jean de La Fontaine**)

Наслажденью — 118

О женитьбе — 119

О женитьбе старика — 120

Эпиграмма на умирающего
Скаррона — 120

ЖАН РАСИН

(**Jean-Baptiste Racine**)

Проступок должен быть пред-
течей преступления — 122

Величие души нам без труда
дается — 122

Молитва христианина — 123

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

(**Le Comte de Saint-Germain**)

Тайна — 125

ФРАНСУА-МАРИ АРУЭ

ВОЛЬТЕР (De Voltaire)

Эпитафия — 127

Стихия об Амуре — 128

К Мадам де Г. — 128

Человеку, мечтающему стать
философом — 129

Прощание с жизнью — 130

АНДРЕ ШЕНЬЕ

(**André Marie de Chénier**)

Элегия — 133

Ямбы

Когда овца отправится на
бойню — 134

Живем. И что? Наверно, так
и нужно — 135

О, Боже, за какие прегреше-
нья — 136

Последний солнца луч гото-
вит сумрак миру — 136

ФРАНСУА ШАТОБРИАН

(**François-René, vicomte
de Chateaubriand**)

Письмо к девушке — 139

Поэтический вариант — 141

ПЬЕР БЕРАНЖЕ

(**Pierre-Jean de Béranger**)

Садик — 145

Завещание поэтам — 146

Безумцы — 147

Весна и осень — 149

Не будем о политике... — 150

Предсказания Нострадамуса
на 2000 год — 151

Голуби биржи — 152

Наполеон на острове Святой
Елены — 153

МАРСЕЛИНА

ДЕБОРД-ВАЛЬМОР

(**Marceline Desbor-Valmore**)

Гнездо одиночества — 157

Воспоминание — 158

Зарницы-молнии — 158
Вечерние колокола — 158
Безразличие — 159

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН
(Alphonse Marie Louis de Prat de Lamartine)

Смерть христианина — 161
Призвание — 162
Крик души — 162

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ
(Alfred Victor de Vigny)

Смерть волка — 166

ВИКТОР ГЮГО
(Victor Marie Hugo)

Другу — 171
Я храм нашел — 173
Зима — 174
Сон льва — 174
«Живые — борются! А живы только те...» (Отрывок из стихотворения) — 175
Ночная сказка — 176
Я завтра на заре покину город — 177
Девяносто третий — 177

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ
(Alfred de Musset)

«Тебе лишь года полтора
осталось жить» — 181
Не забывай — 182
Ах, женщины, какую силой —
183
Печаль — 184

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

(Pierre Jules Théophile Gautier)

Осенний пейзаж — 186
Облако — 187
В деревьях спрятавшись
осенних — 188
Я вас люблю. И что тут де-
лать — 189
Дрозд — 189

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

(Gérard de Nerval)

Золотые стихи — 192
Фантазия — 193
Безнадёжно и немо — 193
Христос под оливами — 194

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЛЬ

(Charles Marie René Leconte de Lisle)

Северная богиня — 196
Умершему поэту — 197
Майя — 198
О, ты, вернувшая мне сча-
стье — 198
Я не могу — 199

ШАРЛЬ БОДЛЕР

(Charles Pierre Baudelaire)

Альбатрос — 202
Полет — 203
Монолог красоты — 203
Откуда ты приходишь, кра-
сота? — 204
Предыдущая жизнь — 205
Духовная заря — 206
Падаль — 206

ТЕОДОР БАНВИЛЬ
(Théodore de Banville)
Баллада добрых советов — 210

ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ АДАН
(Comte Jean-Marie-Matthieu-Philippe-Auguste Villiers de l'Isle Adam)
Бутылке испанского вина — 214

Из «Жестоких рассказов»
Признание — 214
Пробуждение — 215
Прощание — 215
Новая встреча — 216

СЮЛЛИ ПРИДОМ
(Sully-Prudhomme)
Разбитая ваза — 218
Будь я бог — 219
Идеал — 220
Роса — 220
Здесь, на земле — 221

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА
(José-Maria de Heredia)
Смерть орла — 223
Антоний и Клеопатра — 224
Прометей — 224

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ
(Stéphane Mallarmé)
Лебедь — 228
Звонарь — 229
Веер госпожи Малларме — 229
Закрыв я древний том, полу-
закрыв глаза — 230

Эпитафии
Эдгару По — 231
Шарлю Бодлеру — 231
Полю Верлену — 232
Слезы — 232
Наскучили мне думы Ге-
раклита — 233
Стихи о разных вкусах — 233

ПОЛЬ ВЕРЛЕН
(Paul Marie Verlaine)
Женщина и кошка — 239
Осенняя песня — 240
Савитри — 241
Никогда — 241
Посвящение Дон-Кихоту — 242
Сон, с которым я сравнился — 242
Маньяк любви — 243
Сыну — 244
На смерть Люсьена Люти-
нуа — 244
Стихи, за которые буду окле-
ветан — 245
Женщине — 245
Вздых — 246
Моим критикам (Самооправ-
дание) — 247
Искусство поэзии — 248

ТРИСТАН КОРБЬЕР
(Tristan Corbière)
Повезло — 252
Бедняга — 253
Венок искусства — 254
Прости-прощай — 254

Париж — 255
Юнга — 255
Цветок — 256
Жаба — 257

АРТЮР РЕМБО
(**Jean Nicolas Arthur Rimbaud**)

Предчувствие — 263
Уснувший — 263
Первый вечер — 264
Мое бродяжничество — 265
Плутовка — 266
Роман — 266
Credo in ipam — 268
Возмездие Гартюфу — 269
Прощание с Европой — 269
Пьяный корабль — 270

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ
(**Henri-Francois-Joseph de Régnier**)

Эпитафия — 277
Ляг на песок. Черпни его рукою — 278
Осень — 278
Дождь в саду — 279
Оранжевая луна — 280

ФРАНСИС ЖАММ
(**Francis Jammes**)
Приезжайте погостить — 282
Книга — 283
Молитва о рае вместе с ослами — 283
Пошли звезду — 284
Предзимье — 285
Опять зима — 285

ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ
(**Paul Claudel**)
Невменяемый Верлен — 289
Ответ мудрого Цинь Юаня — 290

Предисловия к «атласному башмачку» — 291
Весеннее пробуждение полей — 292
Баллада о море — 293
Баллада о главном вопросе — 294

ПОЛЬ ВАЛЕРИ
(**Paul Valéry**)
Кладбище в море — 299
Венера — 301
Орфей — 301
Вино поэзии — 302
Дружелюбный лес — 302

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР
(**Guillaume Apollinaire**)
Мост Мирабо — 305
Попрощаемся молча, без звука — 306
Осень — 306

В тюрьме Сантэ (в сокращении) — 307

Из писем Лу
Лишь ради тебя я полез в эту адскую муку — 308
Облако в небе сливается с мглой — 309
Если я там погибну — 309
Пишу тебе, закончу или нет... — 310

Солдаты по детски сражаются
в шашки — 311
Письмо Тристану Дерему,
воскресший — 311
Моему другу Пабло Пикас-
со — 312

ЖЮЛЬ СЮПЕРВЬЕЛЬ

(Jules Supervielle)

Олень — 315
Лес — 316
Научишься ли мой далекий
зов — 316
Париж — 316

ЖАН КОКТО

(Jean Maurice Eugène Clément
Cocteau)

Твой сон — 320
Кто верит, что тобою облада-
ет — 321
Ты говоришь — не ту я вы-
брал тему... — 321
Танцовщица — 322
Мы в страхе пребываем веч-
но — 322
По мудрым законам про-
странства — 322

ПОЛЬ ЭЛЮАР

(Paul Éluard)

Я готов наплевать — 326

Точность сердца — 327
Мы двое — 327
Мужество Парижа — 328
Свобода — 328
Молодость ей подарила — 329

АНТУАН

ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

(Antoine Marie Jean-Baptiste
Roger de Saint-Exupéry)

Молитва — 332

РОБЕР ДЕСНОС

(Robert Desnos)

Под покровом ночи — 337
Я столько в жизни думал о
тебе — 337
Ко мне опять во сне пришла
любовь — 337
Пейзажи — 338
Эпитафия — 339

РЕНЕ-ГИ КАДУ

(René Guy Cadou)

Верую — 341
Святой Фома — 342
Я скитался всю жизнь по
убогим жилищам — 343
Из сборника «Елена, или Зе-
леное царство» — 343

ПОДРАЖАНИЯ

ПЬЕР ЖУВ

(Pierre Jean Jouve)

Ткань знамени Парижа —
348

Небо — 349

Манекены — 350

В душе моей возникла свет-
лая печаль — 351

СЕН-ЖОН ПЕРС**(Saint-John Perse)**

Птицы — 353

ЛУИ АРАГОН**(Louis Aragon)**Слушай, Франция, голос
Москвы — 356

Большой тесный мир — 358

Не бывает счастливой любви
— 358**ЖАК ПРЕВЕР****(Jacques Prévert)**

Кругооборот прогресса — 362

Чудо — 362

Осколки зова — 363

Как нарисовать птицу — 363

РАЙМОН КЕНО**(Raymond Queneau)**

Не так уж я боюсь — 366

В мясной лавке — 367

Прилив — 368

Искусство поэзии — 369

ЭЖЕН ГИЛЬВИК**(Eugène Guillevic)**Какой-нибудь певчий дрозд —
371

Утро придет или ночь — 371

Беззвучно деревья качались в
печали — 372**РЕНЕ ШАР****(René Char)**

Прощание с ветром — 374

Из «Листков Гипноса» — 375

АНДРЕ ФРЕНО**(André Frénaud)**

Благожелательность — 377

Жизнь — 377

Мой самый лучший дом — 378

Небытие — 378

ЖАК БРЕЛЬ**(Jacques Brel)**Мы увидеть должны, мы услышать
должны — 380

Быки — 382

Старики — 383

Книги издательства «Беловодье»

вы можете заказать по почте.

**Подробный каталог высылается бесплатно:
195213, С.-Петербург, а/я 35, «КП Беловодье»**

E-mail: belovodje@x-books.ru

www.x-books.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Беловодье»**

**ПО ВОПРОСАМ СОТРУДНИЧЕСТВА, ИЗДАНИЯ,
РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГ,
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:**

Тел. (495) 484-37-32

e-mail: belovodje@rambler.ru

Юрий Ключников
ОТКУДА
ТЫ ПРИХОДИШЬ,
КРАСОТА?

Вольные переводы
французской поэзии
XII—XX веков

Ответственный редактор-составитель *С. Ключников*

Литературный редактор *С. Небольсин*

Дизайн и верстка *И. Дергунова*

Переплет *С. Китов*

Корректор *Т. Чернова*

Издательская лицензия ЛР № 066606 от 19.05.99

Формат: 70х100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «NewtonС». 14,125 печ. л. Тираж 600 экз. Зак. №

НПЦТ «Беловодье»

Тел.: +7-903-707-92-23. E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
материалов в ООО Производственная фирма «Полиграф-Книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3